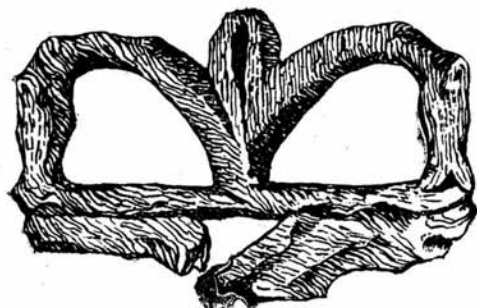

ДРЕВНЯЯ
КУЛЬТУРА
МОЛДАВИИ

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Отдел этнографии и искусствоведения

Древняя культура Молдавии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА» * КИШИНЕВ * 1974

В книге рассказывается о материальной культуре и быте различных племен и народов, живших на территории Молдавии с VIII в. до н. э. по XVII в. н. э. (скифы, геты, сарматы, черняховцы, славяне, молдаване и др.). Отражается их взаимовлияние. Установлено время появления этих племен и народов на территории Днестровско-Прутского междуречья, описан род их занятий, обряды, обычаи и т. д.

Работа рассчитана на археологов, этнографов, искусствоведов, преподавателей, студентов, работников музеев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. С. Зеленчук (ответственный редактор),

А. И. Мелюкова, И. Г. Хынку

О древней культуре Молдавии, о судьбах обитателей края, о их борьбе с силами природы и врагами были написаны статьи, брошюры и отдельные монографии. Данная работа является первым обобщающим исследованием материальной культуры населения территории Молдавии с эпохи раннего железа по XVII в.

Авторы стремились наиболее полно осветить эту тему на основании данных, полученных при раскопках многих поселений и могильников, оставленных различными племенами и народами, населявшими Днестровско-Прутское междуречье. Поскольку письменные данные о населении междуречья — сведения древних авторов — крайне отрывочны и неполны, археологический материал является единственным и верным источником для изучения истории и древней культуры края.

Некоторые узловые проблемы, относящиеся к археологическим культурам, являются предметом острых и оживленных обсуждений. Опубликование настоящей монографии будет в какой-то мере содействовать разрешению спорных вопросов.

Учитывая специфику археологических памятников на территории Днестровско-Прутского междуречья, обусловленную особым географическим положением края, авторы при характеристике древней культуры часто обращаются к памятникам, расположенным за пределами МССР, и прежде всего на юго-западе УССР и в Социалистической Республике Румынии.

Принятая в работе периодизация отвечает той, которой придерживаются наши ведущие исследователи. В соответствии с общепринятой хронологией выделены разделы, каждый из которых посвящен определенной исторической эпохе. Некоторое отступление допущено в первом разделе, где дается характеристика археологических культур не только предскифского, но и раннескифского периодов. Это отступление объясняется недостаточной полнотой имеющихся сведений по этим периодам. Особенно существенны пробелы по переходному от бронзы к железу периоду, когда происходило формирование разных групп фракийского этноса. До сих пор слабо изучены и памятники культуры IV—III вв. до н. э. Почти ничего определенного еще невозможно сказать относительно населения Днестровско-Прутского междуречья в I в. до н. э. — I в. н. э., особенно степной части района.

Черняховская культура представляет собой весьма значительное, но еще недостаточно понятное явление в истории Восточной Европы. Памятник, давший название этой культуре (черняховский могильник), был обнаружен в Казарлыкском районе Киевской области на рубеже XIX—XX вв. Позже в лесостепной и степной зонах на территории от Дуная до левых притоков Днепра были открыты сотни черняховских поселений и могильников.

Датировка черняховской культуры, вопросы о наличии в ней локальных вариантов, о носителях и наследниках этой культуры и т. д. являются предметами острой дискуссии в советской и зарубежной археологической науке. Особенно занимает исследователей вопрос о том, какие племена были носителями и создателями этой культуры: германцы или славяне, фракийцы, сарматы или многие разнотнеческие племена.

Памятники в междуречье Днестра и Дуная рассматриваются рядом исследователей как культурное наследие гето-дакийских племен. Выделение этой группы памятников обосновано прежде всего тем, что в трудах древних авторов упоминаются исконные обитатели указанной территории — фракийские, гето-дакийские племена. Это дает право отдельно рассмотреть памятники черняховской культуры данного региона.

Начиная с VI в. территория Днестровско-Прутского междуречья была заселена славянами. В VI—IX вв. процесс расселения славянских племен шел не только в Молдавии, но и на всей огромной территории Юго-Восточной Европы. Славяне сыграли решающую роль в бурных событиях VI—VII вв. на Балканах, ускорив гибель рабовладельческой формации в Восточно-Римской империи. Они несли с собой зачатки новых, более прогрессивных социально-экономических отношений.

Изучение истории славянства VI—IX вв. по письменным источникам и памятникам материальной культуры позволяет вос-

создать многие стороны жизни славян задолго до возникновения Киевской Руси, показать, что возникновение и блестящий расцвет древнерусского государства был закономерным процессом, корни которого восходят к середине первого тысячелетия н. э. Поэтому исследование памятников материальной культуры славян VI—IX вв., особенно VI—VII вв., является одной из основных задач советской археологии. На тех землях, которые были заселены славянами в эпоху «великого переселения народов», сейчас ведется изучение раннеславянских памятников. К числу этих земель относится и территория Молдавской ССР.

С X в. на территории Молдавии проходит граница между двумя крупными этнокультурными общностями. К северо-востоку от устьев рек Реута на Днестре и Чузуры на Пруте встречаются памятники восточно-славянской культуры, а на остальной, юго-западной, части — поселения балкано-дунайской культуры. На памятниках указанных культур были проведены раскопки, собран большой фактический материал, отражающий различные стороны быта и культуры обитателей края. Но осталось еще очень много неразрешенных вопросов. Так, пока не ясна взаимосвязь между носителями восточнославянской и балкано-дунайской культур. Автором «Повести временных лет» упомянуты на Днестре тиверцы и уличи. Но окончательно еще не установлено, какая из археологических культур X в. и более позднего времени оставлена тиверцами и какая уличами.

Остается невыясненным вопрос о носителях балкано-дунайской культуры на территории Молдавии. На основе имеющегося материала можно утверждать, что она является синкретической культурой, элементы которой происходят из культур нескольких обитавших в этом крае народов и этнических групп населения. Вполне возможно, что на раннем этапе генезиса этой культуры состав ее носителей был неоднородным.

После татаро-монгольского нашествия 1241—1242 гг. в первые две трети XIV в. центральная и южная части Днестровско-Прутского междуречья стали частью территории Золотой Орды. До недавнего времени здесь существовала неизвестная по письменным источникам и выявленная в результате археологических работ еще одна подвластная золотоордынскому государству область оседлой земледельческо-ремесленной цивилизации с многочисленными поселениями и городами. Пришлое население вошло в контакт с проживавшими здесь волотами и славянами. Археологические исследования ограничивались главным образом раскопками остатков городов золотоордынского времени близ с. Требужены Оргеевского района и с. Костешты Котовского района МССР.

История денежного обращения Днестровско-Прутских земель составляет неотъемлемую часть экономической истории Молдавии. За семь десятилетий XX в. здесь накоплен значительный мате-

риал, отражающий состав и характер денежного обращения края в различные исторические периоды его развития. Однако до сего времени нет сводной работы, в которой нашла бы отражение общая картина денежного обращения с древнейших времен до начала XVIII в.

Предлагаемый вниманию читателей последний раздел является первой попыткой представить в целом общую картину зарождения и развития денежного обращения в крае, его основные вехи. Многие вопросы предстоит еще выяснить.

В настоящей монографии авторы стремились, по мере возможности и исходя из наличия материала, отразить современный уровень знаний в области изучения материальной культуры древней Молдавии.

Монография написана исследователями из гг. Москвы и Кишинева. Авторами разделов являются: А. И. Мелюкова — «Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VIII—I вв. до н. э.)»; Э. А. Рикман — «Сарматы и племена черняховской культуры (I—IV вв.)»; И. А. Рафалович — «Культура славян Молдавии (VI—IX вв.)»; Г. Б. Федоров — «Древнерусская культура Поднестровья (X—XII вв.)»; И. Г. Хынку — «Памятники Балкано-Дунайской культуры (X—XIV вв.)»; Л. Л. Полевой — «Памятники золотоордынского времени (XIV в.)»; П. П. Бырня — «Памятники культуры молдаван (XV—XVII вв.)»; А. А. Нудельман — «Монета и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья» (IV в. до н. э. — XVII в.).

КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(VIII—I вв. до н. э.)

Сведения древних авторов

Появление первых железных изделий на европейской части СССР относится еще к середине II тыс. до н. э. Однако лишь с конца IX — начала VIII в. до н. э. начинается решительная замена железом бронзы и камня, из которых ранее изготавливались орудия труда и оружие.

В Северном Причерноморье начало подлинного железного века совпало с консолидацией скифских племен. С конца VII по III в. до н. э. роль скифов на этой территории была настолько велика, что весь период получил наименование скифского. Период, предшествовавший скифскому и соответствующий времени перехода от бронзы к железу, обычно называется предскифским, или киммерийским, по имени народа, господствовавшего в степях до прихода скифов.

Пребывание киммерийцев на территории Днестровско-Прутского междуречья установлено по рассказу Геродота о могиле киммерийских царей, сооруженной в низовьях р. Тираса (Днестра). Во времена Геродота эта могила была еще хорошо видна. События, о которых повествовал отец истории, относятся к концу VIII в. до н. э., ко времени изгнания киммерийцев скифами из

степей Северного Причерноморья. Кроме того, у Геродота и Страбона ясно сказано о том, что земли от Дона до Дуная, которыми владели скифы, ранее принадлежали киммерийцам. Эти свидетельства также позволяют включать в область, занятую киммерийцами, по крайней мере степные районы Днестровско-Прутского междуречья.

В Северном Причерноморье киммерийцы известны с конца II тыс. до н. э. К этому времени относится упоминание о них в «Одиссее». По Гомеру, страна киммерийцев находилась близ входа в загробный мир, в царство Аида. Таким далеким представлялось северное побережье Черного моря в начальный период знакомства с ним греческих мореплавателей.

Зато хорошо известны яркие страницы истории киммерийцев, связанные с походами в Малую Азию, зарегистрированные в ассирийских клинописных текстах (722—715 гг. до н. э.), а также с их пребыванием в Передней Азии после изгнания скифами из Северного Причерноморья.

По Страбону следует, что набеги киммерийцев на Малую Азию иногда совершались вместе с фракийским народом — трерами.

Наиболее поздние упоминания о киммерийцах относятся ко времени лидийского царя Алиата (615—565 гг. до н. э.). Разгромленные им в бою киммерийцы окончательно исчезли с исторической арены.

На основании нескольких личных имен, сохранившихся в письменных источниках, лингвисты полагают, что киммерийцы, как и скифы, были иранцами.

Геродот, хотя и включает Днестровско-Дунайское междуречье в территорию Скифии, не говорит ничего конкретного о племенах, которые здесь обитали. Противоречия содержатся и в его описании западной границы скифских земель. Говоря в одном из разделов своего труда о том, что Истр (Дунай) был пограничной рекой между Скифией и Фракией, в другом разделе он отмечает пять левых притоков Истра, будто бы находившихся в пределах Скифии.

Сопоставляя географические сведения Геродота с его же изложением событий, связанных с походом Дария в Скифию, а также тех, которые относятся к эпизоду с царем Скилом, можно прийти к заключению, что скифы в VI—V вв. до н. э. чувствовали себя хозяевами степных земель вплоть до Дуная и, может быть, на какой-то части территории левого берега этой реки.

Скифское господство здесь, очевидно, сохранялось до IV в. до н. э., так как известно, что земли вплоть до Истра входили в состав первого скифского государства, возглавляемого царем Атеем¹. Около середины IV в. до н. э. Атей с многочисленным войском перешел Дунай и попытался утвердить свою власть в областях к югу от этой реки². В 339 г. в войне с Филиппом Македонским царь Атей погиб. После этого скифы, очевидно, потеряли земли, прилегающие к Дунаю; был нанесен серьезный удар и по скифской государственности, так как никому из скифских царей позднее не удалось создать единой государственной организации на всей территории, которой владел Атей.

Сразу же после скифо-македонской войны наступил период активизации гетов на обоих берегах Дуная³. Область между Дунаем и Днестром в южной степной части получает название Гетской пустыни⁴.

В устье Днестра, по сведениям Геродота, жили греки-тириты. В VI в. до н. э., видимо, они основали города Тиру (на месте современного г. Белгорода-Днестровского)⁵ и Никоний (на месте городища у с. Роксоланы Овидиопольского района Одесской области)⁶.

В середине второй половины III в. до н. э. на территории всего степного Северного Причерноморья, в том числе и в Днестровско-Прутском междуречье, происходят значительные изменения этнического состава. С востока на запад движутся сарматские племена. С запада на восток и юг — кельты, а с Повисленья на юг — бастарны. Приток новых племен нарушает привычную жизнь местного населения. Ольвийский декрет в честь Протогена, относящийся к концу III или началу II в. до н. э., отражает тревожную обстановку, создавшуюся вследствие передвижения племен, не только в окрестностях Ольвии, но и на территории всего Северо-Западного Причерноморья⁷.

**Археологические
источники**

В дореволюционный период благодаря деятельности И. Я. и Л. П. Стемпковских систематическим раскопкам подвергались лишь курганы на левобережье Днестра, в Тираспольском районе⁸. Более 60 из 400 исследованных курганов оказались скифскими.

В результате разведок Г. Д. Смирнова в 1946 г. в лесостепных районах Молдавии было обнаружено много поселений и городищ раннего железного века. Он же начал раскопки на городищах «Большая Сахарна», «Малая Сахарна». Первое из них оказалось сооруженным на месте поселения VIII—VI вв. до н. э. Второе дало материал только IV—III вв. до н. э.⁹ Тогда же им были предприняты исследования одного из поселений VIII—VI вв. до н. э., близ с. Сахарна и двух курганных могильников этого же времени¹⁰.

В 1952—1953 гг. были произведены раскопки на поселении у с. Солончены и на городище у с. Выхватинцы, а также продолжено исследование одного из могильников у с. Сахарна¹¹.

В 1952 г. под руководством Р. Л. Розенфельдта начаты раскопки на курганном могильнике у с. Алчедары¹², продолженные впоследствии А. Н. Никитиным¹³. Под руководством О. Н. Мельниковской были предприняты раскопки на поселении у с. Цахвоуцы¹⁴, давшие материалы, аналогичные найденным на поселениях VIII—VI вв. до н. э. у с. Сахарна и с. Солончены. В разные годы поселения такого же типа были обнаружены при разведках и в других районах лесостепной Молдавии, и в частности в бассейне р. Реут¹⁵.

В 1953 г. В. И. Маркевичем открыты поселения и могильник VIII—VI в. до н. э. у с. Шолданешты. Раскопки на этих памятниках производились в 1954—1955 гг.¹⁶ В настоящее время к числу памятников этого же круга прибавился могильник у с. Селиште Оргеевского района, изучаемый В. Л. Лапушняном¹⁷.

Культурный слой IV—III вв. до н. э. с характерной для гетов керамикой был обнаружен Т. С. Пассек при исследовании многослойного поселения у с. Голерканы на правом берегу Днестра¹⁸.

В 1960 г. в бассейне р. Ботна, на южной окраине лесостепной Молдавии, были предприняты раскопки на поселениях и могильнике у с. Ханска¹⁹. Позднее И. Г. Хынку обнаружил еще два могильника. Раскопки на одном из них и селища IV—III вв. до н. э. начиная с 1966 г. проводятся И. Т. Никулицэ²⁰. В 1961 г. Т. Д. Златковская исследовала городище у с. Матеуцы²¹. В этом же селе известны поселения и могильник VIII—VI вв. до н. э.²²

В 1972 г. в с. Пыржолтены Каларашского района при строительных работах было вскрыто гетское погребение с оружием и керамикой V в. до н. э.

В степных районах Днестровско-Дунайского междуречья некоторые интересные погребения и курганы раннего железного века были вскрыты в Молдавии Г. Ф. Чеботаренко²³, в Одесской области — И. Т. Черняковым, Н. М. Шмаглием²⁴. Среди них имеются памятники VIII—VII, VII—VI и IV—III вв. до н. э. К V в. относится пока один скифский курган, исследованный А. В. Гудковой у с. Червоный Яр Килийского района Одесской области²⁵. Между селами Тудорово и Паланка, на правом берегу Нижнего Днестра, при земляных работах прослежены остатки одного или двух бескурганых гетских погребений IV—III вв. до н. э.²⁶

На Нижнем Днестре одно из погребений скифской эпохи подверглось раскопкам Г. Ф. Чеботаренко²⁷. На правом берегу Днестровского лимана систематические раскопки на поселении IV—III вв. до н. э. у с. Пивденное производил А. Г. Сальников²⁸. На левом берегу М. С. Синицын и Г. А. Дзис-Райко исследовали городище у с. Надлиманское²⁹. Мною предпринимались раскопки на поселении и могильнике у с. Николаетка Овидиопольского района Одесской области³⁰. Второй могильник в том же селе исследовался Г. А. Дзис-Райко³¹.

Несколько поселений IV—III вв. до н. э. зарегистрировано на Левобережье Прута в районе г. Кагула и в устье Дуная, недалеко от г. Измаила. Возле одного из поселений на берегу Дуная у г. Измаила было обнаружено несколько одновременных с ним погребений³².

В связи с накоплением новых данных не только на территории Молдавской ССР, но и в смежных областях: на Украине, с одной стороны, и в СРР — с другой, в настоящее время представилась возможность уточнить и более глубоко изучить некоторые вопросы, связанные с историей племен лесостепных районов Прутско-Днестровского междуречья. В частности, по-новому сейчас следует рассматривать памятники VIII—VI вв. до н. э., хотя окончательные выводы об истории населения этого периода, пожалуй, пока невозможны³³. Ряд важных наблюдений относительно культуры гетских племен лесостепной Молдавии в IV—III вв. до н. э. и ее взаимосвязей с внешним миром сделан И. Т. Никулицэ в кандидатской диссертации³⁴.

Археологические материалы степной полосы Днестровско-Прутского или Днестровско-Дунайского междуречья пока не все систематизиро-

ваны, а многие из них не опубликованы. Однако среди памятников IV—III вв. до н. э. уже выделены такие, которые могут быть отнесены к гетам, и памятники собственно скифские³⁵. Новые данные, полученные благодаря раскопкам последних лет в степных районах Днестровско-Дунайского междуречья, позволяют сделать более обоснованными некоторые выводы относительно истории населения этого района в раннем железном веке.

1. Племена степной и лесостепной зон Молдавии в VIII—VI вв. до н. э.

Киммерийцы и ранние скифы

Археологическими памятниками ранних киммерийцев исследователи в последнее время все более уверенно считают поселения и погребения белозерского этапа поздне-срубной культуры³⁶. По времени они соответствуют гомеровским киммерийцам и датируются X—IX вв. до н. э. Такие памятники сейчас известны в Приазовье, в степном Крыму, на Нижнем Днестре и Буге, а также в Днестровско-Прутском междуречье. Ранние киммерийцы вели оседлый образ жизни, а в хозяйстве их одинаковую роль играло земледелие и пастушеское скотоводство. К началу VIII в. до н. э. в степном Северном Причерноморье прекращается жизнь на их поселениях. Это явление археологи объясняют изменениями образа жизни и хозяйства киммерийских племен. Очевидно, к VIII в. до н. э. в степи наступил окончательный переход от оседлого к кочевому быту и от пастушества к кочевому скотоводству.

В наиболее богатых погребениях VIII—VII вв. до н. э. найдены оружие и принадлежности конской сбруи, что подтверждает мысль о происшедших к этому времени изменениях в быту и хозяйстве. В науке памятники такого рода получили название «группы новочеркасского клада» по месту первой находки комплекса вещей, характерных для этого времени, сделанной в г. Новочеркасске в 1939 г.³⁷

Судя по письменным источникам, с киммерийцами и скифами мы можем связывать лишь памятники степной зоны Северного Причерноморья. Население лесостепной полосы отличалось от степных племен по своей этнической принадлежности и культуре. Отдельные элементы скотоводства, наблюдающиеся по археологическим памятникам той и другой территорий, объясняются существованием взаимосвязей между степными и лесостепными племенами. Все сказанное в полной степени относится, в частности, к Днестровско-Прутскому и Днестровско-Дунайскому междуречью.

Племена степной зоны Днестровско-Дунайского междуречья

В степной зоне нам известны только погребения VIII—VII вв. до н. э. Количество их невелико, но они со всей очевидностью свидетельствуют о том, что здесь жили те же племена, что и в более восточных областях, в частности на Буге и Нижнем Днестре. Особенно интересны в этом отношении наиболее богатые погребения, исследованные в курганах у с. Суворово³⁸ Татарбунарского района Одесской области.

Здесь под невысокими курганными насыпями находились довольно большие прямоугольные или квадратные могилы. Некоторые из них были обложены камнем, но для всех характерны деревянные перекрытия, иногда с опорными столбами по углам ямы.

Все захоронения представляют собой труположения, однако один из погребенных лежал на спине с вытянутыми руками и ногами, другие были в скорченном состоянии. Ориентировка неустойчива: одни головой на север, другие — на запад или юго-запад. В одном из мужских погребений найдены обломки кинжала с железным клинком и бронзовой крестовидной рукоятью. На конце ножен кинжала был бронзовый ажурный наконечник. Кинжал относится к числу предметов, типичных для VIII—VII вв. до н. э. В женском погребении найдены массивные спиральные золотые подвески, также хорошо известные для этой эпохи.

Очень интересна керамика из погребений в курганах у с. Суворова. Это преимущественно кубки и одна миска, которые имеют близкое сходство с керамикой лесостепных памятников Молдавии этого времени. Именно в этом, пожалуй, только и сказывается специфика памятников позднекиммерийского времени Днестровско-Дунайского междуречья.

Более скромные погребения VIII—VII вв. до н. э. открыты в курганах на Нижнем Днестре³⁹. От описанных они отличаются меньшими размерами могильных ям, одни из которых были впускными в курганы эпохи бронзы, другие основными. Скелеты в них лежали вытянуто, головой на запад, юг и юго-восток. Обычно в погребения поставлен только один сосуд. Лишь в кургане № 178 у с. Парканы, где обнаружен разрушенный скелет, кроме миски сохранился бронзовый ромбический наконечник стрелы, типичный для предскифской эпохи (рис. 1).

В некоторых погребениях этой группы находились сосуды (преимущественно кубки) с резным и штампованным орнаментом (см. рис. 1), имеющие прямые аналогии в памятниках лесостепи, которые могут быть датированы в широких пределах — от VIII до первой половины VI в. до н. э. Наиболее вероятным следует считать VII—начало VI в. до н. э. Такой вывод кажется возможным на том основании, что все погребения, в которых найдена украшенная таким образом посуда, представляли собой только вытянутые труположения, тогда как среди датирующихся VIII—VII вв. до н. э. встречаются как вытянутые, так и скорченные.

В последние годы такие погребения открыты в курганах на правобережье Нижнего Поднестровья у сс. Маяки, Пивденное⁴⁰ и в кургане № 1 (погребение № 2) у с. Каушаны⁴¹. Известны они и в более западных районах степного Северного Причерноморья. Так, в одном из курганов эпохи бронзы у с. Огородное Болградского района Одесской области в неглубокой прямоугольной яме было обнаружено впускное захоронение, в котором погребенный лежал на спине, головой на северо-запад. Слева за черепом, на дне неглубокой, довольно узкой ямы стоял небольшой круглотелый кубок с невысоким горлом и умбоном посредине. По тулову нанесена полоса резного геометрического орнамента⁴².

Рис. 1. План погребения, образцы керамики и наконечник стрелы из курганов VIII—VI вв. до н. э.

Отсутствие ясно выраженных признаков скифской культуры не позволяет уверенно связать эти памятники с ранними скифами. Ясно лишь одно, что все подобные погребения принадлежали рядовому населению степей в отличие от относительно богатых погребений киммерийской или скифской знати группы Новочеркасского клада или таких, как курганы на Тамир-Горе, Мельгуновский и некоторые другие конца VII—начала VI в. до н. э.

Также немногочисленны до сих пор в степных районах Северного Причерноморья раннескифские погребения, в которых найдены предметы вооружения VII—VI или первой половины VI в. до н. э. Как правило, они также бывают впускными в более ранние курганы. Свидетельством того, что такие погребения имели место и в Днестровско-Дунайском междуречье, может служить пока единственное для этого района погребение VI в. до н. э., открытое в кургане № 9 (погребение № 5) второго могильника у с. Огородное⁴³.

Оно находилось в центральной части кургана эпохи бронзы, в древнем черноземе. Покойник был положен вытянуто на спине, головой на северо-запад с отклонением на север. На костях исследователи заметили

следы красной охры. У левого плеча лежали кости овцы или козы. Слева за черепом находился олений рог. Возле рога найдены наконечники стрел — восемь бронзовых и четыре костяных. Все наконечники относятся к числу типов, характерных для скифских колчанов VI в. до н. э. У левого плеча лежали бронзовые трубочки. Недалеко от правой плечевой кости находились остатки деревянного или берестяного предмета, от которого сохранилось 17 бронзовых мелких заклепок (?). Под скелетом обнаружены следы подстилки из коры или тонких досок.

Сходство в обряде с одновременными погребениями Нижнего Приднепровья позволяет считать, что в кургане у с. Огородное был похоронен рядовой скифский воин. Необычна в нем лишь находка оленьего рога.

Отсутствие поселений, прослеживаемое для всего степного Северного Причерноморья в предскифскую эпоху, свойственно и для раннескифского периода. Можно говорить лишь о каких-то кратковременных стоянках кочевников, определяемых по находкам отдельных обломков керамики VIII—VI вв. до н. э., в том числе в ряде пунктов на Нижнем Днестре, а также западнее, по берегам озера Ялпук. Одной из таких стоянок кочевников, видимо, была стоянка, обнаруженная у с. Жовтнево Болградского района Одесской области⁴⁴. В. Н. Помукчи здесь была найдена часть большой корчаги VIII—VII вв. до н. э. с резным геометрическим орнаментом. Шурфовка, которую мы произвели на этом памятнике, показала, что культурный слой здесь очень тонкий, слабо насыщен обломками керамики и костями животных.

Обычная для степи картина нарушается лишь в устье Дуная, где у с. Орловка обнаружено поселение культуры Басарабь, распространенной в VIII—VI вв. до н. э. на большей части территории Румынии и в лесостепи Молдавии⁴⁵. Нескифская принадлежность людей, оставивших это поселение, очевидна по всем чертам материальной культуры, резко отличной от скифской. Носителей культуры Басарабь большинство исследователей считают предками фракийцев. Подробнее об этой культуре и ее носителях будет сказано ниже. Здесь же следует отметить, что отсутствие фракийских памятников на остальной территории Днестровско-Дунайского междуречья, как и в более восточных районах степного Северного Причерноморья, не позволяет думать о сколько-нибудь значительном фракийском субстрате в скифской среде, на чем настаивают некоторые исследователи⁴⁶.

Лесостепные племена В то время, когда в степи господствовали ранние киммерийцы, в лесостепь Днестровско-Прутского междуречья с запада или юго-запада продвинулись племена культуры так называемого фракийского гальштата. Памятники раннего периода этой культуры датируются X — началом VIII в. до н. э., т. е. относятся к заключительной поре эпохи поздней бронзы⁴⁷. Будучи близкими к памятникам культуры Гава Карпато-Дунайского района и верхнего Поднепровья, они существенно отличаются от известных нам на территории правобережной лесостепной Украины памятников белогрудовской и раннечернолесской культур. Они были

частью той основы, на которой сложились фракийские или гето-фракийские племена, известные в раннем железном веке на обширной территории Карпато-Дунайского и Балкано-Дунайского районов, а также в Днестровско-Прутском междуречье. На это указывают погребальные обычаи, способы домостроительства и некоторые формы керамики, сохранившиеся почти без изменений со времени культуры раннего фракийского гальштата до IV—III вв. до н. э.

Еще в IX в. до н. э. в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья распространились поселения, которые принято называть памятниками типа Сахарна-Солончены⁴⁸. Позднее раскопкам подверглось еще одно поселение, у с. Цахноуцы Резинского района⁴⁹, однако большинство поселений (около 30) известно пока только по разведкам. К этой же группе памятников относятся три могильника⁵⁰ и несколько разрушенных погребений, открытых случайно в Резинском районе. Все поселения и погребения расположены в центральной и северной Молдавии, главным образом на правом побережье Днестра.

Поселения находились на мысах, защищенных оврагами, на плато без ручьев, по берегам балок или оврагов. Они занимали площадь в несколько гектаров, иногда протяженностью до 1 км, и часто составляли группу из трех-семи поселений.

Выразительных остатков жилищ при раскопках поселений до сих пор не обнаружено. Но, судя по кускам глиняной обмазки с отпечатками прутьев, можно предполагать, что дома были наземными, каркасного типа. Поражает обилие ям разных размеров и форм. Кроме ям, предназначенных для хранения продуктов, существовали ямы-очаги, служившие для приготовления пищи. Особенно интересны ямы-печи, обнаруженные на поселении у с. Сахарна, имевшие колоколовидную форму. Дно их было обмазано глиной, а устье закрывалось глиняной крышкой. Скорее всего такие ямы были приспособлены для выпечки хлеба или лепешек.

О занятии жителей поселков земледелием свидетельствуют многочисленные находки каменных зернотерок, терочников и пестов, предназначенных для размола зерна, отпечатки соломы и половы в глиняной обмазке стен жилищ, отпечаток ячменного зерна на стенке сосуда из поселения у с. Солончены, находки кремневых серпов.

Костные остатки с поселений принадлежат главным образом домашним животным и свидетельствуют о развитом скотоводстве. Около 40% костей принадлежит крупному рогатому скоту, 25% — это кости свиней, 20% — мелкого рогатого скота и 10% — лошадей. Из диких животных представлены кабан, выдра, благородный олень.

На поселениях постоянно встречаются заготовки и отходы из кости и рога со следами среза ножом или распила, а также готовые изделия: пряслица, иглы, проколки, роговые и костяные псалии, наконечники стрел (рис. 2). На поселении у с. Солончены найден гребень треугольной формы с обломанными зубьями, употреблявшийся, видимо, в ткацком производстве (см. рис. 2).

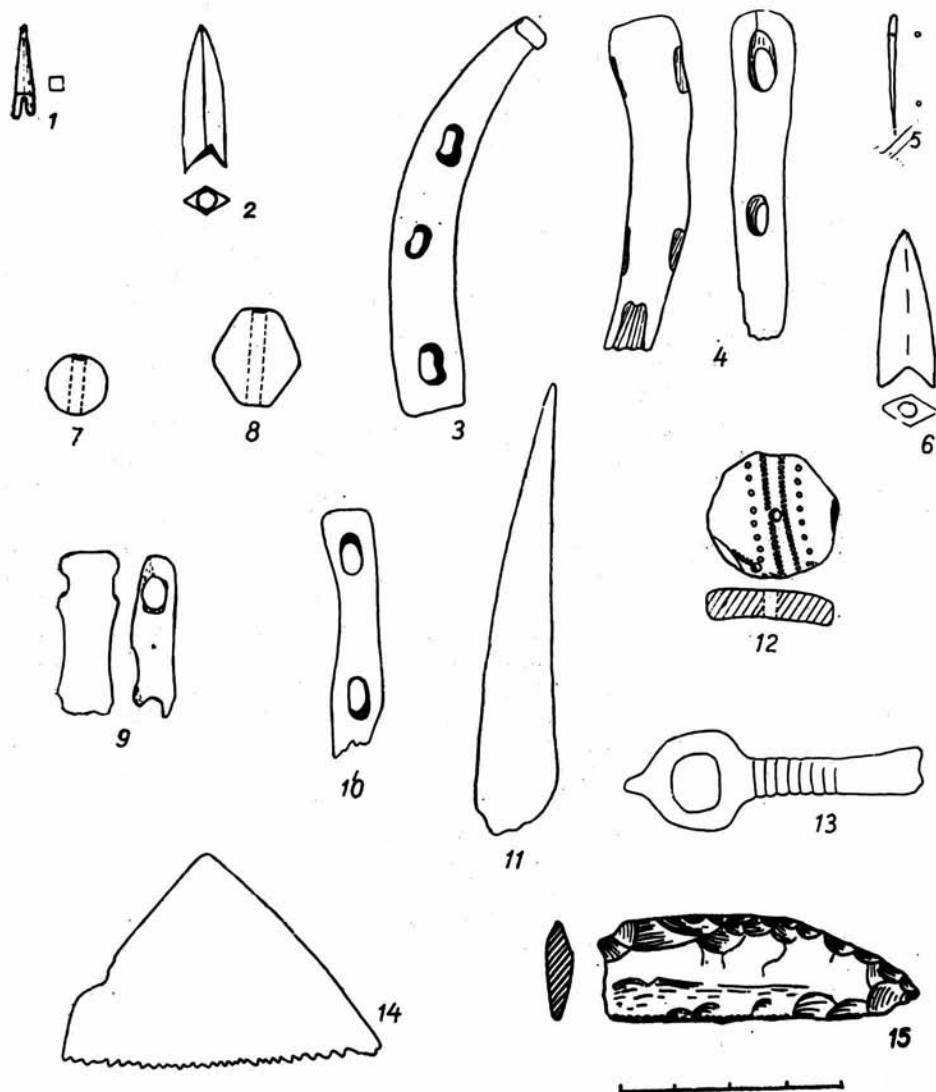

Рис. 2. Изделия из кости, рога, бронзы, глины и кремня с поселений группы Сахарна-Солончены:

1, 2, 6 — костяные наконечники стрел; 3, 4, 9, 10 — роговые псалы; 5 — бронзовая игла; 11 — костяная проколка; 7—8, 12 — глиняные пряслица; 13 — половина бронзовых удил; 14 — костяной гребень; 15 — кремневый серп.

Многочисленные глиняные пряслица и катушки, шпилья и иглы еще определеннее говорят о занятиях жителей прядением, ткачеством и шитьем.

Кремневые отбойники, пластины, серпы обломки каменных сверленых топоров указывают на то, что производство железа еще не было развито настолько, чтобы окончательно вытеснить каменные орудия труда. Однако обломки железных вещей, обнаруженные на поселениях и в погребениях, позволяют думать, что железо уже было хорошо известно племенам, оставившим памятники типа Сахарна-Солончены.

Предметы из бронзы редко находят на поселениях. Известны лишь игла с ушком, небольшие прямоугольные бляшки с двумя крупными выпуклостями и половина бронзовых удил с поселения у с. Сахарна.

На поселении у с. Сахарна изучен комплекс сооружений, связанных с керамическим производством. Он состоял из небольшого глинобитного на каменной основе «столика» диаметром 0,35 м и пяти глинобитных, слегка обожженных площадок диаметром 1,2 м. Рядом с этими сооружениями найдены примитивные орудия гончара: ребра животных, использовавшиеся для снятия лишней глины, костяные ложила, глиняные и костяные штампы для орнаментации керамики. Эти находки заставляют предполагать, что столик служил для формовки сосудов, а площадки использовались для их просушки, необходимой перед обжигом и при нанесении лощения и орнамента.

Керамика, найденная при раскопках поселений типа Сахарна-Солончены, разнообразна по формам и орнаментации. Развита было производство хорошо лощеных сосудов, часто богато орнаментированных геометрическим узором, сделанным разными штампами, одни из которых давали псевдореверочный и зубчатый рисунок, другие — отиски в виде буквы «S», кружков, звездочек, ямок и т. д. На многих сосудах узоры, сделанные штампом, сочетались с резным и рельефным орнаментом. Штампованный и резной орнаменты иногда затерты белой пастой, которая в сочетании с темным и блестящим лощением поверхности придавала керамике нарядный вид. Большинство лощеных сосудов имело столовое назначение: это миски разной формы, черпаки с высокой ручкой, кубки и чаши. Вместе с тем имеются и большие круглотелые, богато украшенные сосуды с невысоким, довольно узким горлом, предназначенные для хранения жидкости, может быть молока, или сыпучих продуктов.

Обилие лощеной керамики с орнаментом, выполненным штампом и резьбой, составляет одну из главных особенностей памятников типа Сахарна-Солончены. Углы, треугольники, ромбы, квадраты, образующие шахматный узор, или группы полос, ограниченные поясом из параллельных линий, — вот наиболее характерные мотивы орнаментации лощеной керамики этих памятников. На поселении у с. Сахарна найдено, кроме того, два фрагмента лощеных сосудов с резным орнаментом в виде стилизованных фигурок животных, видимо лошадей.

Более грубая посуда, служившая прежде всего для приготовления пищи, представлена горшками с шероховатыми светло-коричневыми или

серыми поверхностями. На них встречаются полукруглые ручки-упоры и орнамент в виде валика с защипами по тулову.

Кроме предметов бытового назначения, на поселениях типа Сахарна-Солончены часто встречаются глиняные предметы, вероятно, культового характера. Это примитивные фигуры животных, овальные небольшие глиняные лепешки с резным орнаментом, антропоморфные плоские статуэтки, также украшенные разным орнаментом, миниатюрные глиняные пинтадеры.

Погребальный обряд

Могильники состоят из небольших курганов, сооруженных из известняковых камней и иногда обведенных по основанию каменным кольцом (два могильника у с. Сахарна), или насыпанных из чернозема (у с. Алчедары). Погребения находились в одних случаях на уровне древнего горизонта, в других — в неглубоких могильных ямах. Под курганом могло быть от одного до трех погребений. В могильнике у с. Алчедары все погребения помещались в каменных ящиках, сложенных из массивных плит и накрытых сверху плитой или несколькими плитами (рис. 3). В обоих са-

Рис. 3. Вид погребения и инвентарь из кургана у с. Алчедары.

Рис. 4. Керамика из погребений Сахарнянского могильника.

харнянских могильниках преобладали погребения на уровне древней поверхности или в неглубоких ямах, и лишь в нескольких случаях встречались ящики такие же, как в Алчедарском могильнике.

Покойников хоронили на левом или правом боку в скорченном виде, головой на юг, юго-восток и реже на север и северо-запад. Кроме трупоположений, изредка встречались и трупосожжения (три из 25 по-

гребений, раскопанных в Сахарнянских могильниках и одно из семи — в Алчедарском). Сожжение производилось на стороне. Кальцинированные кости и небольшое количество золы ссыпались кучкой на дно могилы или ящика. Известно также несколько случаев частичного сожжения покойников. В одной могиле находились одиночные или парные захоронения.

Инвентарь, сопровождавший погребенных, небогат и однообразен: от одного до трех глиняных сосудов, причем мужчине полагалось обязательно ставить черпак с высокой ручкой. В женских погребениях найдены круглотелые кубки, миски, стаканообразные сосуды (рис. 4). Преобладала в погребениях посуда, богато украшенная резным и штампованным орнаментом, которая в отличие от керамики с поселений, аналогичной по формам и орнаментации, не имела лощения на поверхности.

Кроме керамики, из погребений происходят несколько железных ножей и оселков для их заточки, бронзовые украшения: круглые и восьмеркообразные или овальные с круглыми выпуклостями бляшки, простенькие височные кольца, небольшие спиральки, проволочные и пластинчатые рифленые браслеты (рис. 5). В одном из мужских погребений у с. Сахарна найдены железные удила и в двух погребениях — обломки железных фибул плохой сохранности.

Памятники типа Сахарна-Солончены датируются в основном VIII — началом VI в. до н. э. Роговые и костяные псалии, втульчатые наконечники стрел из кости, бронзовые бляшки с двумя выпуклостями имеют ближайшие аналогии среди находок с поселений и из погребений Северного Причерноморья, относящихся к предскифской поре, к VIII—VII вв. до н. э. Они особенно хорошо известны на памятниках второго этапа чернолесской культуры правобережной лесостепной Украины⁵¹.

Вместе с тем постоянные находки на поселениях кремневых серпов и некоторых форм лощеных сосудов позволяют относить начальную дату памятников к IX в. до н. э., может быть, к его концу.

Рубежом VII—VI вв. до н. э. или началом VI в. до н. э. датируется половина бронзовых удили с поселения у с. Сахарна и железные удила из погребения Сахарнянского могильника, сходные с предметами, характерными для Средней Европы⁵². Это и позволяет считать начало VI в. до н. э. поздней границей существования рассматриваемой группы памятников. Относительно происхождения населения, которому принадлежат памятники группы Сахарна-Солончены, можно предполагать, что оно было связано с фракийскими или протофракийскими племенами, жившими на территории Балкано-Дунайского района и оставившими поселения типа Бабадаг (СРР), относящиеся к X—IX вв. до н. э.⁵³ За пределами лесостепной Молдавии памятники, близкие к группе Сахарна-Солончены, почти не обнаружены. Лощеная керамика, близкая к сахарнянско-солонченской, хорошо известна на правобережье лесостепной Украины. Отсутствие местных корней и близость в формах и приемах нанесения орнамента позволяет предполагать, что такая керамика здесь распространялась под влиянием лощеной посуды группы Сахарна-Солончены. Ведь именно для VIII—VII вв. до н. э. по находкам костяных

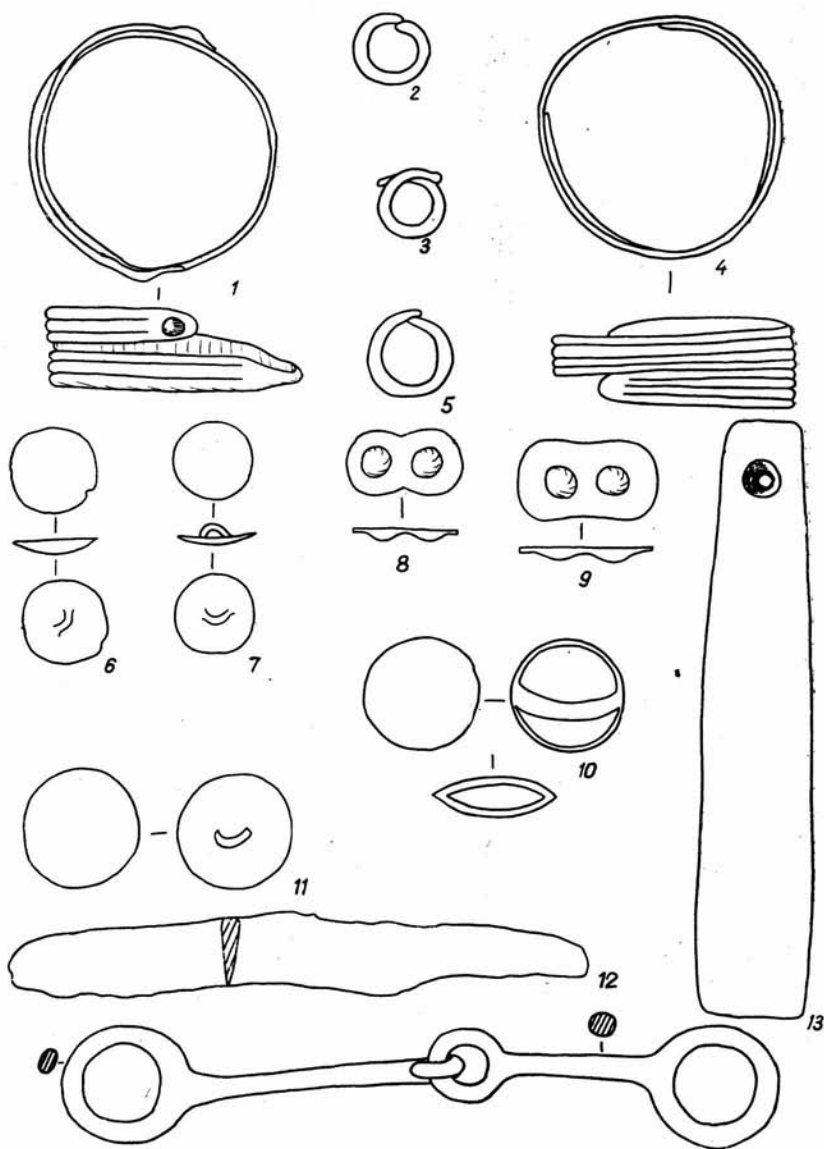

Рис. 5. Предметы из погребений Сахарьянского могильника:
1, 4 — бронзовые браслеты; 2, 3, 5 — бронзовые височные кольца; 6—11 — брон-
зовые бляшки; 12 — железный нож; 13 — точильный брусок; 14 — железные удила.

псалиев и наконечников стрел на Сахарнянском поселении подтверждаются тесные взаимные контакты между племенами Днестровско-Прутского междуречья и правобережной лесостепной Украины. Взаимосвязи продолжались, видимо, и в VII — начале VI в. до н.э., поскольку лощеная керамика из памятников так называемого жаботинского этапа, богато орнаментированная штампами и резьбой, лишь незначительно отличается от молдавской⁵⁴.

**Памятники культуры
Басарабь**

Около середины VIII в. до н.э. в лесостепи Днестровско-Прутского междуречья, а также на территории СРР, особенно в Придунайских областях — Олтении и Мунтении, Добрудже — и Трансильвании, распространилась культура Басарабь, названная так по могильнику, расположенному в западной части Олтении⁵⁵. К этой культуре относится поселение и могильник у с. Шолданешты, поселение у с. Алчедары и могильник у с. Селиште Оргеевского района⁵⁶.

По происхождению культура Басарабь связана с более ранней культурой фракийского гальштата Карпато-Дунайского района. Возможно, она сформировалась в западных районах этой территории и оттуда распространилась на юг и восток, в том числе и на Днестровско-Прутское междуречье⁵⁷.

Культура Басарабь существовала одновременно с группой Сахарна-Солончены. Однако сколько-нибудь заметной географической границы между теми и другими памятниками нет. Есть некоторые основания предполагать, что племена культуры Басарабь появились в лесостепной Молдавии в заключительный период обитания носителей культуры Сахарна-Солончены. Возможно даже, что приход этих племен способствовал прекращению жизни на поселениях этого типа.

Поселения культуры Басарабь были расположены на сравнительно низких плато, на берегу неглубоких оврагов и занимали площадь около 1 га. На поселении у с. Шолданешты найдены остатки трех наземных жилищ, прямоугольных в плане. От стен сохранились толстые куски глиняной обмазки, некогда покрывавшей каркас из деревянных жердей и прутьев. Площадь домов 8×8; 8×6 и 9,4×5 кв. м. Полы были земляные. Посредине дома или возле одной из его стен находилась глинобитная печь с купольным сводом. В полу жилищ и около них были вырыты небольшие округлые в плане ямы для хранения продуктов.

Могильник, расположенный на расстоянии около 1 км от поселения, не имел никаких внешних признаков. На нем удалось исследовать только девять погребений, расположенных без определенного порядка и стоявших друг от друга на 10—30 м. Шесть из них были одиночными, а одно — коллективное, состоящее из трех погребений. Только одно детское погребение было совершено по обряду трупоположения. Остальные представляли собой трупосожжения.

Сожжение покойников производилось на территории могильника в специально вырытой для этой цели неглубокой яме, обложенной по верхнему краю известняковыми плитками. После сожжения кальцинированные кости собирали в урну или ссыпали на дно неглубокой ямы

Рис. 6. Сосуды и инвентарь из погребений Шолданештского могильника:
1 — железный нож; 2 — железная фибула; 3 — бронзовая биконическая пронизка; 4 — брон-
зовая бляшка; 5 — половина бронзовых двухкольчатых удил; 6 — точильный брусок; 7—8 —
сосуды для питья.

(в одном случае). Вместе с костями в урну складывали мелкие метал-
лические предметы, главным образом украшения. Некоторые из них
находились на покойнике в момент сожжения и испытали на себе дейст-
вие огня.

Из железных вещей в погребениях найдены: три небольших ножа,
браслет, две фибулы, шило или игла. Почти все железные предметы
плохо сохранились. Бронзовые изделия сохранились несколько лучше.
Это — мелкие полусферические нашивные бляшки, круглые и четырех-
угольные бляшки-пуговицы и бронзовая биконическая пронизка (рис. 6).
Урны погребали в неглубоких ямках, вырытых в черноземе, и возле
них ставили один или несколько сосудов. На уровне древней поверх-

ности местá погребений иногда отмечались небольшими вымостками из плитчатого известняка.

Детское трупоположение находилось в неглубокой яме, в небольшом каменном ящике, сделанном из некрупных плит известняка без следов обработки. Скелет ребенка пяти-семи лет лежал на левом боку с сильно согнутыми в коленях ногами, головой на восток.

Второй могильник культуры Басарабь, расположенный у с. Селиште Оргеевского района, на котором исследовано 19 погребений, несколько отличается от первого. Все погребения здесь представляют собой трупосожжения, совершенные на стороне от места захоронения. Кальцинированные кости в большинстве случаев сыпались на дно могил. Иногда горстка костей сверху накрывалась миской. Возле праха ставили один или несколько сосудов.

Реже встречаются погребения в урнах, тождественные шолданештским. Кроме керамики, в некоторых могилах найдены металлические и другие вещи. Наиболее интересный набор вещей происходит из погребения № 3. Здесь рядом с урной были положены железный наконечник копья, точильный брусок с отверстием для подвешивания и железные удила.

Звено бронзовых двукольчатых удил так называемого кобанского типа (см. рис. 6) найдено близ одного из погребений Шолданештского могильника. Такие удила производились на Северном Кавказе в VIII—VII вв. до н. э. На Украине двукольчатые бронзовые удила кобанского типа встречаются и в более поздний период, в памятниках конца VII — начала VI вв. до н. э. Также в пределах VIII — начала VI в. до н. э. могут датироваться железные фибулы. Поэтому дата этого памятника может определяться лишь в широких пределах — VIII — начало VI в. до н. э. Могильник у с. Селиште датируется первой половиной VI в. до н. э. на основании находок железных вещей.

В керамике выделяется две категории посуды. Одна — столового назначения, сделанная из глины с мелкими примесями шамота. Это миски разного размера и формы, кружки с одной или двумя ручками, возвышающимися над венчиком, кувшины (см. рис. 6). К этой же категории принадлежат и большие корчаги с высоким горлом и грушевидным или реповидным туловом (рис. 7), которые на поселениях употреблялись для хранения продуктов, а на могильниках использовались в качестве урн. Поверхности сосудов этой категории хорошо заглажены и иногда залощены, украшены каннелюрами. На некоторых экземплярах мисок с широким, отогнутым наружу венчиком, и венчиках корчаг встречается орнамент в виде треугольников или более сложный, где центральное место занимают фигуры в виде завитков. Орнамент этот бывает выполнен мелким зубчатым штампом и затерт белой пастой. Характер узора отличается от орнамента на сосудах из памятников группы Сахарна-Солончены и считается особенностью керамики культуры Басарабь.

Рис. 7. Керамика из погребений у с. Шолданешты.

Вторая категория посуды включает в себя горшки разных размеров, сделанные из глиняного теста с крупными примесями шамота (см. рис. 7). Поверхности их — шероховатые, покрытые жидкой глиной. Форма горшков очень проста — банковидная или боченовидная, без или с едва намеченным горлом. Орнамент представляет собой налепной валик с защипами. Иногда один валик располагается близ венчика, второй — примерно посередине тулова. Довольно часто на горшках имеются ручки-упоры. На поселениях горшки использовались для приготовления пищи. На могильниках они употреблялись в качестве урн.

Конечный период существования памятников типа Сахарна-Солончаны и культуры Басарабь в лесостепной Молдавии (первая половина VI в. до н. э.) совпадает с появлением памятников вполне оформившейся скифской культуры в степных областях Северного Причерноморья, а также с массовым проникновением скифских элементов в культуру местных земледельческих племен лесостепи. Однако материальной культуры населения этого района, по крайней мере в VII — начале VI в. до н. э., не коснулся процесс скифизации, проходивший в это время на соседней территории, в украинской лесостепи.

2. Скифы на территории Днестровско-Прутского междуречья в IV—III вв. до н. э.

Оседлое скифское население

В IV в. до н. э. на юге Днестровско-Прутского междуречья, особенно на берегу Днестровского лимана, возникла густая сеть поселков, связанных тесными узами торговли с греческими городами. В обитателях этих поселений на левом берегу лимана скорее всего можно видеть потомков каллипидов (эллинизованных скифов), основной территорией расселения которых были земли близ Ольвии, по Нижнему Бугу.

Некоторое влияние на жителей поселений левобережья Днестровского лимана оказали непосредственно соседившие с ними геты. Именно гетские элементы отличают культуру этого населения от культуры каллипидов Нижнего Побужья.

Жилые и хозяйственные сооружения

Для конца VI — начала V в. до н. э. известно одно поселение, расположенное недалеко от с. Надлиманское на берегу Карагольского залива Днестровского лимана⁵⁸. Около середины IV в. до н. э. поблизости от него возникло хорошо укрепленное городище, которое в IV—III вв. до н. э., видимо, было своего рода экономическим и, возможно, политическим центром населения левобережья Днестровского лимана.

Городище занимает сравнительно небольшую площадь. Длина его 110 м, ширина — 60. С северо-востока оно было укреплено рвом и крепостной стеной, сооруженной из камня и глины. С северо-запада и юго-востока городище ограничено двумя оврагами, а с юга — крутым обрывом к лиманской низине.

На городище открыты остатки наземных жилищ, одни из которых были построены из камня, другие — из глиняных вальков на каменном фундаменте. Жилища имели прямоугольную форму и состояли из нескольких помещений. В помещениях отмечены внутренние перегородки, сделанные из камыша или прутьев, обмазанных толстым слоем глины. В углу одного из помещений большого здания находилась прямоугольная печь с лежанкой, сделанная из камня, гальки и глины.

На городище было обнаружено много зерновых ям. Они имели колоколовидную, грушевидную или бочковидную форму и глубину до двух метров. Стенки многих из них обмазаны глиной и обожжены. Сверху ямы закрывались каменными плитами, под которыми находилась глиняная «пробка». В одной из таких ям сохранилась шелуха проса. По-видимому, ямы были предназначены для длительного хранения большого количества зерна, приготовленного на вывоз. Возможно, жители близлежащих поселений свозили зерно на городище для продажи греческим купцам.

Другие поселения обычно занимали небольшую площадь — от 0,5 до 1,5 га и располагались на высоком берегу, круто обрывающемся к лиману.

Жилищами на сельских поселениях служили наземные дома и землянки. На поселении у с. Николаевка обнаружена большая землянка

прямоугольной формы. Двускатную кровлю из камыша поддерживали столбы. В ней было два помещения, отделенных друг от друга материковой перегородкой и имевших отдельные входы. Одно из помещений не отапливалось, во втором в одной из стен была печь, имевшая вид пещерки. Глинобитный под печи находился на уровне пола, основой для него служила вымостка из обломков стенок амфор. На полу землянки печь была отгорожена известняковыми камнями.

Остатки наземных жилищ представлены на поселении у с. Николаевка главным образом развалами стен из рваного камня-известняка и частично сохранившимися кладками. Стены строились из известняковых камней разных размеров и форм, сложенных насухо. Камни подгонялись друг к другу, а щели между ними закладывались мелкими каменными и керамическими обломками. Полы были земляными.

Поблизости от наземных домов и возле землянки находились хозяйственные ямы, предназначенные для хранения продуктов.

Занятия населения В археологическом материале из раскопок Надлиманского городища и поселений преобладают фрагменты амфор. Встречаются фрагменты клейменной амфорной тары, которые позволяют точно определить место и дату их производства. Больше всего амфор из Гераклеи (второй половины IV — начала III в. до н. э.), на втором месте стоят амфоры с о. Фасоса, затем идут синопские, их значительно меньше, и редко встречаются косские и херсонесские. Амфоры свидетельствуют о торговых связях населения.

Среди керамики, употреблявшейся в быту, имеется античная посуда, сделанная на гончарном круге. Местная лепная керамика преобладала над привозной более чем в пять раз.

Более 80 процентов лепной посуды составляют типичные скифские горшки и крышки к ним, около 15 процентов — горшки и миски гето-фракийского типа (рис. 8). От скифской посуды они отличаются не только по форме, но и по характеру обработки поверхностей. Миски, как правило, залощены, горшки имеют ручки-упоры на тулове и заглаженную или слегка лощеную поверхность.

Кроме скифской и гетской посуды, на поселениях найдено несколько лепных светильников, изготовленных по античным образцам. Гончарная керамика представлена обломками мисок, кувшинов, рыбных блюдов, котелков, крышек к ним и светильников. Чернолаковой аттической посуды на всех описываемых памятниках было найдено немного. Еще реже встречались фрагменты античной художественной керамики с чернофигурной и краснофигурной росписью. Интенсивная торговля с греческими купцами, о которой свидетельствуют перечисленные находки, очевидно, носила характер обмена.

О занятиях жителей земледелием свидетельствуют не только зерновые ямы, исследованные на Надлиманском городище, но постоянные находки обломков зернотерок, отпечатки проса на днищах некоторых лепных сосудов, примесь соломы и половы в глиняной обмазке.

Остеологический материал позволяет говорить о том, что в стаде первое место принадлежало крупному рогатому скоту, затем последо-

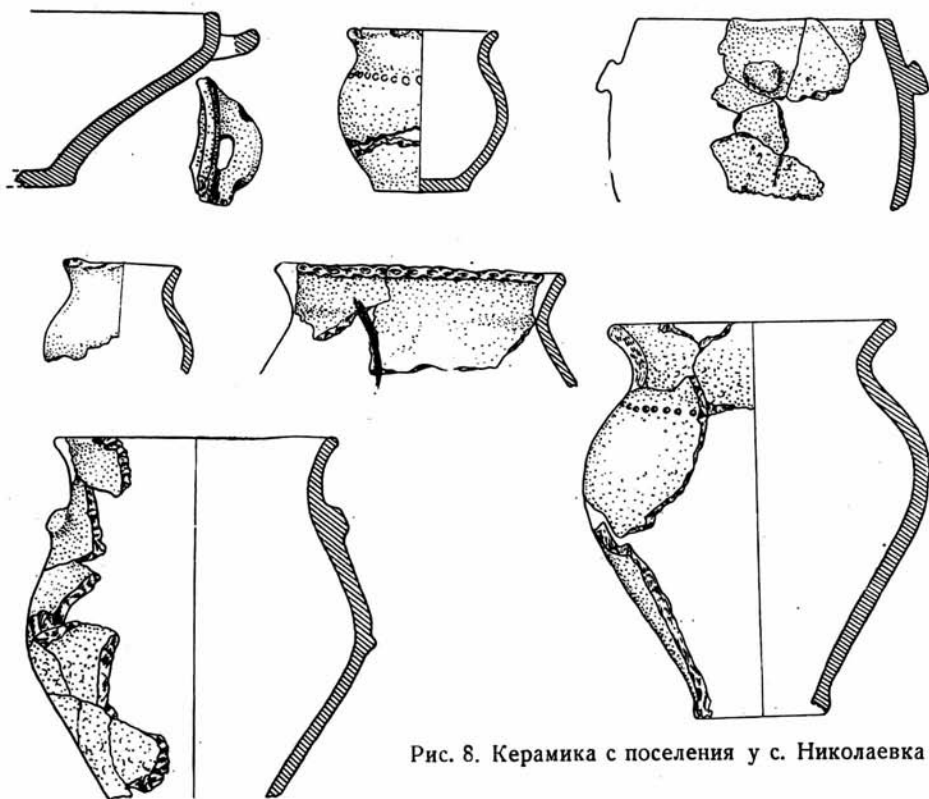

Рис. 8. Керамика с поселения у с. Николаевка

вательно располагались мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Находки небольшого количества рыбьей чешуи, костей рыб и грузил для сетей, сделанных из амфорных черепков, указывают на занятие рыболовством.

Из домашних производств, кроме керамического, представлено ткачество. О ткачестве свидетельствуют многочисленные находки глиняных пряслиц с отверстиями разного размера, предназначенных для тонких и более толстых веретен, а также отпечатки ткани на днищах некоторых сосудов и кусках глиняной обмазки. В качестве подстилки, употреблявшейся при ручной лепке сосудов, использовалась довольно тонкая ткань типа полотна. Отпечатки грубой ткани-мешковины отмечены на некоторых кусках глиняной обмазки от стен жилищ (?) на Надлиманском городище. Костяные проколки, встречающиеся в обломках, употреблялись, очевидно, при шитье из тканей, а может быть, и кожи.

Металлические вещи встречаются редко. Найдено всего несколько железных гвоздей и обломки железных ножей. Из бронзовых предметов чаще других встречаются наконечники скифских стрел. Они были об-

наружены на всех памятниках, подвергавшихся раскопкам. На поселении у с. Николаевка, кроме того, найдены обломок браслета и кольцо, на Надлиманском городище — головка булавки, напоминающая пропеллер.

Погребальные обряды Могильник, расположенный на расстоянии около 100 м от поселения у с. Николаевка состоит из едва заметных курганов и бескурганных захоронений, многие из которых были отмечены на древней поверхности небольшими каменными набросами.

Курганы насыпались из чернозема над могилой и окружавшим ее кромлехом (кольцом), имевшим диаметр 10—12 м. Кромлех сооружался из необработанных известняковых плит, поставленных на ребро или положенных плашмя. В насыпи и главным образом возле кромлеха обязательно находились остатки погребальной тризны — обломки амфор и реже кости животных.

Под двумя курганными насыпями с наружной стороны кромлехов обнаружены специальные места погребальных тризн. В одном кургане возле кромлеха находился хорошо отесанный камень-известняк размером 0,70×0,70 м, вокруг которого были разбросаны мелкие камни и большое количество амфорных обломков. В другом кургане, также с наружной стороны кромлеха, лежали две необработанные каменные плиты и возле них обломки амфор и мелкие камни. Возможно, в этих каменных жертвенниках можно видеть подражание греческому жертвеннику, хотя, конечно, очень отдаленное. Сделавшие их люди не снабдили жертвенники отверстиями для стока крови жертвенных животных, как это делали греки, сооружая эсхару.

Могилы, обнаруженные под курганами, представляли собой довольно глубокие и большие ямы прямоугольной или овальной формы, которые сверху закрывались массивными каменными плитами без следов обработки (рис. 9).

Среди бескурганных погребений обнаружено два основных типа погребальных сооружений — простые ямы разного размера, прямоугольной или овальной формы, и подбойные могилы. Ямы иногда, так же как и в курганах, накрывались сверху массивными известняковыми плитами без следов обработки, но преобладали ямы без каменного заклада, просто засыпанные землей.

Подбойные могилы (всего их 18) все одного типа: они имеют входной колодец и подбой, устроенный в северной его стене (см. рис. 9). Входы в подбой закрывались камнями или камышом. Погребальные камеры в подобных могилах, как правило, небольших размеров, рассчитаны только на то, чтобы положить покойника и сопровождающий его инвентарь. Входные ямы по длине обычно соответствуют длине подбоя, а по ширине часто равны или даже превышают его (до 1,5 м).

Как и в курганах, в бескурганных погребениях над могилами и в насыпи могильных ям были найдены остатки тризны — главным образом обломки амфор. Подбойные могилы ориентированы одинаково — с востока на запад или с отклонением от этой оси к югу и северу.

Все погребения представляли собой труположения. Покойники были уложены на спине с вытянутыми руками и ногами, головой на восток, три погребения ориентированы головой на запад. В одном женском погребении скелет лежал в скорченном состоянии на левом боку.

Погребения с относительно богатым инвентарем обязательно сопровождались мясной заупокойной пищей — передней частью коровы, ребе овцы; среди ребер животных обязательно находился железный нож. Рядом с напутственной пищей, обычно в ногах погребенного, ставили или клали амфору с вином, иногда с бронзовым или железным черпаком на длинной ручке. Для питья полагалось класть один или два чернolавковых сосуда — канфара или килика.

Относительно богатые мужские погребения сопровождались оружием. Обязательно полагалось класть колчан со стрелами, в некоторых захоронениях их было более 100 штук; кроме стрел, в мужских погребениях встречались наконечники копий и мечи. В одном из погребений был еще и бронзовый чешуйчатый пояс.

За исключением одного однолезвийного меча все оружие принадлежит к типичным скифским формам IV—III вв. до н. э. Однолезвийный меч представляет собой так называемую иллирийскую махайру, оружие, которое употреблялось фракийцами, жившими к югу от Дуная. Кроме оружия в одном мужском погребении найден бронзовый браслет, и в одном — серебряное височное кольцо с львиной фигуркой (см. рис. 9).

В женских погребениях мало инвентаря. В них найдены три бронзовых зеркала, пара золотых и пара серебряных височных колец, стеклянные бусы (см. рис. 9).

В бедных могилах обычно не содержится ни напутственной пищи, ни питья, а из вещей встречаются лишь железные ножи и мелкие украшения.

По характеру погребальных сооружений, обряду и сопровождавшему погребения инвентарю памятник имеет близкое сходство с могильниками, принадлежавшими земледельческому скифскому населению, жившему поблизости от античных городов. Таким прежде всего является Марицинский могильник, расположенный недалеко от Ольвии, близ бывших сел Аджигол и Петуховка, который, так же как и поселения в низовьях Южного Буга, считается принадлежавшим каллипидам (эллинизированным скифам).

Во второй половине III в. до н. э. большинство скифских поселений на левобережье Днестровского лимана прекращает свое существование. Поселки были оставлены жителями, переселившимися в какие-то другие места.

Кочевое скифское население

Кроме оседлого скифского населения, в Днестровско-Дунайском междуречье отмечены и скифы-кочевники. На левобережье Нижнего Поднестровья кочевые скифы составляли довольно значительную часть населения здешних мест. На правобережье Нижнего Днестра, а также далее на запад пребывание кочевников устанавливается пока по отдельным памятникам.

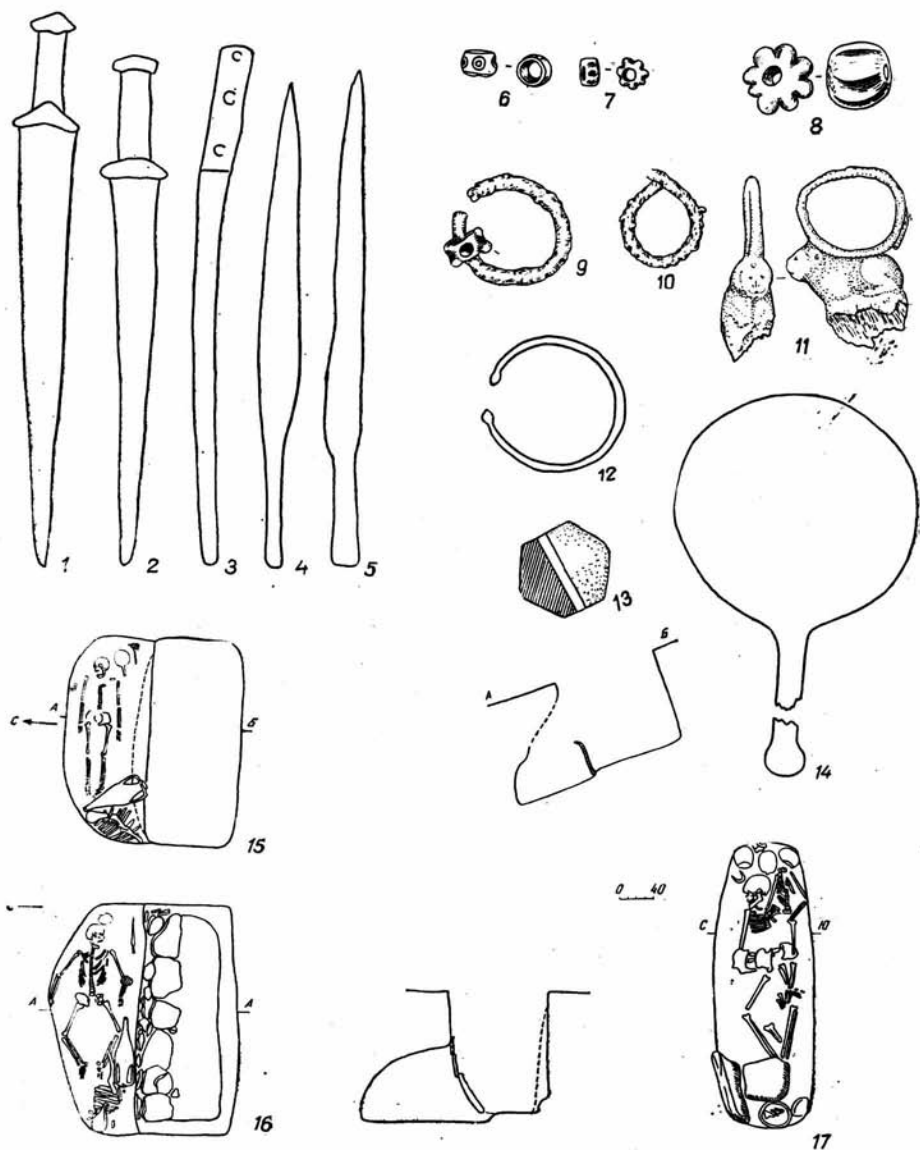

Рис. 9. Инвентарь и планы погребений Николаевского могильника:

1-3 — железные мечи; 4-5 — железные наконечники копий; 6-8 — стеклянные бусы; 9-10 — железные височные кольца; 11 — серебряная височная подвеска; 12 — бронзовый браслет; 13 — глиняное пряслице; 14 — бронзовое зеркало; 15-17 — планы подбойных могил.

Важным является открытие в Придунавье скифского кочевнического погребения V в. до н. э., относящегося ко времени событий, происшедших с царем Скилом, где-то поблизости от Нижнего Дуная. По Геродоту, скифский царь Скил, нарушавший отчие обычаи, вынужден был бежать во Фракию. Его брат Октамасад, в руках которого находилась в это время царская власть, пошел войной на Фракию. Когда он приблизился к Истру, против него выступили фракийцы. Однако конфликт был урегулирован. Царь фракийцев Ситалк предложил Скила в обмен на своего брата, скрывавшегося у скифов. Условия были приняты, и война прекратилась.

Погребение, обнаруженное в одном из курганов у с. Червоный Яр Килийского района Одесской области⁵⁹, принадлежит воину-всаднику, возможно, одному из тех, кто погиб в столкновении с фракийцами. Оно было совершено в яме, окруженной каменным кольцом из мелких обломков известняка и перекрытой сверху каменной выкладкой. Погребение было ограблено в древности. Из вещей в нем сохранились лишь железные чешуйки панциря, обломки чернофигурного сосуда и сероглиняного кувшина и другие невыразительные обломки. Зато сопровождавшая погребение воина конская могила оказалась непо потревоженной. В ней возле передних ног скелета коня лежала узда с железными удилами, бронзовыми псаліями и набором типичных для V в. до н. э. бронзовых украшений.

В настоящее время это единственное для V в. до н. э. в степи Северного Причерноморья скифское погребение с лошастью. Обряд захоронения лошади в специально вырытой для нее могиле был распространенным у скифской знати только в IV в. до н. э.

Курганы кочевников на левобережье Нижнего Поднестровья располагались небольшими группами или поодиночке в открытой степи, на высоком берегу Днестра (между сс. Парканы — Карагаш Тираспольского района). Раскопки последних лет расширяют территорию до с. Буторы на севере⁶⁰ и с. Николаевки — на юге⁶¹. У с. Николаевка курганы кочевников обнаружены на расстоянии менее 1 км от могильника, принадлежавшего оседлому земледельческому населению побережья Днестровского лимана. Это свидетельствует о том, что кочевники-скотоводы жили, вернее имели стойбище, рядом с поселками земледельцев и, следовательно, находились в тесной связи с ними.

Насыпи конической и полусферической формы сооружались из чернозема и имели небольшие размеры. Высота их от 0,20 до 1, редко до 2 м, а диаметр от 4,5 до 20—35 м. Обычно под курганом имелась только одна центральная могила, впускные погребения встречаются редко.

По характеру погребальных сооружений памятники делятся на две группы. К первой из них (меньшей) относятся курганы с простыми погребальными ямами. Ко второй — курганы с катакомбными погребальными сооружениями. Ямы были прямоугольными или овальными в плане, ориентированы с запада на восток, реже с северо-востока на

юго-запад и северо-запада на юго-восток. Лишь одна яма расположена с севера на юг. Все ямы в курганах, исследованных в Слободзейском районе, были вырыты в материковом суглинке и засыпаны землей. Ни камней, ни дерева обнаружено не было.

В курганах у с. Буторы могильные ямы имели деревянные перекрытия, сделанные из дубовых бревен. Могильные ямы николаевских курганов в засыпи содержали большое количество камней и, возможно, имели каменные перекрытия.

Большинство могил оказались ограбленными в древности. Сохранившиеся погребения представляли собой трупоположения на спине с вытянутыми руками и ногами. Покойники были ориентированы головой на запад или юго-запад, а в могиле, ориентированной с севера на юг, — на север.

В некоторых могилах имеются остатки напутственной пищи — кости барана или лошади с железным ножом между ними. Инвентарь, сопровождавший сохранившиеся погребения, малочислен и однообразен. Колчан со стрелами, пара копий, железный нож — набор вещей, который присутствовал в неразграбленных мужских погребениях. Из ограбленных могил, кроме наконечников стрел, происходят одна золотая, три бронзовых и три серебряных серьги, серебряный и золотой перстни, несколько пастовых и стеклянных бусин (рис. 10). В одной из разграбленных могил в кургане у с. Николаевка найдена значительная часть панциря с железным набором.

Большинство погребений в простых ямах датируются IV—III вв. до н. э., и только могила в кургане № 131 у с. Парканы, ориентированная с севера на юг, относится к III — началу II в. до н. э. В ней находилось два скелета, по-видимому мужской и женский, и небольшой комплект вещей: лепные кувшин и миска гетского типа, железный нож, один бронзовый и четыре железных наконечника стрел, золотая проволочная серьга, пастовые, костяные и золоченые бусины.

Катакомбные погребальные сооружения, которые встречаются в тех же курганных могильниках, что и простые ямы, делятся на несколько типов. В Николаевском курганном могильнике преобладали подбойные могилы простейшего устройства, не отличающиеся от тех, которые обнаружены в грунтовом могильнике и описаны выше. Но в большинстве курганов могилы были более сложного устройства (см. рис. 10).

Преобладают среди них такие, которые имели входную яму, ориентированную с запада на восток, а катакомбу — с севера на юг. Вход в катакомбу у большинства погребальных сооружений этого типа находился в восточной стене ямы. Вариантом этого же типа являются погребальные сооружения, у которых входная яма была ориентирована с северо-запада на юго-восток, т. е. расположена под углом к катакомбе.

Как и простые могильные ямы, катакомбы датируются IV—III и III—II вв. до н. э., но среди них преобладают относящиеся к III—II вв. до н. э. Этим периодом датируется большинство могильных сооружений, в которых погребальная камера была ориентирована с севера на юг.

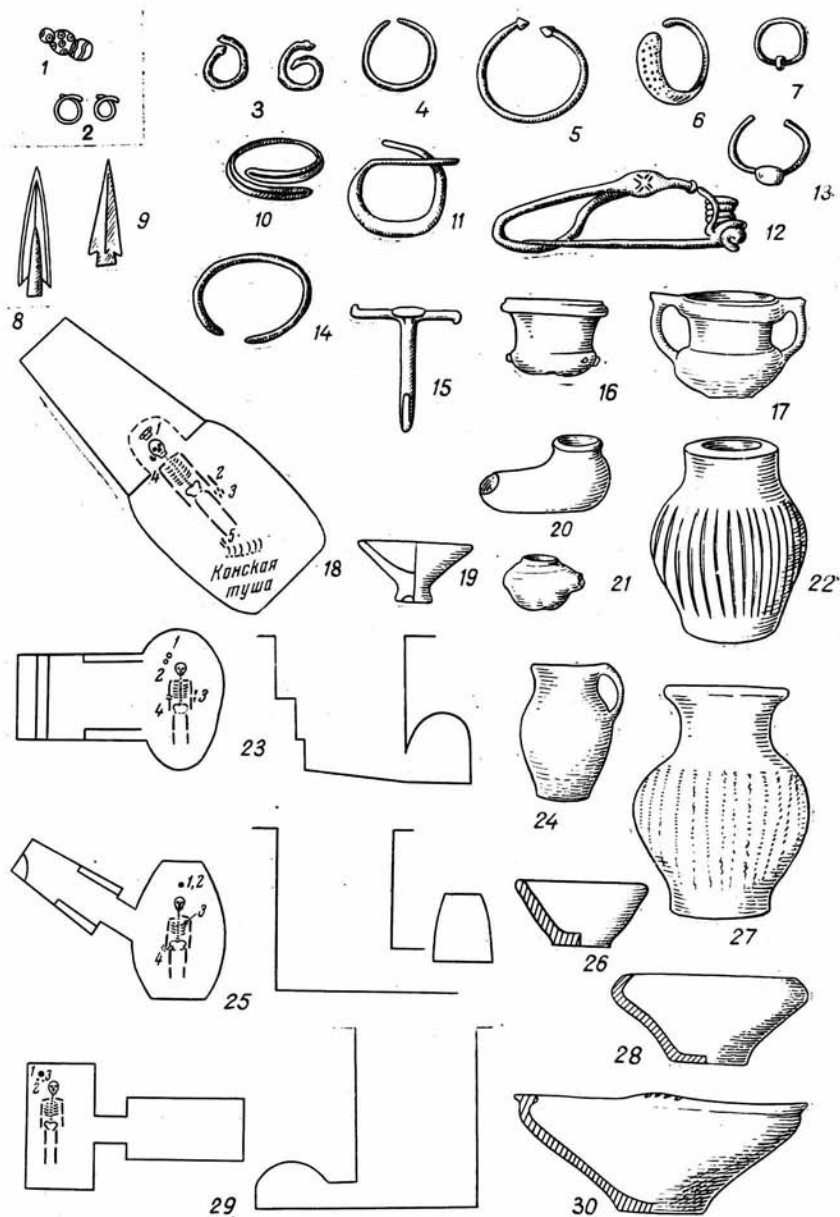

Рис. 10. Инвентарь, керамика и планы скифских погребений из курганов Тираспольщины:

1 — стеклянные бусы; 2—6, 10—11 — бронзовые серьги; 7, 13 — бронзовые височные кольца; 12 — бронзовая фибула; 14 — бронзовый браслет; 15 — бронзовый крючок; 8—9 — бронзовые наконечники стрел; 16—17 — чернолаковые античные канфары; 19—22, 24, 26—28, 30 — лепная посуда; 18, 23, 25, 29 — планы катакомбных могил.

Погребения в катакомбах по обряду и набору инвентаря не отличались от тех, которые находились в простых ямах. Покойников хоронили в вытянутом положении на спине, обычно вдоль длинной оси погребальной камеры и редко под углом к ней, головой на север, северо-запад и северо-восток.

Как правило, в катакомбе находилось одно погребение. Парных захоронений найдено лишь несколько. В двух курганах в ногах погребенных воинов были помещены конские захоронения. В одном из этих курганов рядом с покойником, помимо предметов вооружения, лежали железные удила. В кургане у с. Чобручи, где находилось, по-видимому, женское погребение, сопровождавшееся керамикой, украшениями и зеркалом, тоже найдены одни удила.

Часто встречаются в катакомбах остатки жертвенной мясной пищи с железным ножом. Мясо иногда клали в миску и ставили у головы погребенного. Сосуды, от одного до трех, встречались во всех неограбленных погребениях. Но в катакомбах IV—III вв. до н.э. были найдены лишь чернолаковые античные сосуды (два канфара и блюдо), тогда как в погребениях III—II вв. до н.э. находилась только лепная керамика, изготовленная по античным образцам — миски, кувшины, курильницы, лепные светильники.

Среди лепной керамики имеются такие сосуды, которые определено могут считаться не скифскими, а гетскими (миски, кувшины). Однако большинство сосудов относится к тем типам керамики, которые в III—II вв. до н.э. имели широкое распространение на всей территории степного Северного Причерноморья. К ним принадлежат небольшие мисочки на высокой ножке, курильницы с узким горлом и туловом, украшенным вертикально расположенными наделами или резными вертикальными линиями, лепные светильники. Близкие к ним сосуды встречаются на позднескифских городищах Крыма и Нижнего Днепра, а мисочки на ножке и светильники известны, кроме того, на Дону, в меотских памятниках Прикубанья и в позднететских памятниках Карпато-Дунайского района.

Мужские погребения сопровождалось оружием. В погребениях IV—III вв. до н.э. встречаются колчаны с наборами бронзовых наконечников стрел. В погребения III—II вв. до н.э. обычно клали по несколько стрел без колчана. Стрелы в большинстве случаев имели железные втульчатые наконечники, реже — бронзовые. Лишь в одном погребении был найден наконечник копья и в одном — железный кинжал.

Все предметы вооружения относятся к числу скифских форм, характерных для IV—II вв. до н.э. В мужских погребениях с оружием и в женских III—II вв. до н.э. встречаются украшения — бусы и мелкие медные пронизки, употреблявшиеся для браслетов, бронзовые браслеты, височные кольца и фибулы среднелатенского типа. В трех погребениях, по-видимому женских, были найдены зеркала сарматского типа, характерные для этого времени. Из кургана № 156 у с. Парканы происходит крючок для подвешивания колчана к поясу (см. рис. 10).

Курганы Тираспольщины близки к курганным могильникам рядовых скифов-кочевников Нижнего Приднепровья IV—III вв. до н. э., но имеют ряд особенностей в погребальных сооружениях и обряде захоронения. Так, преобладающие на Тираспольщине простые ямы, характерные для IV—III вв. до н. э., в могильниках Нижнего Приднепровья встречаются гораздо реже, чем катакомбные погребальные сооружения⁶². Только в курганах Нижнего Поднестровья преобладали катакомбы с меридиональной ориентировкой. На Нижнем Днестре катакомбы в основном ориентированы с востока на запад. Погребальный обряд в курганах Тираспольщины отличается от нижнеднепровского тем, что здесь преобладают захоронения, в которых умершие ориентированы головой на север. Местной особенностью является также обязательное для III—II вв. до н. э. сопровождение покойников лепной керамикой.

Земли Нижнего Поднестровья в III—II вв. до н. э. не входили в основную территорию Скифии. Очевидно, скифские курганы Тираспольщины принадлежали населению, существовавшему независимо от основного ядра скифских племен. По-видимому, этим и объясняются те особенности, которые прослеживаются в погребальных сооружениях и обряде, отличающие описываемые памятники от скифских кочевнических погребений Нижнего Поднепровья.

Погребения в курганах IV—III вв. до н. э. встречаются на территории к западу от Днестра. По погребальным сооружениям и обряду они не отличаются от скифских погребений основной территории Скифии. Некоторые из них находились в простых ямах⁶³, другие в катакомбах или подбоях⁶⁴. Инвентарь, сопровождавший покойников, обычно не богат и состоит в основном из предметов вооружения, среди которых преобладают стрелы.

Более богатые погребения открыты в курганах у сс. Новокаменка и Балабаны. Несмотря на ограбление, в кургане у с. Новокаменка были найдены золотые бляшки, золотые, пастовые и каменные бусы, зеркало с ручкой из слоновой кости, 50 наконечников стрел, черволаковые и лепные сосуды. Особенно интересным оказалось погребение в одном из курганов у с. Балабаны. Оно принадлежало молодой женщине, но кроме типичных вещей, обычно сопровождавших богатые женские погребения — пары золотых серег, зеркала, веретена из кости и пряслиц, — в нем находился набор оружия — пара копий и колчан со стрелами. Очевидно, перед нами погребение женщины-воина. В настоящее время погребения вооруженных скифских женщин хорошо известны на Нижнем Днестре. Для Днестровско-Дунайского междуречья такое погребение пока единственное. Это имеет особенно важное значение потому, что помимо других фактов, определенно указывает на отсутствие различий между кочевниками основной территории Скифии и теми, которые попадали далеко на запад, может быть, по пути во Фракию во время походов Атея или по возвращении после его гибели.

3. Геты на территории Днестровско-Прутского междуречья в IV—III вв. до н. э.

Геты составляли часть огромного числа фракийских племен и по культуре мало чем отличались от других фракийцев, особенно даков.

Погребение V в. до н. э., открытое у с. Пыржолтены, позволяет предполагать местное развитие гетских племен Днестровско-Прутского междуречья. Оно как бы заполняет хронологическую лакуну между поздними памятниками культуры Басарабь и гетскими памятниками IV—III вв. до н. э. Это было трупосожжение с захоронением в урне, покрытой миской и помещенной в большой и глубокой могильной яме вместе с сопровождавшими погребение сосудами и вещами. Яма была перекрыта деревом, обмазанным глиной и затем сожженным. В могиле, кроме урны, оказалось еще пять сосудов разных форм, по которым можно проследить генезис гетской керамики культуры Басарабь. Между сосудами находились железный меч скифского типа, бронзовые наконечники стрел, железные удила и костяные поделки, выполненные в скифском зверином стиле.

Основная территория расселения гетских племен в Днестровско-Прутском междуречье в IV—III вв. до н. э. располагалась в лесостепной зоне, включая районы пограничья лесостепи и степи. В степной полосе их поселения зарегистрированы на правобережье Нижнего Днестра (Калфа, Тудорово, Паланка) и Днестровского лимана. Здесь, особенно на правобережье лимана, обитатели поселков, так же как и скифы на левобережье, находились в постоянных и тесных контактах с греками и, прежде всего, жителями города Тирь. Соседство с Тирью и интенсивные экономические и культурные связи способствовали эллинизации обитателей Нижне-Днестровских поселков. Именно эта черта отличает культуру гетов правобережья Нижнего Днестра и Днестровского лимана от культуры гетов, обитавших севернее, в лесостепной зоне.

Для гетов, живших в IV—III вв. до н. э. в лесостепных районах Молдавии, характерны открытые поселения и городища. Как городища, так и поселения располагались в различных топографических условиях, но близ водных источников, в местах, удобных для занятия земледелием и скотоводством. Городища устраивали на высоких плато в местах, имевших естественные рубежи. Примерно то же расположение характерно и для селищ, однако последние иногда бывают и на довольно пологих склонах, как, например, одно из поселений у с. Ханска⁶⁵.

Т. Д. Златковская и Л. Л. Полевой разделили все известные городища на три типа: 1) мысовые, 2) кольцевые и 3) подковообразные⁶⁶. Большинство городищ принадлежит к двум первым типам. К числу мысовых относятся городища «Большая Сахарна» и «Малая Сахарна», городище у с. Бутучены и еще 15 других в бассейне Днестра. Городище «Большая Сахарна» занимало мыс площадью 8 га, имевший обрывистые склоны. С напольной, юго-западной, стороны оно обнесено рвом и валом. Вал имел высоту 4 м и был сооружен из земли с толстой прослойкой

хорошо обожженной глины. Глубина рва — 5 м. Три земляных бастиона выступали перед валом на 35—120 м.

Городище «Малая Сахарна», расположенное на противоположной стороне глубокого оврага, занимало мыс площадью около 2 га. С напольной стороны оно защищено земляным валом высотой 3,5 м и рвом глубиной 1,5 м, шириной 6,7 м. К валу примыкало дополнительное укрепление в виде земляного вала и рва перед ним и курганообразное сооружение из необработанных известняковых камней, вероятно, остатки башни.

Бутученское городище — самое крупное из известных в настоящее время на территории Молдавии сооружений этого типа. Площадь его около 200 га. Оно находится на мысу, образованном излучиной Реута. Северная и южная стороны мыса представляют собой почти отвесные скалистые обрывы к Реуту. С напольной стороны, на перешейке мыса, городище укреплено тремя рядами земляных валов с рвами перед ними. В самом узком месте, за пределами земляных валов, сооружена стена из известняковых камней. В северо-западной части городища край мыса, слабо защищенный естественным рубежом, усилен земляным валом с эскарпом. На расстоянии 0,5 км к востоку от основного укрепления обширное плато на коренном берегу между р. Реут и глубоким скалистым оврагом эскаршировано и с южной стороны обнесено стеной, сооруженной из бревенчатых клетей, засыпанных землей. В стене имелись деревянные башни. С северной стороны перешеек между отвесным скалистым обрывом к Реуту и оврагом был укреплен земляным валом и рвом. Площадь второго укрепления — $1,5 \times 1$ км. Местом поселения служила только защищенная мысовая часть городища. Здесь открыты остатки жилищ и хорошо выраженный культурный слой. Укрепленное плато, по-видимому, было лишь загонном для скота.

Примером кольцевых городищ может служить городище у с. Матеуцы. Оно расположено на склоне долины безымянного ручья, впадающего в р. Черна. Площадка его, ограниченная валом и рвом, имеет форму не совсем правильного круга (площадь 95×80 кв. м). В основании оборонительного сооружения находилась стена шириной 3,3 м, сконструированная из двух рядов вертикальных столбов, оплетенных прутьями. Между ними была засыпана материковая глина с примесями извести и суглинка. С внешней стороны стена была присыпана землей из расположенного перед стеной рва.

К числу подковообразных относится Выхватинское городище, находящееся на левом коренном берегу Днестра⁶⁷. С трех сторон небольшая площадка его (около 4000 кв. м) была окружена земляным валом высотой 2 м и рвом глубиной 2,65 м. Вал в плане имел форму подковы. С четвертой стороны подход к городищу был затруднен крутым, почти отвесным обрывом к Днестру.

Судя по данным раскопок, большинство не только крупных, но и малых городищ были местами постоянных поселений. Однако некоторые городища использовались лишь как убежища в моменты опасности. Расположение городищ цепочкой с севера на юг вдоль Днестра, а затем

поворот их линии с северо-востока на юго-запад по южной окраине лесостепи, как будто указывает на то, что городища были предназначены для защиты территории с юга и востока. Городища, построенные вдоль Днестра, преимущественно на правом его берегу, служили укрытиями при нападении племен лесостепных областей Правобережной Украины. Городища, расположенные на южной окраине лесостепи, в междуречье Днестра и Прута, видимо, служили для обороны от степных скифских, а может быть, и гетских племен.

Поселения, не имевшие искусственных укреплений, так же как и городища, были разными по величине. Иногда на небольшом участке, примыкавшем к одному или нескольким городищам, было сосредоточено по нескольку поселений. Господствующим типом жилищ в лесостепи, видимо, были наземные дома каркасного типа, построенные из дерева с применением глиняной обмазки, а иногда и камня. Внутри находились очаги и вымостки хозяйственного назначения.

Остатки наземного дома, от стен которого сохранились лишь скопления кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев и известняковых камней, были обнаружены при раскопках Выхватинского городища. На земляном полу жилища было два глинобитных очага, один из которых сооружен на каменной вымостке. Часть зернотерки, фрагменты керамики и глиняные пряслица, а также небольшое количество костей животных, найденных на месте жилища, — это все, что осталось от пребывания его обитателей.

Огромное скопление кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками жердей — остатки рухнувших стен наземных домов — открыты на поселении возле с. Ханска. Внутри жилищ находились круглые ямы диаметром около 1 м, очевидно, хозяйственного назначения. В одной из ям стоял большой сосуд, предназначенный, видимо, для хранения зерна.

Более сложным устройством отличались наземные жилища на эллинизованных гетских поселениях правобережья Днестровского лимана. В конструкции жилищ на поселении у с. Пивденное сказалось влияние античной строительной техники. Однокамерные и двухкамерные дома имели фундаменты из известняковых плит, иногда хорошо обработанных. Стены сооружались из мелких камней на глиняном растворе и сырцового кирпича. Пол был глинобитным, а крыши — из камыша, обмазанного глиной. Для оконных переплетов и дверей использовалось дерево. В каждом помещении находился очаг или глинобитная печь с дымоходом. Рядом с жилищами располагались вымощенные известняковыми камнями дворики и зольники, в которые ссыпали очажный выброс, домашний мусор, битую посуду и кости животных.

Кроме наземных домов, существовали полуземлянки с наземными стенами. Одна из таких полуземлянок вскрыта на поселении у с. Ханска. В плане углубленная часть жилища имела неправильно овальную форму размером 4,1×3×1,38 м. К ней с четырех сторон примыкали ямы. В одной из таких ям, у восточной стены жилища, помещался очаг, от которого сохранились глинобитный под и зола. От наземных стен оста-

лось лишь скопление известняковых камней. Овальная в плане полуземлянка размером $3,1 \times 2,6 \times 1,2$ м обнаружена на поселении у с. Пивденное. На поселении Калфа на Нижнем Днестре исследовано семь полуземлянок квадратных в плане, размером 3×3 и 4×4 м, углубленных в материк на 0,6—0,8 м.

На городище «Большая Сахарна» открыты ямы-очаги такой же конструкции, как и те, которые находились в слое начала раннего железного века. Они расширялись ко дну, имели глинобитные под и крышку с закраинами, предназначенную для того, чтобы закрывать устье ямы.

Могильники и погребальные обычаи

Геты в IV—III вв. до н. э. хоронили своих покойников преимущественно в бескурганных могильниках по обряду трупосожжения. На территории Прутско-Днестровского междуречья лучше всего исследован гетский могильник Ханска-Лутэрия, расположенный поблизости от поселения. На нем вскрыто 28 погребений⁶⁸. На другом могильнике, у того же села, обнаружено три погребения.

Сожжения покойников совершались на стороне. Кальцинированные кости ссыпались на дно неглубокой ямы или в урну, которую опускали в могилу и накрывали крышкой-миской. Рядом с урной помещались сопровождавшие погребения один, два или несколько сосудов. В отдельных погребениях, кроме керамики, были найдены глиняные пряслица, пронизка, пастовые бусы. На втором могильнике у с. Ханска недалеко от урны с кальцинированными костями был найден железный серп.

На могильнике Ханска-Лутэрия помимо трупосожжений было найдено несколько трупоположений. Находки в некоторых из них гетской керамики позволяют считать их одновременными с трупосожжениями. В небольшом количестве трупоположения встречаются в ряде грунтовых могильников и курганах гетской знати в Добрудже и Северной Болгарии. Таким образом, можно говорить о том, что гетам IV—III вв. до н. э. был знаком биритуализм, который ведет свое происхождение, видимо, от носителей культуры фракийского галыштата.

Основным направлением хозяйства у гетов было земледелие. Урожай убрали железными, слабо изогнутыми серпами, как об этом позволяет судить железный серп, найденный при раскопках могильника у с. Ханска. По форме и размерам этот серп близок к тем, которые известны по находкам на ряде поселений юга Восточной Европы IV—III вв. до н. э. Размол зерна производился на каменных зернотерках.

Кости животных, встреченные на селище у с. Ханска, свидетельствуют о том, что в стаде преобладал крупный рогатый скот, затем шли свиньи, мелкий рогатый скот и лошади. Дикие животные представлены несколькими костями кабана и благородного оленя.

С уверенностью можно говорить о местном производстве лепной посуды, в обилии найденной при раскопках поселений и могильников. Керамика делалась из глины с примесью шамота. Снаружи поверхность обмазывалась слоем жидкой глины и часто покрывалась тусклым ло-

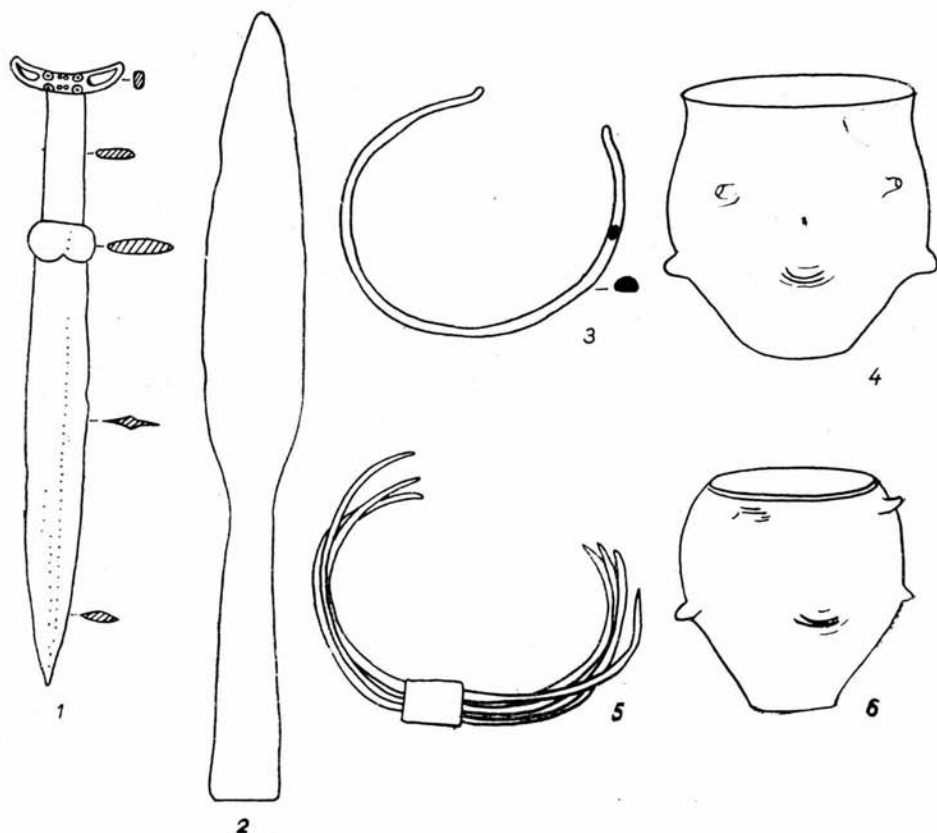

Рис. 11. Сосуды и инвентарь из гетского погребения между селами Паланка и Тудорово:

1 — железный меч; 2 — железный наконечник копья; 3, 5 — бронзовые браслеты; 4, 6 — сосуды.

щением. Лощению подвергались большие корчаги для хранения продуктов и сосуды столового назначения.

Поверхности большинства сосудов имеют грязновато-желтый, светло-коричневый или желтовато-серый цвет. Изредка встречаются темно-серые или почти черные корчаги и миски. Обжиг посуды неравномерный, черепки в изломе слоистые, что свидетельствует об отсутствии специальных гончарных печей.

Набор керамики на всех поселениях и городищах достаточно однообразен. Всюду преобладают горшки, среди которых большинство не имеет шейки (рис. 11). Тулова их более или менее выпуклые, слегка сужающиеся к устью. Дно небольшое, иногда с едва заметной закраиной. Обычно горшки этой формы снабжены четырьмя руч-

ками-упорами, расположенными либо рядом с устьем, либо почти в средней части тулова. Орнаментированы они валиком с защипами или пальцевыми вмятинами. Орнамент располагается в верхней части тулова между ручками-упорами. Иногда валиков бывает несколько, и тогда они как бы оплетают сосуд, образуя горизонтальные и вертикальные ряды.

Меньшим количеством экземпляров представлены горшки с невысокой шейкой и слабо отогнутым наружу венчиком, также обычно имеющие ручки-упоры, расположенные на плечиках и орнаментированные валиком с защипами или пальцевыми вмятинами (см. рис. 11).

Сосуды для хранения зерна и других продуктов представлены крупными корчагами с высокой шейкой и грушевидным туловом и сосудами со слабо выраженными шейками, раздутым туловом, резко сужающимся ко дну (рис. 12). В нижней части тулова эти корчаги имеют ручки-упоры. Верхняя часть обычно орнаментирована рельефными налечами разной формы. Особенно интересна орнаментация в виде рога-ритона на корчагах с Бутученского городища.

Большим количеством фрагментов и изредка целыми формами на всех поселениях представлены миски разных размеров с диаметром устья от 7—8 до 35 см. Одни из них имеют округленное или довольно резко выраженное ребро, как бы отделяющее верхнюю часть сосуда со слегка загнутым внутрь краем от нижней, сужающейся ко дну. Другие миски имеют форму усеченного конуса и ровно срезанный край. Миски первого типа в верхней части тулова снабжены полукруглыми ручками-упорами. Иногда на них встречается рельефный орнамент. Гораздо реже горшков, корчаг и мисок встречаются кувшины.

На южных поселениях, и прежде всего в с. Пивденном, кроме типичной гетской керамики, найдены фрагменты скифских горшков с довольно высокой шейкой, без орнамента и с орнаментом в виде защипов по краю венчика или плечу. Обломки скифских горшков в большом количестве встречены у с. Ханска, расположенного на южной окраине лесостепи. Их появление на гетских памятниках может быть объяснено связями с соседним скифским миром.

Помимо посуды, употреблявшейся в быту, на поселениях и городищах производились различные глиняные поделки: пряслица усеченно-конической и биконической формы, примитивные статуэтки, миниатюрные сосудики. На поселении у с. Ханска найдена глиняная пинтадера, предназначенная, по-видимому, для орнаментации ритуальных хлебцев или лепешек.

Ясно выраженных следов производства железа не обнаружено, хотя железный шлак, собранный при раскопках на Бутученском городище и городище «Большая Сахарна», позволяет предполагать его существование на этих поселениях. Изделия из железа, видимо местного изготовления, представлены немногочисленными находками. Часто встречались лишь мелкие обломки железных ножей и шильев. С городища «Большая Сахарна» происходит железный черенок ножа с на-

Рис. 12. Гетская керамика из могильника и с поселения у с. Ханска.

борными костяными пластинками на железных заклепках, украшенными циркульным орнаментом.

Может быть, на месте отливались бронзовые наконечники стрел скифских типов IV—III вв. до н. э., поскольку они встречались на всех гетских поселениях, подвергавшихся раскопкам.

Значительную роль в жизни местного населения играла торговля с античным миром, которая велась через ближайший греческий город —

Тиру. Особенно тесными, как уже говорилось выше, были торговые взаимоотношения с ближайшей округой города. Здесь, как свидетельствует материал с поселения у с. Пивденное, среди керамики преобладали фрагменты амфор. Найдены также целые и почти целые амфоры. Изучение амфорных клейм (их известно 108) и наклеянных амфор позволило А. Г. Сальникову установить, что в середине IV в. до н. э. больше всего вина в амфорах привозили из Херсонеса и Синопы. В конце IV и в III в. до н. э. ведущее место занимал ввоз с о. Фасоса и из Гераклеи, меньшую роль играл импорт из Пантикапея и других центров Боспора.

Обилие амфорной тары на поселении у с. Пивденное позволяет предполагать, что обитатели этого близлежащего к Тире поселения получали большое количество вина, а может быть еще и масла, не только для собственного потребления, но и для перепродажи местному населению, жившему вдали от берега лимана. Находки обломков амфор на всех гетских поселениях и городищах лесостепных районов Молдавии свидетельствуют о том, что привозимые из Греции продукты в амфорах распространялись по всей гетской территории.

Античная чернолаковая и простая посуда даже на поселении у с. Пивденное составляла лишь 12% всей собранной при раскопках керамики. Причем среди простой гончарной посуды есть сероглиняные миски и кувшины, которые были распространены у фракийцев, в том числе и у гетов, живших на землях к югу от Дуная. Они производились как местными племенами Фракии, так и в античных городах Западного Причерноморья. Находки таких сосудов известны в том числе и в Тире. Для античных городов Северного Причерноморья они не характерны. Остальная гончарная керамика — рыбные блюда, кастрюли, светильники, лутерии, красноглиняные кувшины — не имеет специфических особенностей и могла происходить из разных центров античного мира. По составу глины некоторые лутерии относятся к числу сосудов, производившихся в Синопе.

Чернолаковая керамика в основном аттического производства представлена обломками канфаров, киликов (сосудами для питья), рыбных блюд, солонок, светильников, а также почти целыми формами. На удаленных от Тиры поселениях и городищах чернолаковая керамика встречается преимущественно в виде мелких обломков и всегда в малом количестве. Лучше известна простая сероглиняная гончарная посуда, но и ее обычно бывает немного. Даже на поселении у с. Калфа на Нижнем Днестре обломки сероглиняных мисок и кувшинов немногочисленны, хотя оттуда происходит два целых гончарных кувшина фракийского облика.

На Сахарнянских и Бутученском городищах есть фрагменты античных лутериев или толстостенных чаш. Из фрагментов, найденных на Бутученском городище, удалось склеить светлоглиняный узкогорлый кувшин. С поселения у с. Калфа происходит античная терракотовая статуэтка танагрского типа.

Торговля с греками носила характер обмена, поскольку денежного обращения у местных племен явно не было. Очевидно, в обмен на греческие товары местное население должно было поставлять хлеб и другие продукты сельского хозяйства, а также, вероятно, и рыбу. Находки рыболовных грузил, сделанных из стенок и ножек амфор, рыбьей чешуи и костей на поселении у с. Пивденное, свидетельствуют о том, что рыболовство было одной из важных отраслей хозяйства, по крайней мере у жителей поселений на берегу Днестровского лимана.

Железный нож с кривым лезвием и витой рукоятью с подвижным кольцом на конце, найденный на Бутученском городище, и бронзовая фибула (застежка) с городища «Малая Сахарна» свидетельствуют о существовании прямого или происходившего при участии других племен обмена с кельтскими племенами.

Однако, по-видимому, более оживленным и постоянным был обмен с южными фракийцами или гетами, жившими к югу от Нижнего Дуная. Оттуда на гетские поселения Днестровско-Прутского междуречья поступали металлические изделия и гончарная посуда. К их числу относится навершие из с. Раскайцы, выполненное в скифо-фракийском зверином стиле. Железный кинжал из гетского погребения между сс. Тудорово и Паланка, в форме и орнаментации которого соединились скифские и фракийские черты (см. рис. 11), бронзовые браслеты и, наконец, браслеты и гривна со змеиными головками на концах, золотое и два серебряных височных кольца из клада у с. Матеуцы Резинского района⁶⁹.

Предметы вооружения — железные мечи-акинаки и кинжалы, копья и стрелы — могли поступать к гетам от скифов. Так, например, сходным со скифскими и, очевидно, изготовленным в одной из скифских мастерских является железный меч-акинак, случайно найденный близ с. Лукашевка, очень близкий к происходящему из скифского погребения у с. Суручены Страшенского района⁷⁰.

Мало данных для суждения об общественном строе у гетских племен IV—III вв. до н. э. Можно лишь предполагать, что гетское общество, в том числе и геты Днестровско-Прутского междуречья, находились на стадии становления классов и государства.

Гетские поселения, расположенные на юге по берегу Днестровского лимана и Нижнего Днестра, очевидно, прекращают свое существование тогда же, когда и поселки оседлых скифов на левобережье лимана — около середины III в. до н. э. Какая-то часть гетов с правобережья Поднестровья переселяется на левый берег, свидетельством чего является одно из поселений у с. Граденицы Беляевского района Одесской области, существовавшее в III—II вв. до н. э.

Несколько иначе сложилась судьба гетов, обитавших в IV—III вв. до н. э. в лесостепных районах Днестровско-Прутского междуречья. Несмотря на неоднократные вторжения в конце III в. с востока и запада, гетское население здесь не было истреблено⁷¹.

4. Днестровско-Прутское междуречье во II—I вв. до н. э.

Письменные и археологические источники

В результате продвижения сарматов из-за Дона и активизации фракийских племен на западе в конце III в. до н. э. в степях Северного Причерноморья произошли большие изменения. Сильно сократилась территория Скифского царства, а центр его переместился в Крым. Данные Страбона и некоторых других древних писателей ясно свидетельствуют о том, что скифы во II—I вв. до н. э. уже не составляли сколько-нибудь значительной политической и военной силы в Днестровско-Прутском междуречье. Степной район между Днестром и Дунаем, который ранее считался скифским, теперь носит название «Пустыни гетов»⁷².

Геты и родственные им даки были, видимо, основным населением всего Карпато-Дунайского района. В I в. до н. э. сложился крупный союз гето-дакийских племен во главе с Бурвистой. Военный потенциал союза племен был столь велик, что его воины наносили удары не только соседним народам, но в середине I в. до н. э. дошли до Ольвии. Город был взят приступом, опустошен и разрушен⁷³. Следы гетской экспансии в Ольвии и на позднескифских городищах Нижнего Днепра хорошо фиксируются археологическим материалом⁷⁴.

Однако гето-дакийские племена в последние века до нашей эры и первые века нашей эры не были единственным населением Карпато-Днестровского района. В III—II вв. до н. э. античные авторы отмечают движение бастарнов на юг от Повисленья. Остров Певка в устье Дуная и низовья этой реки оказываются занятыми певкинами — племенем, которое считается одним из бастарнских (германских или кельтских) племен⁷⁵.

Из Ольвийского декрета в честь Протогена мы знаем о намерении галатов, которых обычно считают кельтскими племенами, напасть на Ольвию⁷⁶. Видимо, из этого можно сделать вывод о том, что еще в III в. до н. э. через Днестровско-Прутское междуречье по направлению к Нижнему Бугу могла проходить какая-то часть кельтов.

Много раз греческие и римские авторы II в. до н. э.— II в. н. э. упоминали о Днестре — Тирасе. Так, Скимн Хиосский (I в. до н. э.) описывает Днестр как реку глубокую, безопасную для плавания грузовых судов, богатую рыбой, с обильными пастбищами на берегах⁷⁷. Квинт Гораций Флак (I в. до н. э.) отмечает, что гетам «немеренные поля приносят свободные плоды и хлеба»⁷⁸. Из Страбона мы узнаем о том, что геты возделывали виноград и производили вино⁷⁹. Арриан (II в. н. э.) сообщает, что геты на скифских лошадях охотились на оленей⁸⁰. Таким образом, письменные источники позволяют нам утверждать, что геты II—I вв. до н. э. были земледельцами и скотоводами, занимались охотой и рыбной ловлей.

На территории современной Молдавии археологические памятники II—I вв. до н. э. стали известны лишь с 1953 г., когда были открыты

Лукашевский могильник и поселение⁸¹. Несколько раньше, в 1949 г., был исследован румынскими археологами Поянештский могильник⁸². По названию этих памятников получила наименование культура Поянешты-Лукашевка, распространенная на территории Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э.

В настоящее время в Днестровско-Прутском междуречье помимо Лукашевского известен еще один могильник этой культуры (у с. Сипотены), а также значительное число поселений⁸³. Пополнилось количество археологических памятников (особенно поселений) и на румынской территории⁸⁴.

Исследователи культуры Поянешты-Лукашевка по-разному интерпретируют памятники, их этническую принадлежность, происхождение и связи.

Р. Вульпе и некоторые другие румынские археологи считают культуру Поянешты-Лукашевка не связанной с предшествовавшими ей памятниками гето-даков, чуждой местному населению и поэтому принесенной извне. Носителями ее они называют бастарнов⁸⁵. Из числа советских исследователей это мнение разделяет только Д. А. Мачинский⁸⁶.

Г. Б. Федоров впервые высказал иную точку зрения. Изучив материалы могильников и поселений лукашевского типа на территории МССР, он выдвинул предположение о местном характере данной культуры. Элементы, не связанные по происхождению с местными прототипами, безусловно имеющиеся в ней, он отнес за счет проникновения на территорию Поднестровья бастарнских и некоторых других племен⁸⁷.

Выводы Г. Б. Федорова получили дополнительное обоснование и подтверждение в диссертационной работе М. А. Романовской, изучившей археологические материалы II—I вв. до н. э. всего Карпато-Днестровского района⁸⁸. Она определила место культуры Поянешты-Лукашевка в ряду других одновременных или близких к ней по времени культур — зарубинецко-корчеватовской и липецкой, культуры Ясторф и некоторых других, показала ее особенности, а также направление этнических и культурных влияний на местное население. И все же приходится признать, что археологам предстоит еще большая работа для того, чтобы решить окончательно многие вопросы истории населения Днестровско-Прутского междуречья во II—I вв. до н. э.

По сводке М. А. Романовской, известно около 30 поселений культуры Поянешты-Лукашевка, расположенных в междуречье Днестра и Серета⁸⁹. Только в среднем течении Днестра, в бассейне рек Ботны и Реута, поселения составляют достаточно компактную группу. В остальных районах они расположены на значительном расстоянии друг от друга.

Все поселения культуры Поянешты-Лукашевка не имеют укреплений. Более того, большинство из них расположено на довольно низких местах, пологих склонах оврагов и ручьев близ воды, где удобно было жить людям, занимавшимся земледелием и скотоводством. Отсутствие городищ и расположение поселений без учета стратегических данных

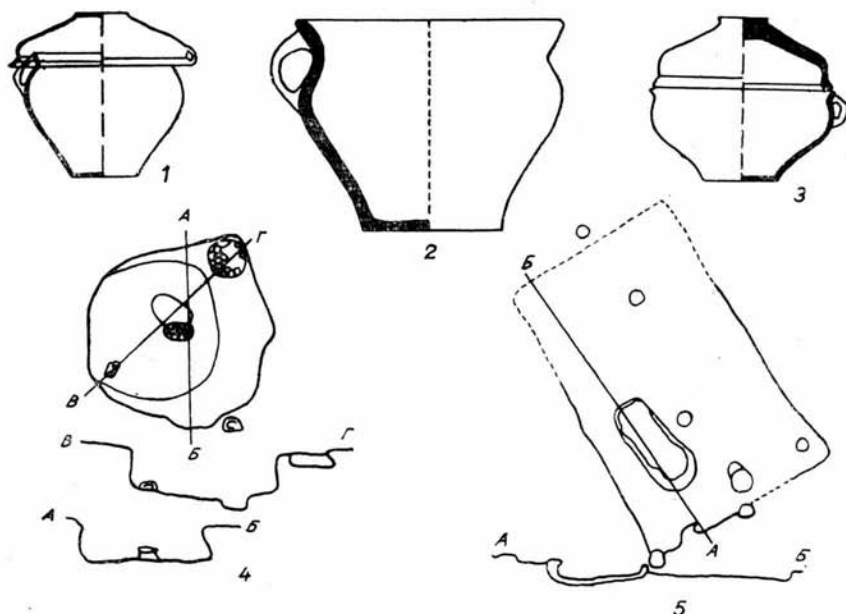

Рис. 13. Погребальные урны и планы типов жилищ культуры Поянешты-Лукашевка:

1—3 — урны из могильника у с. Поянешты; 4 — план жилища с поселения Ульм; 5 — план жилища с поселения Лукашевка II.

местности существенным образом отличается селища II—I вв. до н. э. от гетских поселений IV—III вв. до н. э.

Размеры поселений различны, но, как правило, они имели около 200 м в длину и 100—150 м в ширину. На территории Молдавской ССР лучше других исследованы поселения Лукашевка II, Бранешты и Ульма. Здесь были открыты жилые, производственные и хозяйственные комплексы.

Жилищами служили наземные дома и полуземлянки, но те и другие имели стены из плетня, с двух сторон обмазанного глиной (рис. 13). Эта конструктивная особенность сближает жилища II—I вв. до н. э. с жилищами на гетских поселениях IV—III вв. до н. э.

Наземные дома прямоугольные в плане. У некоторых крыша опиралась на врытые в землю столбы. Полуземлянки в плане близки к широкому овалу или овально-прямоугольные. Жилища отапливались при помощи печей, большей частью глинобитных, и очагов. Печи иногда находились не только внутри домов, но и снаружи. Вокруг жилищ на всех поселениях размещались хозяйственные ямы различной формы и размеров, служившие для хранения продуктов, зерна, сбора мусора и т. д.

На поселении Ульма, помимо жилых и хозяйственных сооружений, были обнаружены следы металлургического производства. Это глинобитная печь или большой очаг с глинобитным подом, имевшим вид желоба. Недалеко от очага находились куски глиняного сопла и медного шлака. В Бранештах обнаружена печь для обжига керамики, входившая в конструкцию жилища⁹⁰. Печь представляла собой яму, вырытую в материке, на дно которой клали топливо. Сосуды устанавливались прямо на топливо в определенном порядке, горшки и миски меньших размеров помещались в большой горшок. Внутри печи оказалась бракованная продукция — ошлакованные и деформированные сосуды.

Могилиники и погребальные обряды

Все четыре могилиника культуры Поянешты-Лукашевка, известные в междуречье Днестра и Серета, очень близки друг к другу по основным признакам.

Все они грунтовые, не имеют внешних признаков. Погребения представляют собой трупосожжения. Сожжения умерших производились в стороне от мест погребений. Кальцинированные кости и зола ссыпались в урну, которой мог служить горшок, кувшин или миска (см. рис. 13). Урна сверху накрывалась миской, реже крышкой. Вместе с прахом в урны клали отдельные вещи и украшения.

На большей части вещей остались следы сильного действия огня. Видимо, вещи находились при покойнике в момент сожжения. Однако наиболее ценные предметы погребенных (серебряные и золотые спирали, фибулы) целы. Их клали в урну после совершения трупосожжения. Имеются погребения с довольно богатым инвентарем, как, например, погребение у Лукашевского могилиника, в котором найдена золотая спираль, и совсем безынвентарные захоронения. Однако в большинстве погребений инвентарь примерно одинаков по ассортименту и качеству. Оружие не встречается, орудия труда (железные ножи, пряслица) очень малочисленны. Из украшений чаще всего встречаются серьги, браслеты и фибулы.

Урны хоронили в небольших и неглубоких ямах. Никогда в могилы не ставили никаких сопровождающих сосудов. Расстояние между погребениями, судя по планировке Лукашевского могилиника, не было одинаковым, но обычно погребения располагались на 0,5—0,6 м друг от друга.

Обряд погребения, характерный для II—I вв. до н. э., очень близок к тому, который существовал у гетов Днестровско-Дунайского и Балканно-Дунайского районов в IV—III вв. до н. э. Преемственность прослеживается в отдельных деталях, но вместе с тем присутствуют и черты, не свойственные для более ранней эпохи. В первую очередь к ним принадлежит обычай не сопровождать погребенных сосудами.

Само расположение поселений культуры Поянешты-Лукашевка в местах с плодородными почвами говорит о важной роли земледелия в хозяйстве населения II—I вв. до н. э. Однако отсутствие орудий труда на поселениях и в погребениях не позволяет определить уровень развития земледелия. Лишь находка железного серпа на поселении Лукашевка II свидетель-

Занятия населения

ствуется о том, что урожай убирали серпами того же типа, что у ряда других племен, например у скифов на Нижнем Днепре, или у даков в Прикарпатье, или племен зарубинецкой культуры. Для размолотия зерна использовались каменные зернотерки и растиральники; жерновов еще не было. Судя по отпечаткам зерен и половы на глиняной обмозке стен жилищ, возделывались просо и пшеница. Видимо, эти злаки были основными зерновыми культурами.

О занятиях жителей поселков скотоводством свидетельствуют находки на поселениях костей свиной, лошади, коровы, мелкого рогатого скота. Состав стада, установленный на основании костных остатков, подтверждает вывод об оседлом образе жизни племен и придомном характере скотоводства.

Глиняные пряслица, постоянно находимые на поселениях и часто встречающиеся в погребениях, разнообразные по форме и размерам (рис. 14), говорят о развитом ткачестве.

Находки железного шлака, тигля с наливными на стенках кусками железа и железного шлака на поселении Лукашевка II позволяют предполагать существование у местного населения железоделательного производства. Железные ножи, иглы, шилья и различные острия из железа, встреченные в памятниках культуры Поянешты-Лукашевка, очевидно, были изделиями местных металлургов. Железные бритвы (см. рис. 14), найденные только в Поянештском могильнике, не имеют аналогий за пределами Карпато-Днестровского района, и, видимо, также изготовлялись на месте.

Следы бронзолитейного производства на поселении Ульма позволяют предполагать местное изготовление ряда украшений из бронзы. Однако отсутствие сырья на территории Днестровско-Прутского междуречья не позволяет думать о значительном развитии местной металлургии. Производство металлических вещей на поселениях еще носило домашний характер.

Среди украшений преобладают фибулы, сделанные из железа, реже из бронзы и еще реже из серебра. Большинство фибул имеет среднелатенскую схему. Все они отражают влияние латенской и кельтской культур, как и некоторые другие виды украшений. Однако эта черта не является особенностью только культуры Поянешты-Лукашевка, поскольку во II—I вв. до н. э. кельтское влияние проникло далеко за пределы собственно кельтской территории. К числу импортных кельтских вещей относится бронзовая фигурка идола, найденная на поселении Лукашевка II. Достаточно ясно прослеживаются следы костерезного и камнерезного дела. Из кости изготавливали различные проколки, рукоятки ножей, коньки. Из камня — зернотерки, терочники, грузики, точильные бруски.

Производство глиняной посуды было домашним. Вся местная керамика, происходящая с поселений и из погребений культуры Поянешты-Лукашевка, сделана от руки. Это отличает ее от близкой к ней керамики Карпато-Дунайского района, где во II—I вв. до н. э. уже широко использовался гончарный круг. Основные формы посуды, которая

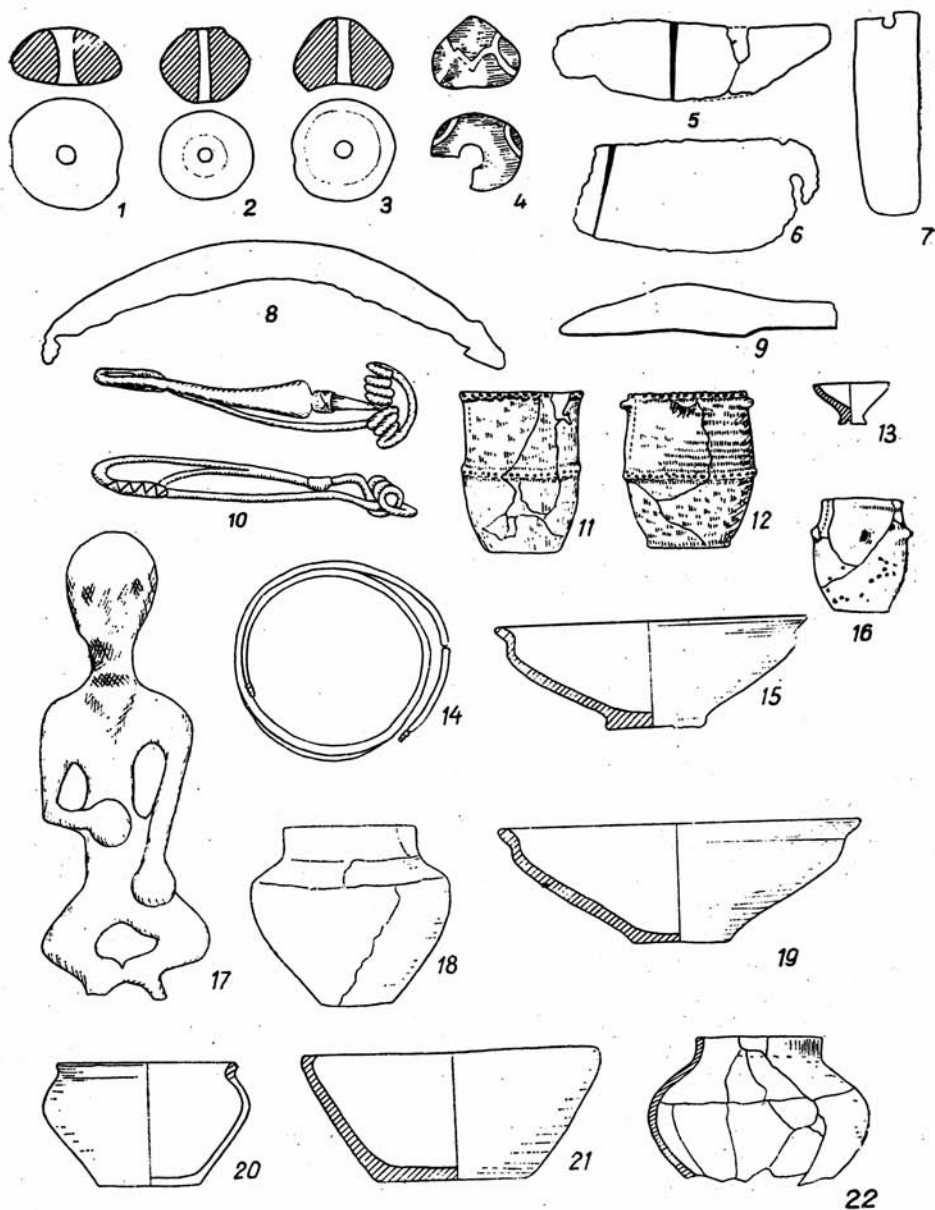

Рис. 14. Вещи и керамика с поселений и из погребений культуры Поянешты-Лукашевка:

1-3 — глиняные пряслица; 4 — стеклянная бусина; 5-6 — железные бритвы; 7 — брусок; 8 — железный серп; 9 — железный нож; 10 — бронзовая фибула; 14 — бронзовый браслет; 17 — бронзовый идол; 11-13, 15, 16, 18-22 — глиняные сосуды.

была в обиходе, происходят от местных форм IV—III вв. до н. э. Это горшки нескольких типов — баночные, боченовидные, с короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком (см. рис. 14). Так же как и их ближайшие прототипы IV—III вв. до н. э., горшки с поселений культуры Поянешты-Лукашевка часто бывают орнаментированы шишечками, валиками с зазипами или вмятинами, имеют ручки-упоры.

Поверхности некоторых из них нарочито шероховатые. Эта особенность, видимо, объясняется влиянием на местную керамику посуды поморской культуры, для которой свойственна такая поверхность. Из этой же культуры, очевидно, были восприняты чернолощенные горшки с небольшим уступом при переходе от горла к плечу (см. рис. 14). Миски составляют вторую широко распространенную категорию посуды. Среди них лощеные миски с венчиком, загнутым внутрь, и конические нелощенные миски, безусловно, связаны по происхождению с прототипами в гетской керамике IV—III вв. до н. э. Такие миски особенно часто встречаются на поселениях (см. рис. 14).

Лощеные миски с подгранным венчиком и округлым бочком (см. рис. 14), чаще встречаемые на могильниках в качестве урн и крышек и реже на поселениях, не имеют местных традиций. Они известны на памятниках ясторфской культуры, в зарубинецкой культуре и ранних погребениях пшеворской культуры⁹¹.

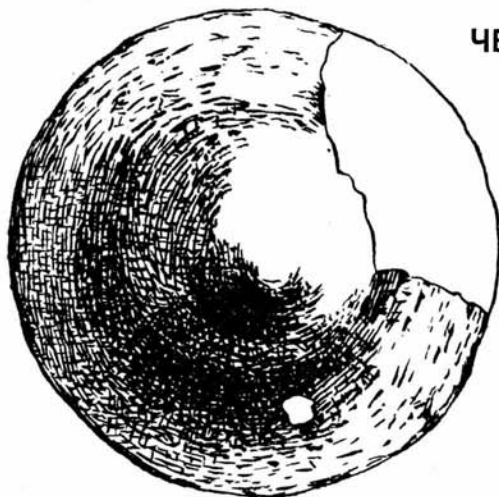
С местными прототипами определенно связаны светильники в виде конической чаши и кувшины, тогда как дуршлаги, сковородки, миниатюрные сосудики, «плошки на ножке» (см. рис. 14), найденные на поселениях, распространены слишком широко, чтобы по ним возможно было выявить конкретные связи. Керамика с поселений и из могильников культуры Поянешты-Лукашевка достаточно ярко отражает особенности этой группы памятников: неоднородный состав ее элементов.

Немаловажную роль в экономической жизни жителей Днестровско-Прутского междуречья во II—I вв. до н. э. играла торговля с соседними племенами и античными центрами. Особенно тесными были связи населения Молдавии и Дакии. Из Дакии поступали золотые и серебряные украшения и другие вещи, ввозились и некоторые римские изделия. Однако античный импорт, видимо, шел в основном другим путем, через греческих и римских купцов, может быть, из Тиря. Из сообщения Полибия (205—123 гг. до н. э.) мы знаем, что и в мирное и военное время из Причерноморья в античные центры вывозились рабы, скот, мед, воск и соленая рыба. «Хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая»⁹². Находки в гетских поселениях II—I вв. до н. э. фрагментов античных амфор позволяют предполагать, что свидетельство Полибия распространялось и на жителей Днестровско-Прутского междуречья.

Судьбы населения культуры Поянешты-Лукашевка не известны. На территории Днестровско-Прутского междуречья нет археологических материалов I в. н. э. Однако фракийские элементы, прослеживаемые Э. А. Рикманом в черняховской культуре, как будто свидетельствуют о непрерывности гето-фракийских традиций вплоть до II—IV вв. н. э.

САРМАТЫ И ПЛЕМЕНА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(I—IV вв.)

Сведения
древних авторов

Днестровско-Прутское междуречье было зоной, в которой кочевали и оседали двигавшиеся в течение столетий на запад сарматские племена. На рубеже нашей эры, по сведению Овидия, они переправились через Дунай и поселились в окрестностях города Томи. В Поднестровье обитали роксоланы, о чем можно заключить по сведениям Диона Кассия. Это племя с языгами связывали кратчайшие дороги, проложенные через римскую провинцию Дакию⁹³. Зная границы территории, заселенной языгами (между Дунаем и Тиссой), и расположение Дакии, можно предполагать, что роксоланы в I—III вв. н. э. кочевали в степях между Днестром и Дунаем. Аммиан Марцеллин пишет о живущих около Тираса (Днестра) «европейских аланах»⁹⁴. Они обитали здесь, по крайней мере, до IV в. н. э. Из известий Страбона⁹⁵ (рубеж н. э.), Плиния-старшего⁹⁶ (I в. н. э.) и в особенности Птолемея (II в. н. э.) явствует, что массив фракийских племен простирался на северо-востоке до Поднестровья и за Днестр. Птолемей пишет: «Поморье от самого северного устья Истра до устьев реки Борисфена и область внутри материка до реки Гиераса занимают гарпии ниже тирагетов-сарматов»⁹⁷.

Из этого сведения можно сделать вывод, что фракийское гето-дакийское племя карпов (гарпии) во II в. н. э. расселилось в береговой полосе между устьями Дуная и Днестра, в частности по Пруту и Днестру. Основной массив карпских племен простирался до реки Серет (Гиерас), где примыкал к району расселения тирагетов-сарматов, т. е. Поднестровью. На Днестре Птолемей упоминает пять городов. Один из них носит дако-гетское имя Клепидава и локализуется в районе Могилева-Подольского или Ямполья⁹⁸.

Представление о Днестре как о восточной границе фрако-гето-дакийского мира отразилось и в Певтингеровых таблицах⁹⁹, восходящих, как полагают, к середине II—IV вв. н. э.¹⁰⁰ На них между течениями Дуная и Днестра в направлении с северо-запада к юго-востоку последовательно показаны места обитания гепидов, гетов, даков и венедов. Существенно упоминание в таблицах венедов-славян, единственное для рассматриваемого района. Видимо, древние картографы отразили в данном случае вторжение и расселение венедов из районов, расположенных к северу от Карпат.

Племена готского союза заселили Северное Причерноморье, в частности Днестровско-Прутское междуречье, на рубеже II и III вв. н. э. С Поднестровьем, по свидетельству Аммиана Марцеллина, связаны крупные исторические события в жизни готов. Днестр был границей между вестготским (тервингским) и остготским (грейтунгским) племенными союзами. Тервинги занимали Нижнее Поднестровье, бассейны Прута и Серета¹⁰¹. Наибольшего могущества готские племенные союзы достигли в III—IV вв. н. э. Древние авторы под названием «готы» упоминали различные в этническом отношении племена, говорившие на разных языках. В этом смысле интересно описание сражения готов с римлянами, на которое впервые обратил внимание Г. Диакону¹⁰². «Устремляясь в битву,— сказано у Аммиана Марцеллина,— готы кричали на разных языках». Хотя это известие прямо к Поднестровью не относится, оно важно для понимания состава населения указанного района.

1. Сарматы

Памятник, относящийся к культуре сарматов, впервые был открыт в 1938 г. Н. Морощаном. Это могильник у с. Копанка Слободзейского района¹⁰³. Однако исследователь, описавший материал из могильника и датировавший его концом III — началом IV в. н. э., не назвал его сарматским.

Памятники сарматской культуры стали объектом изучения только в 1953 г., когда под руководством Г. Б. Федорова был раскопан могильник у с. Боканы¹⁰⁴ Фалештского района, исследовалось также относившееся к нему селище. Г. Б. Федоров описал богатый инвентарь и определил могильник как памятник с чертами черняховской и сарматской

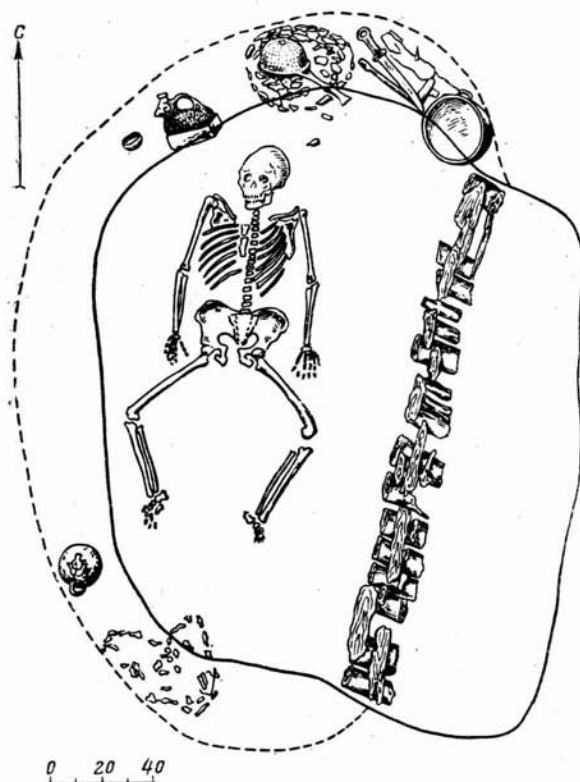

Рис. 15. Сарматское погребение у с. Олонешты.

культуры. Позже он отнес его к ранней стадии черняховской культуры¹⁰⁵.

Систематические исследования других сарматских памятников почти не производились. Можно указать только на небольшие раскопки Э. А. Рикмана в 1961 г. на могильнике Токмазея Слободзейского района¹⁰⁶ и А. И. Мелюковой — кургана у с. Олонешты Суворовского района (рис. 15), где в погребении найден обильный и ценный материал¹⁰⁷. Сарматские могильники открывали при раскопках памятников других племен и находили случайно, во время земляных работ¹⁰⁸. Собранный материал показал, что сарматам этого района присущи черты той же культуры, что и племенам Поволжья и Поднепровья в первых столетиях новой эры¹⁰⁹.

В могильнике у с. Скаены Флорештского района обнаружено только одно групповое погребение с характерным для сармат набором вещей. В погребении найдены бронзовое зеркало с отверстием для прикрепления

ручки, бронзовая фибула I в. до н. э., стеклянные и пастовые бусы, бронзовые перстни и щитки.

K I—II вв. н. э. относится богатое погребение, открытое при земляных работах у с. Трояны бывшего Балтского уезда Подольской губернии. В этом погребении имелись предметы, характерные для сарматской культуры на средней стадии ее развития: сферический бронзовый литой котелок на поддоне, с ручками по краю в виде лошадей — характерный для сарматов изобразительный мотив; бронзовое зеркало с валиком по краю; много разноцветных бус и пронизок цилиндрической, шарообразной и других форм из песчаника, сердолика, халцедона, янтаря. Наиболее интересна недоделанная бусина, видимо, из сердолика. Поверхность ее не обточена, намечено углубление для сверления отверстия. Этот предмет — свидетельство местного производства бус. Найдены также три бронзовых колокольчика и привозной ковш¹¹⁰.

В могильнике у с. Токмазя обнаружено пять труположений. Причем черепа в двух погребениях были искусственно деформированы бинтовой повязкой, которую сделали в детском возрасте. Такой обычай широко практиковался сарматами. В погребениях найдены лепной горшок с надрезами по верхнему краю венчика и сделанные на гончарном кругу миска и кувшин. Этот набор посуды позволяет датировать памятник началом нашей эры.

На рассматриваемой территории насчитывается около 40 могильников и пять поселений II—III вв. н. э. Дата памятников определяется по находкам фибул (застежек одежды) в могильниках у сс. Боканы, Олонешты и Зернешты, которые относятся ко II—III вв. н. э.¹¹¹ Наибольшие основания для датировки позднесарматских памятников Днестровско-Прутского междуречья дает могильник у с. Боканы, где, кроме фибул, найдены краснолаковые канфары, стеклянный сосуд и другие вещи II—III вв. н. э.¹¹²

Предметом, характерным для погребений сарматов-мужчин, является меч (могильники Боканы, Маркауцы, Негурены, Криничное)¹¹³. Лучшие экземпляры этого оружия найдены в могильнике Маркауцы. Клинок сарматского меча II—III вв. н. э. был коротким, узким, двулезвийным, заостренным. На черенок надевались деревянные рукоятки (они в могилах не сохранились). Некоторые мечи снабжены дугообразными пластинчатыми или кольцевыми железными навершиями, а другие — бронзовыми шаровидными. Распространены мечи и без наверший.

Керамика, найденная в сарматских могилах, делится на гончарную и лепную. Появляются серые с гладкой поверхностью круговые одноручные или двуручные кувшины и миски из хорошо отмученной глины сквозного обжига, столь широко распространившиеся впоследствии в черняховскую эпоху (Боканы, Росипены, Негурены и т. д.). Отличает сарматскую посуду от черняховской наличие орнамента в виде пролощенных вертикальных полос. Среди лепной керамики наиболее типичные небольшие лепные горшки с хорошо выраженными горловинами и венчиками, орнаментированными зачастую с помощью поперечных нарезных линий (Боканы, Вишоара).

В ряде погребений у с. Боканы и других местах найдены мелкие бусы белого, голубого и желтого цветов, из которых сарматы делали ожерелья. Ими обшивали головные уборы, одежду и обувь. На одежду нашивали также бронзовые бубенчики конусообразной (Негурены) и пирамидальной (Боканы) форм. При ходьбе эти украшения звенели. На шею или к поясу сарматские женщины подвешивали небольшие зеркала из бронзы или белого металла. Зеркала дискообразной формы имеют сбоку небольшую прямоугольную ручку с отверстием. Эти литые предметы с оборотной стороны украшались орнаментом в виде решетки (Боканы), родового знака царя Ининфимея (Вишоара), солярного знака и т. д.

В сарматских могилах найдены бронзовые фибулы особого типа. При различии в деталях устройства корпусов и пружин им присуща одна общая черта: у всех приемник представляет собой вертикальную пластинку, отходящую от корпуса вниз. Подобные изделия обнаружены в могильниках, у сс. Боканы, Олонешты, Зернешты. Металл, из которого они отлиты,— оловянистые бронзы специфичного для сарматской культуры состава¹¹⁴.

В захоронениях найдено большое количество импортных вещей: двуручные и одноручные краснолаковые канфары (Боканы, Росипены); стеклянный косметический флакон (Боканы); бронзовые кувшины и миска, краснолаковый сосуд-баранчик для вина (Олонешты); амфора, стеклянные бальзамарий и штоф (Первомайск). Эти предметы попали к сарматам в результате меновой торговли, которая облегчалась подвижностью этих племен, вступавших в прямой контакт с населением античных городов Причерноморья.

Сарматы почти перестали насыпать могильные курганы, зато иногда использовали насыпи более древних курганов. В могилах уже нет характерных для сарматов Поволжья подсыпок мела или красной краски. В могильниках немного погребений — до 20 (Боканы). Погребенные лежали в простых ямах, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, а кисти часто уложены на тазобедренных костях. Умерших клали в могилы чаще всего головой к северу, хоронили в одежде, с оружием и некоторыми бытовыми и хозяйственными предметами. В сосудах была пища. Нередко находят обломки специально разбитых и брошенных в могильную яму зеркал.

Таковы довольно однообразные черты сарматских погребений II—III вв. н. э. Особенности культуры отдельных племен отметить очень трудно, так как сарматские памятники изучены еще слабо. Несомненно, что на территории Молдавии, судя по сообщениям древних авторов, кочевали аланы и рассоланы. Эти племена и оставили памятники, упомянутые выше.

Боканский могильник II—III вв. н. э., раскопанный в наибольшей степени, особенно важен для характеристики сарматской культуры рас-

смаатриваемого района. В этом грунтовом могильнике вскрыто 20 трупоположений: шесть мужских, восемь женских и шесть детских. Погребенные лежали на спине в ямах простого устройства, овальных в плане, головы ориентированы на север (с отклонениями), руки и ноги вытянуты. У половины погребенных черепа деформированы. Исследованные черепа — круглоголовые сарматские¹¹⁵. Погребения мужчин беднее, чем женские, и содержат посуду, мечи, ножи и редко — украшения. Мечи с прямыми перекрестиями находились у правого бедра.

В женских захоронениях были, кроме посуды, шесть сарматских зеркал с боковыми ручками, бусы, бронзовые и железные браслеты и медные серьги — колечки с завязанными концами. У левого плеча женщины из могилы № 10 найден бронзовый пирамидальный колокольчик-подвеска — украшение, типичное для сарматов. Пять фибул с пластинчатыми приемниками и пружинами разной длины датируют могильник II—III вв. н. э.

Обнаружен 21 сосуд, из которых девять лепных. Обычно гончарные сосуды ставили в головах, а лепные — в ногах погребенных. Среди лепной керамики различаются узкогорлые кувшины, миски и небольшие банкообразные горшки, подобные тем, которые описаны в разделе, посвященном общей характеристике сарматской культуры.

Из гончарной посуды наиболее характерны серолощенные и серые с гладкой поверхностью кувшины и кружки с одной ручкой. В погребении № 1 обнаружен кувшин с лощением в виде вертикальных полос. Этот способ орнаментации широко распространен именно в сарматской гончарной посуде. Среди гончарной керамики третью часть составляют привозные краснолаковые двуручные и одноручные канфары. В захоронении № 4 найден стеклянный косметический флакон сферической формы с двумя ручками в виде лебединых шей. В нескольких погребениях найдены прислица. Большинство из них — грибовидные, типичные для сарматской культуры.

Боканский могильник является памятником, в котором несколько стерлись специфические черты сарматского погребального ритуала: характерны простые ямы, нет остатков тушек жертвенных животных, меловых подсыпок и т. д. Эти черты видны более ясно в впускном погребении из кургана у с. Олонешты. Прежде всего сохранился древний обычай сооружения могилы с подбоем. Продольный вход был закрыт досками и брусьями. В позе скелета, ориентированного головой на север, есть отличия от того, что наблюдалось в Боканском могильнике: ноги были первоначально поставлены коленями вверх. Инвентарь, сопровождавший погребенного, положен вдоль стены подбоя, у головы и возле ног. Оружие, принадлежности конского убора и посуда, найденные при покойном, свидетельствуют о сарматских признаках погребального ритуала. Вещи частично местного изготовления, другие привозные, но обычно использовавшиеся сарматами.

В числе находок — бронзовые миски с ручками, ситечко и кувшин. Эти сосуды относятся к числу редко встречающихся в Северном Причерноморье и широко распространенных в римских провинциях Западной Европы. Вероятно, они были сделаны в Паннонии или Италии во II или III вв. н. э.

Кроме того, в погребении найдены: краснолаковый глиняный сосуд в виде барана на прямоугольном цоколе; дужковая шарнирная фибула с эмалью, галльского происхождения; деревянные сосуды, выточенные на токарном станке; блюдо, близкое по форме упоминавшейся бронзовой чаше, и две полусферические чарки. У каждой из них по две вертикальные ручки, выполненные в виде фигурок медведей. Небольшая деревянная чаша для питья стояла возле сосуда, выполненного в виде барана. В этом же погребении найдена туалетная коробочка (пиксида) цилиндрической формы.

Найдены два меча и копье. Один из них длиной 45 см с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, конец клинка треугольный, двулезвийный, на нем сохранились следы от ножен. Второй меч того же типа был длиннее первого. От копья сохранились обломки втулки.

В могильнике были и орудия труда: проушной топор с узким клинком и прямым лезвием и обухом. Там же находился каменный точильный брусок, интересный тем, что на нем процарапан рисунок оленя или лося.

Характерны для сарматской могилы предметы конского убора: путы из пяти колец, узкие железные пластины, наконечники, обтянутые золотым листом, вероятно, покрывавшие кожаные ремни узды. К уздечному набору относятся обломки небольших железных пряжек с подвижным язычком и бронзовое кольцо. При помощи пряжек и колец ремни узды соединялись друг с другом.

Конный сарматский воин погребен во II или III вв. н. э., когда в быт племенной знати степного Поднестровья проникла импортная утварь¹¹⁶. Сарматы привыкли к ней настолько, что помещали ее в могилы.

Среди остальных позднесарматских памятников примечательны погребение у с. Первомайск Каушанского района и могильник у с. Криничное Болградского района Одесской области. В первом видны признаки ритуального перезахоронения скелета. Дата его (II в. н. э.) определена благодаря найденным бутылки и кувшинчику из стекла и глиняной амфоре. Кроме того, в погребении обнаружены детали из конского убора¹¹⁷.

В могильнике у с. Криничное, где вскрыто восемь могил II—III вв. н. э., наибольший интерес представляет погребение № 1. Для него, как и в Олонештах, вырыта яма с подбоем. Заслуживают внимания украшения диадемы (или головного убора) в виде перламутровых крестиков. На костях ног сохранились бусы, которыми была обшита обувь (или высокие чулки)¹¹⁸. Сарматская принадлежность могилы определена еще по зеркалу, грибовидному пряслицу, сережкам-колечкам.

2. Племена черняховской культуры

История изучения черняховской культуры

Памятники черняховской культуры были впервые открыты на территории Молдавии в 1950 г. при археологических разведках Прутско-Днестровской экспедиции¹¹⁹. В 1953—1954 гг. были проведены раскопки селища Лопатна¹²⁰, а в 1954—1955 гг. — могильника Малаешты¹²¹. Под руководством Г. Б. Федорова была составлена археологическая карта памятников первых столетий нашей эры, на которой обозначено около 250 пунктов.

В дальнейшем были проведены раскопки могильника Лапушна (1953 г.), селищ Солончены и Лукашевка (1953 г.), могильника и селища Будешты (1954—1957 гг.), раскопки селищ Петриканы (1956 г.), Балабанешты (1956—1957 гг.), Делакеу (1958—1960 гг.), Загайканы (1957—1958 гг.), Кобуска-Веке (1959 г.), Комрат (1960—1961 гг.), Кошница (1960 г.), Собари (1962, 1965, 1967 и 1971 гг.), Ханска IV (1970 г.), Русяны (1972 г.) и могильника Балцаты (1963—1964 гг.). Затем И. Т. Никулицэ и Э. А. Рикманом был исследован могильник Ханска-Лутэрия (1967—1969 гг.). Теперь на этой территории известно около 700 памятников. Результаты археологических исследований позволяют нам достаточно полно охарактеризовать племена черняховской культуры Молдавии.

Дата памятников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья определяется благодаря находкам античных амфор II—IV в. н.э., стеклянных кубков (целых и в осколках), фибул, датирующихся в основном III—IV вв. н.э., обломков античной краснолаковой посуды, монетных кладов и отдельных римских монет II—IV в., главным образом, III—IV вв. н.э.¹²²

Происхождение черняховской культуры

В предчерняховское время, как показано выше, в районе Днестровско-Прутского междуречья обитали кочевые и оседлые сарматы. Край был заселен слабо. В III—IV вв. н.э. эта территория интенсивно заселялась. Из трудов древних историков и географов известно, что в междуречье поселились готы и венеды, однако основная роль в формировании черняховской культуры принадлежала оседлым фракийским гето-дако-карпским племенам. Эти племена отличаются от сарматов антропологически.

Действительно, отдельные элементы черняховской культуры прослеживаются еще у сарматов: обряд трупоположений с северной ориентировкой погребенных, гончарная посуда, напоминающая черняховскую (Росипены, Негурены, Боканы), отдельные образцы бус — течевицеобразные, сферически спаянные (Росипены). Наиболее характерные черты этой культуры могли придать только оседлые фракийские племена, привнесшие в погребальный обряд сочетание трупосожжений и трупоположений и др. важные проявления в быту черняховцев.

Мысль Г. Б. Федорова о том, что черняховская культура произошла от слияния сарматской и фракийской, представляется для Днестровско-Прутского междуречья убедительной¹²³. Несомненно, что среди

культур, предшествовавших черняховской в областях между Карпатами и Днестром, наиболее близки ей липецкая и карпо-гето-дакийская типа Поянешть¹²⁴.

Состав племен черняховской культуры

О том, что в рассматриваемом районе было много разных племен, можно заключить из сообщений древних историков и географов, которые рассказали и об этнических смешениях, характерных для эпохи великого переселения народов.

В этой связи представляют интерес выводы, сделанные М. С. Великановой на основании изучения антропологического материала могильника у с. Будешты. Она установила, что серия черепов из могильника Будешты делится на две группы: брахикранные широколицые черепа, по-видимому, принадлежавшие сарматам, и грацильные мезодолихокранные европеоидные черепа характерного средиземноморского типа, вероятно, дако-гетские¹²⁵. В могильнике у с. Малаешты сарматские признаки не обнаружены. Выводы антрополога совпадают с данными археологии. Прежде всего нужно отметить большое количество вариантов погребального обряда трупоположений и трупосожжений, не могущих найти объяснения в социальных, возрастных отличиях. Показательно, что черепа, приписываемые сарматам, преимущественно у тех костяков, у которых подогнуты и скрещены ноги. Археологи считают эти черты присущими сарматам.

Типичный для готов, гетов и карпо-даков обряд трупосожжения представлен примерно половиной погребений в каждом могильнике черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Однако нельзя утверждать, что этот обряд практиковался только гетами или готами.

В могильнике Будешты сохранились гетские и карпо-дакийские формы посуды: усеченно-конические миски, горшки с четырьмя полусферическими выпуклостями под венчиками и — что особенно показательно — остатки крышек, свидетельствующие об использовании специальных урн. Эта черта погребального ритуала сближает могильник у с. Будешты с памятниками карпо-даков, кладбищами Поянешть и Габара-Порчешть.

При этом следует вспомнить, что в «Географическом руководстве» Птолемея жители Поднестровья названы тирагетами-сарматами¹²⁶. Этот двойной термин, по всей вероятности, отразил смешение двух племен, которые продолжали обитать в Поднестровье и в III—IV вв. н. э. Представление о фракийском происхождении основной массы населения этого района подкрепляется антропологическими данными.

Не может быть снят вопрос и о роли готов в формировании черняховской культуры. Само распространение биритуализма в могильниках черняховской культуры следует связывать с влиянием именно готского погребального ритуала. Каменные кладки в могилах, известные в Будештах и особенно в Балцатах II, указывают на северо- и восточногерманское происхождение погребального ритуала. Общеизвестно, что

каменные кладки типичны для могил Скандинавии и острова Готланд. Они отмечены в готском могильнике Брест-Трипин¹²⁷.

Довольно широко распространено мнение, что памятники черняховской культуры вообще и Днестровско-Прутского междуречья в частности принадлежали славянским племенам. Действительно, в черняховских и раннеславянских памятниках VI—VII вв. есть нечто общее в лепной посуде, отдельных особенностях полуземляночных жилищ, некоторых чертах трупосожжений. Однако эти отдельные черты сходства тонут в массе различий. Некоторое сходство обеих культур объясняется, видимо, тем, что и венецы в какой-то мере влияли на племена черняховской культуры. Таким образом, носителями черняховской культуры рассматриваемого района во II—IV вв. н. э. были карпо-гето-даки, готы и сарматы.

Заселенность края в первых веках нашей эры была высокой, судя по густоте археологических памятников (даже если допустить, что совершался перенос поселков с места на место, вероятный при экстенсивном земледелии, и некоторые различия во времени между моментами основания поселений). В микрорайоне Будешты на площади 55×40 км находится 37 памятников черняховцев.

Выявлены кое-где группы поселков, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких сотен метров, например близ сс. Делакеу, Кубуска-Веке и т. д. Их появление объясняется тем, что между жителями сохранялись родо-племенные связи.

В топографии селищ прослеживается основное занятие их обитателей: это поселения земледельцев, расположенные всюду близ водоемов, на берегах Днестра (Делакеу, Кошница) и его притоков, а также на берегах ручьев (Комрат, Русяны, Петриканы, Собарь, Загайканы). Под поселки обычно выбирали защищенные от ветра склоны, но некоторые располагались на плато, открытом для ветра (Делакеу, Кошница, Вадулуй-Водэ). Таким образом, у черняховцев сложилась топография земледельческих селений, сохранившаяся и в наше время.

В результате обследования ряда селищ, относящихся к черняховской культуре, особенно Делакеу, Комрат и Собарь, удалось установить, что расположение непараллельными рядами домов и хозяйственных построек напминает современные деревенские улицы.

Наземный дом был основным типом жилища у племен черняховской культуры, так как на всех обследованных селищах установлено полное преобладание развалин наземных построек. В. Д. Барану удалось определить, что в Верхнем Поднестровье проходит граница между зонами преобладания наземных жилищ с южной стороны и углубленных — с северной¹²⁸.

При раскопках поселений Будешты, Загайканы, Делакеу, Комрат, Русяны и Собарь выяснено, что дома черняховцев занимали 100—160 кв. м, а их развалины — до 200—300 кв. м.

В качестве примера приведем вскрытые при раскопках селища Собарь развалины стен и других конструкций дома (рис. 16), сооруженного из дерева и глины. По этим развалинам более или менее точно

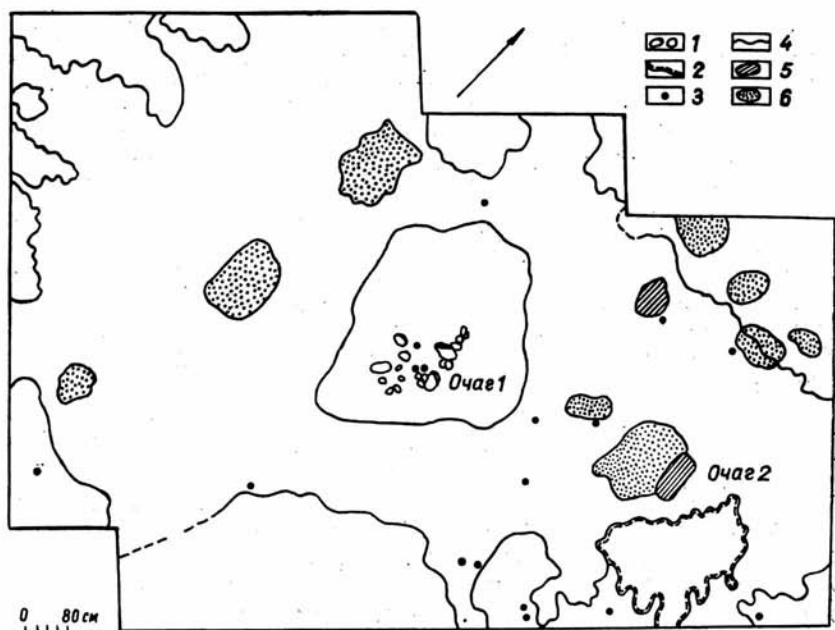

Рис. 16. План большого дома:

1 — камни; 2 — граница глиняного пола; 3 — находка; 4 — граница развалин жилища; 5 — очаг; 6 — яма.

можно определить контуры постройки. Здание, сооруженное на горизонтальной площадке, имело форму прямоугольника, вытянутого по направлению с запада на восток, площадью 16×10 м. Остатки строительного материала стен представляют собой куски глиняной обмазки желтого или красного цвета, твердые, как кирпич. На некоторых из них имеются отпечатки соломы, с которой замешивалась глина. В глине отмечена также примесь толченой керамики. На обмозке наблюдаются отпечатки веток, жердей, стволов деревьев, брусков, а иногда листьев. У северо-восточного края развала стен обнаружены ямы. Некоторые из них, очевидно, относились к конструкции дома, а остальные служили хранилищами.

Дом был, по-видимому, многокамерным. Именно этим можно объяснить наличие в развале незаполненных обломками площадей. Такое «пустое» пространство имеется в центре развала. Размер его $4,5 \times 2,8$ м. На западной стороне есть еще три небольшие «пустые» площади. Основное помещение для жилья было в восточной части дома. На его длинной осевой линии находились очаги. Первый очаг, расположенный в западной оконечности обитаемой камеры, был овальным в плане. Его основу составляли плитчатые необработанные известняковые камни. Второй очаг отстоял от первого на 5 м. Он представлял со-

бой прямоугольную площадку и был сложен насухо в один слой из необработанных известняковых камней. Два камня составляли бортик с торцевой стороны. Сверху на камнях сохранились остатки глиняного пода. Третий очаг находился в северо-восточной части жилища и представлял собой горизонтальную вымостку из уложенных в один слой известняковых необработанных камней и обломков керамики. В юго-восточном углу дома обнаружены остатки пола.

Внутри дома находились четыре ямы, расположенные попарно по сторонам его длинной оси. Характер всех ям сходный. Они имеют большие размеры; длину — 1,5—1,8 м, ширину — 1,0—1,2 м, глубину — 1,1—1,5 м. Форма в плане овальная, стенки вертикальные, дно ровное или с выбоинами. Во второй яме имеется ступенька, в первой обнаружен обломок железного плужного лемеха, в четвертой найдены кости домашних животных.

Ямы, по-видимому, служили погребями-хранилищами, располагавшимися в восточной (жилой) и западной (хозяйственной) половинах дома.

Здесь найдены раздавленный зерновик, две миски красного цвета с лощеной поверхностью, железные ножи, точильные бруски, обломок стеклянного сосуда, железная треугольная подвеска.

Сооружение, обнаруженное при раскопках селища черняховской культуры у села Собарь, является типичным примером больших домов, которые встречаются на многих поселениях черняховской культуры Поднестровья и Поднепровья¹²⁹.

Прямоугольные жилища иного характера обнаружены при раскопках на селищах Делакеу и Будешты. Здесь площадь домов равна 60 кв. м. Это дома средней величины.

Под развалинами стен жилища в Делакеу в нескольких местах выявлено подобие фундамента — скопление камней и гальки. На длинной оси здания неподалеку от западной и восточной стен были расположены два очага, которые в момент вскрытия представляли собой скопление сильно обожженных известняковых камней. Аналогичные по площади наземные строения обнаружены и на селище Будешты¹³⁰.

На селищах Будешты, Делакеу, Загайканы, Собарь, Комрат и других встречаются развалы и совсем небольших жилищ — 15—30 кв. м. По конструкции они не отличались от остальных наземных домов.

Кроме того, на поселениях черняховцев встречаются и землянки. На селище Комрат землянка обнаружена рядом с остатками большого наземного дома. В плане она представляет собой почти прямоугольную яму площадью 2,9×2,2 м, глубиной 1,05—1,25 м. На полу найдены обугленные остатки дерева — обшивки стен или стропил. Крыша — двускатная. У западной стенки жилья — яма, по-видимому, сохранившаяся от очага: в ней находились куски древесного угля. Землянки были вспомогательными сооружениями по отношению к соседним наземным домам. В этих землянках, по сообщению Тацита¹³¹, женщины занимались ткачеством, рукоделием. Подобные землянки исследованы на селищах Делакеу, Солончены, Кокора, Комрат, Костешты, Кошница, Будешты и Русяны.

Вокруг домов группировались хозяйственные постройки: ямы-погреб, очаги. Ямы группировались по несколько или располагались вдоль домов. Группировка этих сооружений около наземных домов — явление типичное, отмеченное на всех более или менее полно изученных селищах.

Ямы-хранилища имели различное устройство. Форма их могла быть грушевидной (Делакеу, Комрат, Кошница), колоколообразной (Флорешты), цилиндрической (Будешты), напоминающей бочонок (Загайканы). Стенки некоторых ям обмазаны глиной и обожжены (Делакеу, Кошница). Иногда в ямах встречаются ступеньки (Собарь, Петриканы).

В некоторых ямах-хранилищах найдены горшки (Будешты), амфоры и зерновики (Комрат). Особенно важны находки продуктов собирательства — терн, кизил, зерен культурных злаков (Делакеу, Флорешты). Эти обнаружения дают основание предположить, что часть ям служила для хранения зерна.

Группировка у домов ям-хранилищ и очагов позволяет думать, что определенная территория, расположенная по соседству с домом, принадлежала семье, обитавшей в нем. По-видимому, это и была усадьба, находившаяся в ведении семьи. Наблюдения, сделанные при раскопках селища Комрат, свидетельствуют о том, что, вероятно, некоторые усадьбы ограждались. Обнаружены развалины жилища, обычного для селищ черняховской культуры. Дом был огражден, о чем свидетельствует канава — след ограды, очевидно, ограничивавшей некогда участок рядом с жилищем. Ширина канавы 40 и 70 см, глубина от древней дневной поверхности — до 70 см. В ней прослеживаются три ямы для столбов. Это свидетельствует о том, что здесь некогда были врыты колья и жерди — основа плетневой ограды. Обнаружение такой ограды свидетельствует как будто о существовании у отдельных семей приусадебных участков.

На селище Комрат неподалеку от большого дома обнаружены четыре ямы небольшого диаметра. Они ограничивали в плане прямоугольную площадь размером около 16 кв. м. Следует предположить, что здесь было небольшое помещение, вероятно, хозяйственного назначения, входившее в состав усадьбы.

Земледелие и скотоводство

Все без исключения поселения черняховцев располагались в лесостепной и степной зонах в условиях, удобных для земледелия. Земли зачастую приходилось освобождать от леса. По мнению С. Н. Бибикова, на основании наблюдений, произведенных им над напластованиями поселения у с. Журы, именно в первые века нашей эры изменился режим Днестра, что было связано со значительным уничтожением лесов человеком¹³².

Во II—IV вв. н. э. у племен междуречья появляются рала и плуги, снабженные железными наконечниками. Наконечники найдены на селищах Оселивка, Радоая, Собарь, Загайканы. Они имеют небольшие размеры (12,5—16 см), форма рабочих частей симметричная (Радоая, Оселивка) или асимметричная (Загайканы); трубица в сечении вытянуто-овальная. Асимметричность наконечника из Загайкан служит свидетельством того, что пахотное орудие было снабжено череслом-резаком и

отвальной доской. Черняховцы Днестровско-Прутского междуречья впрягали в пахотные орудия волов¹³³.

При раскопках на территории Молдавии найдены отпечатки зерен на кусках обожженной глиняной обмазки. Больше всего найдено зерен пшеницы, проса и чины. Исследована пшеница с поселений Флорешты, Делакеу, Комрат и Собарь¹³⁴. Зерна, найденные на селище Флорешты, имеют характерные признаки твердой пшеницы, а на селище Делакеу — мягкой. Больше всего зерен пшеницы, в основном мягкой, найдено на селищах Комрат. Похожие на них по форме отпечатки обнаружены на кусках обожженной глины, найденные на селище Собарь. Кроме того, на глиняном обломке виден отпечаток колоса полбы.

Зерна проса исследованы на поселениях Делакеу и Комрат. Небольшое количество ячменя найдено на поселениях Флорешты, Делакеу и Комрат в виде примеси к другим культурам. Найденные зерна принадлежат к культурному ячменю, который был распространен в посевах.

На фрагменте сосуда, найденного на селище Делакеу, выявлен отпечаток зерна ржи. След зерна овса отмечен на обломке глиняной обмазки на селище Собарь. Мелкосеменная чина двух разновидностей обнаружена на поселении Комрат. Эти находки свидетельствуют о том, что культура чины, распространившаяся в первых столетиях нашей эры на территории Украины¹³⁵, возделывалась в это время и земледельцами Днестровско-Прутского междуречья.

По нескольку зерен некоторых видов сорняков обнаружено среди пшеницы, проса и чины — только на поселении Комрат. Состав сорняков очень беден. Там же найдены остатки плодов дикорастущих терна и кизила — свидетельство того, что население занималось и собирательством.

Зерно хранили в специальных погребах-ямах, которые найдены на всех селищах черняховской культуры, подвергавшихся раскопкам (Флорешты, Делакеу, Лукашевка III¹³⁶ и другие). Кроме того, на селище Комрат в яме-хранилище содержали дикорастущие плоды. Хранилища находились также в хозяйственных отсеках наземных домов.

Тарой для хранения принято считать большие глиняные сосуды-зерновники¹³⁷, выполненные на гончарных станках. Такие находки в развалинах жилищ при раскопках поселений встречаются часто (Будешты, Делакеу, Собарь, Комрат, Русяны и т. д.). Целые экземпляры найдены на селищах Кошница и Трифауцы, а на поселении Комрат зерновик был врыт в дно ямы-хранилища.

Орудия для уборки урожая представлены серпами и их обломками на селищах Делакеу, Костешты, Собарь, Петрикань и во впускном погребении первых веков нашей эры в кургане у с. Зернешты. Первый тип серпов, изученных в обломках на селищах Делакеу, Собарь, Петрикань, Костешты имел дугообразную форму с нечетко выраженным черенком. Для серпов второго типа, найденных целыми в Делакеу, Ханске и Зернештах, характерна слабая изогнутость короткого клинка и длинный черенок. Лезвие серпа из Делакеу специально зазубрено.

О земледелии можно заключить по находкам известняковых и песчаниковых жерновов почти на всех селищах. По ним легко восстанавливается конструкция ручной мельницы. Верхние жернова характеризуются формой, близкой к цилиндрической. Толщина (3—12 см) и диаметры их (35—45 см) варьируются в зависимости от вида зерна и степени помола. Нижняя рабочая поверхность горизонтальная (Делакеу, Будешты, Кобуска-Веке, Русяны, Костешты) или вогнутая (Загайканы, Комрат, Будешты, Балцаты). Отверстия круглые или квадратные разной величины.

Интересен жернов ручной мельницы оригинального типа, найденный на черняховском селище Кобуска-Веке¹³⁸. Он сделан из песчаника. Диаметр диска 55 см, толщина — до 15 см. Верхняя поверхность горизонтальная, нижняя вогнутая. Сверху у жернова имеется по краям бортик для закрепления на камне цилиндрического короба, куда насыпали зерно. В центре жернова сделано отверстие размером 12×12 см. Сбоку находится выступ (с выемкой) длиной 16, шириной 24 см для бокового рычага, приводившего камень в движение. Рычаг закреплялся стержнем, вставлявшимся вертикально через сквозное круглое отверстие в выступе. Найденный в Кобуска-Веке жернов уникален по форме и отделке.

Судя по тому, что жернова найдены в домах отдельных семей, можно прийти к выводу, что помол зерна производился для нужд каждой семьи. Следовательно, и хлебопашеством семьи занимались тоже обособленно.

Можно предполагать, что система земледелия у черняховцев была подсечно-переложной в лесостепной зоне и переложной в степной полосе. Для создания подсек служили появившиеся в эту эпоху довольно совершенные топоры. Земли было достаточно. Слабая засоренность зерна из черняховских хранилищ сорняками говорит о том, что под посев использовались малоокультуренные или целинные земли. Первые века нашей эры были временем широкого наступления человека на леса Днестровско-Прутского междуречья для создания посевных площадей¹³⁹.

Скотоводство наряду с земледелием играло важную роль в хозяйстве племен. Судя по находкам особей животных на селищах черняховской культуры, скотоводством занимались жители каждого поселка.

**Соотношение особей (в костных остатках)
животных на селищах черняховской культуры***

	%
Крупный рогатый скот	более 35
Мелкий рогатый скот	20—25
Свинья	15—20
Лошадь	15—20
Дикие животные	менее 10

* По В. И. Цалкину

Из приведенных данных видно также, что в стаде повсеместно преобладал крупный рогатый скот. Разводили здесь и домашнюю птицу. В одном из погребений могильника Балцаты II были найдены кости ут-

ки и гуся¹⁴⁰, а в погребениях могильников Будешты и Малаешты — гусиные яйца. Жилища и стада охранялись собаками, кости которых встречаются почти на всех поселениях.

Крупный рогатый скот был короткорогим, мелкой породы¹⁴¹. У черняховцев, обитавших на территории Молдавии, в состав стада входило 79% коров, 7% быков, 14% волов. Количество волов указывает на широкое использование их как тягловой силы для пахоты¹⁴².

Четвертое место, занимаемое лошадьми в составе стада, объясняется, видимо, тем, что здесь, как на правобережной Украине, резко сократилось употребление в пищу их мяса и повысилась роль как рабочих животных¹⁴³. Лишь на степном поселении Комрат лошади стоят на втором месте. По находкам на селище Будешты гвоздей, плоских и с уплощенными шляпками, можно заключить, что лошадей подковывали. На ряде селищ найдены железные удила (Балабанешты, Собарь), а на поселении Кобуска-Веке — конусообразный колокольчик (ботало), свернутый из железной пластинки и напоминающий находку из черняховского поселения в Леськах¹⁴⁴.

Обнаружение на селищах Будешты и Русяны костей осла объясняется связями жителей этих поселков с греческими городами Северного Причерноморья, где разводили этих животных¹⁴⁵.

Стойловое содержание скота зимой и заготовка кормов были в природных и климатических условиях Молдавии неизбежны даже для лошадей и овец, которые лучше, чем другие животные, добывают корм из-под снега.

О переработке молока говорят находки глиняных сит-дуршлагов на селищах Будешты, Кобуска-Веке, Комрат и других. Отверстия в них неодинакового диаметра и расположены по-разному. Это свидетельствует о различных способах переработки молока.

Охотничий и рыболовный промыслы играли небольшую, но постоянную роль в хозяйстве племен черняховской культуры. Кости диких животных найдены на 7 из 12 раскопанных селищ. Наибольшее значение имела охота на благородного оленя, затем — на кабана. И наконец единичны факты, свидетельствующие об охоте на волка, лису, медведя, хорька, косулю, птицу. Видимо, костный материал, найденный на селищах, не полностью отражает объем охоты и состав добычи.

Данных о рыболовстве мало. Можно полагать, что при рыболовстве пользовались сетями, потому что на селищах Будешты, Балабанешты, Костешты и Делакеу обнаружены грузила для сетей, глиняные и каменные, имеющие форму кольца или бочонка, с широкими отверстиями.

Найденный на многих поселениях шлак свидетельствует о выделке железа, базировавшейся, вероятно, на использовании болотной, луговой руды, которая имела в Поднестровье.

Видимо, на большинстве поселений были домницы для получения железа.

Химический анализ образца шлака, произведенный в лаборатории Института химии АН МССР, показал, что его состав мог возникнуть

**Производства
и ремесла**

только при сыродутном доменном процессе. Отходы приблизительно такого же содержания найдены на селищах Солончены и Лукашевка.

Следы двух домниц были обнаружены на селище Комрат. Неподалеку от печей найдена овальная площадка из обожженной глины — возможно, остатки обогатительной печи, находившейся рядом с домницей.

На каждом поселении обнаружены железные и стальные предметы. Значит, кузнецы, как и металлурги, работали почти на всех поселениях. Орудий кузнечного ремесла найдено мало (только зубильце и пробойники в Будештах), но, судя по распространенности изделий, широкому их ассортименту, высокому качеству, кузнецы обладали всеми необходимыми орудиями труда, включая инструменты, пригодные для ювелирных работ.

Исследование изделий, найденных при раскопках памятников Будешты, Делакеу, Собарь и Яблона, показало¹⁴⁶, что они изготовлены из качественного железа и стали: зерно равномерное и мелкое, шлаковых включений мало. Это обеспечивалось тщательной кузнечной ковкой с соблюдением правильного температурного режима. Кузнецы применяли обычные приемыковки в горячем состоянии. Им были известны сварка железа, железа и стали, цементация (науглероживание) железных заготовок или готовых предметов, термическая обработка стальных изделий.

Из железа и стали откованы орудия труда: плужные лемехи, ножи и серпы разных типов, топоры, скобель, сверла, долота, зубило, ложкарь (нож для вырезывания деревянных ложек), шилья, инструмент для нанесения циркульного орнамента, ножи; оружие: меч, наконечники копий трех типов, стальной кинжал, умбоны (центральные бляхи щитов) (рис. 17); бытовые предметы: замки, ключи, железные гвозди, удила, шпора, скобы, пробон, оковка ларца; детали одежды и украшения: пуговицы, пряжки, фибулы (рис. 18), подвески.

Ножи, как правило, откованы из мягкой стали, редко — из пакетного¹⁴⁷ или вторично использованного металла. Долото сделано из железной заготовки, науглероженной и закаленной с той стороны, с которой ковалось лезвие. Шилья и удила откованы из железа. Исследованная пряжка изготовлена из стали. Серп выполнен из высококачественного пакетного металла, причем сварочные швы тонкие и чистые. Лезвие топора — стальное. По мнению Г. А. Вознесенской, тщательный и индивидуальный характер обработки изделий из железа и стали свидетельствует о том, что мастера работали по заказу.

Многочисленные поделки из бронзы, найденные на селище Будешты, встречаются также на большинстве раскопанных памятников. Это, главным образом, бытовые предметы и украшения, а также принадлежности одежды: замки, туалетные ножи, рукоятки ножей, ножны, подвески, иглы, серьги, височные кольца, браслеты, пуговицы, пряжки, фибулы. Большая часть продукции производилась местными мастерами. Об этом свидетельствует находка в Будештах литейного тигля, а на селище Балабанешты — заготовленного для отливки слитка бронзы. При химическом и металлографическом анализе одной из типичных по форме

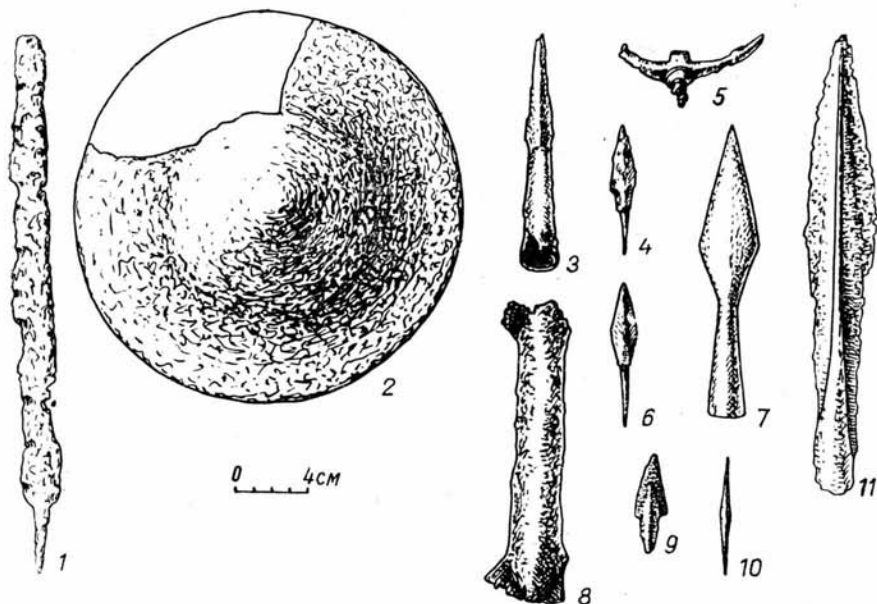

Рис. 17. Оружие и его детали, найденные на поселениях Будешты, Комрат, Делакеу, Балцаты, Малаешты, Лопатна, Крокмазы:

1 — меч; 2 — щит; 3, 7, 11 — наконечники копий; 4, 6, 9, 10 — наконечники стрел; 5 — стрема; 8 — ручка щита.

пряжек установлено, что она отлита на медной основе (76,96%) с большим содержанием свинца (16,22%) и олова (5,27%). Техника литья была низкой, что видно по значительной пористости изделия и неоднородности материала.

Бронза Молдавии наиболее близка к материалу подольских памятников черняховской культуры. Близость металлургии черняховцев и племен липецкой культуры, в которых усматривают фракийцев, устанавливается по сходству между металлом подольских, а следовательно, молдавских и липецких памятников. В Балцатах — раннем черняховском памятнике Молдавии — преобладают оловянистые бронзы, характерные для сарматского производства.

Среди бронзовых изделий можно встретить серии стандартных предметов. Стандартность фибул является доводом в пользу их ремесленного производства. Высказано мнение об их местном изготовлении¹⁴⁸. Бронзовые пряжки тоже стандартны и делятся на две разновидности: округленно-овальные и вытянуто-овальные. Видимо, и пряжки изготавливались мастерами-ремесленниками.

Производство каменных орудий было распространено на поселениях повсеместно. Найдены каменные жернова, растиральники (Будешты, Собарь), песты, точильные бруски, пряслица (Будешты), сосуд (Собарь),

Рис. 18. Фибулы с поселений черняховской культуры:
1 — Кошняца; 2 — Комрат; 3, 8 — Делакэ; 4 — Николаевка; 5, 9 — Малаешты;
6 — Лукашевка; 7 — Солончены; 10 — Загайканы; 11 — Родоя; 12—13 — Будешты;
1, 8, 11 — из железа, остальные из бронзы.

рыболовное грузило (Делакэ), бусы. Материалом служили известняк, гранит, песчаник, шифер, сердолик. Несомненно, что подавляющее большинство обнаруженных при раскопках каменных предметов сделано здесь же, на поселениях, хотя признаки самих мастерских встречаются редко. Мастера умели изготавливать предметы, требующие большой выучки и наличия основных камнесечных инструментов.

Прядение и ткачество представлены значительным материалом, свидетельствующим о том, что эти отрасли домашнего производства были широко распространены и прочно укоренились у племен черняховской культуры. Сырьем служила шерсть мелкого рогатого скота, может быть, и раскатыльные волокна. Для расчесывания использовались небольшие железные гребни с овальными ручками, один из которых найден на селище Кобуска-Веке, а другой — в могильнике Ханска-Лутэрия.

Прядение нитей проводилось с помощью веретен с надетыми на них грузиками-пряслицами. Последние найдены едва ли не на всех селищах, подвергавшихся раскопкам, и на многих памятниках, обследованных разведками. Особенно много (70) пряслиц найдено при раскопках поселения и могильника Будешты. Они были в 18 женских погребениях, причем в девяти — по два. Уже количество находок указывает на распространенность прядения и соответственно ткачества. Они имели сле-

дующие формы: биконическую, биусеченно-коническую (иногда украшены косыми врезными линиями), цилиндрическую, дискообразную. Преобладают биусеченно-конические пряслица. Стандартные формы свидетельствуют о ремесленном характере их производства.

На многих селищах найдены конусообразные или пирамидальные глиняные обожженные грузила с отверстиями в верхней трети, использовавшиеся для натягивания нитей вертикального ткацкого станка. Нити подвязывались сверху к горизонтальной планке. В наземных жилищах Будешты, Загайкан и в землянке на селище Делакеу обнаружены скопления грузил, которые подтверждают наличие ткацких станков. В той же землянке найдены обугленные планки — остатки деревянных конструкций ткацкого станка. Для разглаживания готовых тканей применялись, как полагает С. А. Семенов¹⁴⁹, так называемые «коньки» со срезанным и заполированным основанием. Их делали из костей ног лошади и кулана (дикого осла).

О тканях можно судить по обрывкам, найденным в могильнике Будешты и на поселении Делакеу, а также по отпечаткам на глине и сосудах из селищ Лукашевка-Пачина, Собарь, Загайканы. По этим находкам можно заключить, что черняховцы делали ткани из шерсти и растительного волокна.

Переплетение нитей было полотняным (Будешты, Собарь, Делакеу) и диагоналево-саржевым (Лукашевка-Пачина, Собарь)¹⁵⁰. Для сшивания служили бронзовые и железные иглы современного типа, иногда находимые в цилиндрических игольниках-футлярах, сделанных из трубчатых птичьих костей.

Костерезное производство представлено гребнями и рукоятками ножей с циркульным орнаментом и без него. Эти предметы являются сложными, зачастую искусными изделиями. Гребни состояли из отдельных пластин изящной формы, зажатых двумя пластинами по контуру ручки при помощи бронзовых или железных заклепок (рис. 19).

Обнаруженные в Будештах 17 гребней различались между собой по формам ручек: параболических, сегментовидных, полукруглых. Прототипы костяных гребней с овальными ручками, типичными для черняховской культуры, имеются среди материалов римских городов (Помпеи)¹⁵¹, т. е. эти типы гребней возникли в античных центрах. Признаки костерезной мастерской обнаружены лишь на селищах Костешты и Делакеу, где найдены отходы и обрезки костей, характерные для такого рода мастерских.

Производство посуды представлено широко. Посуда делится на лепную и гончарную, но та и другая были изготовлены из местного материала. Это доказывается, например, наблюдением, сделанным О. Ю. Круг при петрографическом исследовании керамики селища Будешты.

Небольшое количество сосудов сделано без применения гончарного круга. В тесто таких сосудов добавляли шамот или песок. Обжиг печной, поверхность бугристая, иногда заглаженная, цвет обычно коричневатый.

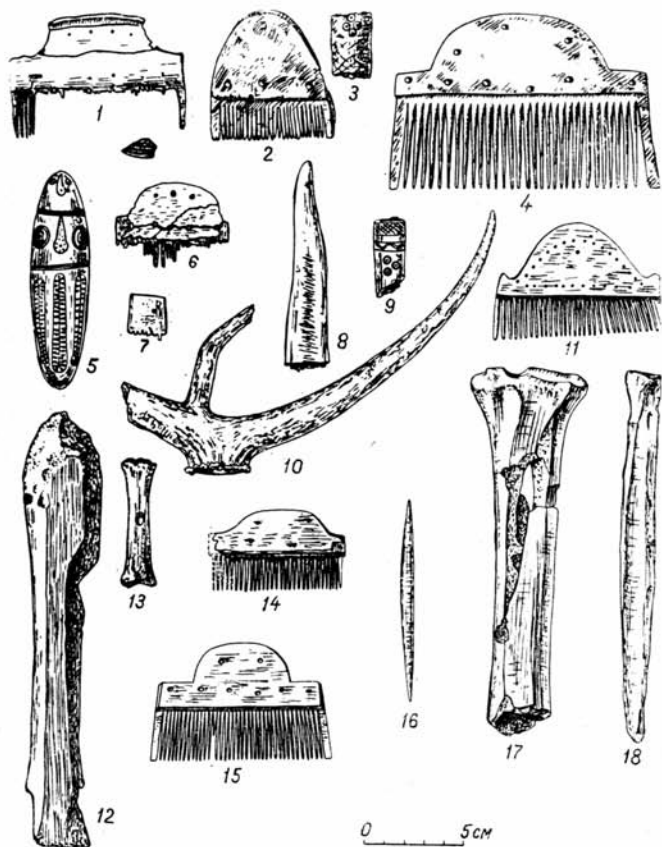

Рис. 19. Изделия из кости и рога, найденные на поселениях Будешты, Трифауцы, Балцаты, Солончены, Делакеу, Комрат, Трифанешты, Лукашевка, Малаешты:

1, 2, 4, 6, 7, 11, 14, 15 — гребни; 3, 9 — рукоятки ножей; 5 — пряжка; 8 — рог со счетными знаками; 10 — рог благородного оленя; 12 — конек; 13 — поделка с отверстием; 16 — игла для плетения сетей; 17, 18 — отходы кости.

Среди лепной посуды выделяется группа горшков, в которой имеются стройные сосуды с наибольшей шириной в верхней трети или посередине высоты. У одного под венчиком имеются четыре крестообразно расположенные выпуклости. Встречаются горшки почти цилиндрической формы, один экземпляр украшен орнаментальными полусферами.

Кроме горшков, найдены миски, главным образом усеченно-конические, кубки, кувшинчики. В лепной керамике наблюдается большое разнообразие форм, она не стандартна, на ней иногда заметно влияние гончарной посуды: наличие кольцевых и плитчатых дниц. На всех черняховских селищах гончарная керамика преобладает над лепной.

Формовка гончарной посуды производилась двояко. При первом способе сосуд формовался из жгута глины, при втором — он вытягивался из комка. Станок, которым пользовались при формовке, был ножной, с быстро вращающимся диском. Отпечаток оси, пронзавшей верхний диск гончарного круга, обнаружен на одном из днищ, найденном на селище Собарь. Плоскодонные сосуды срезали с диска нитью, что видно на нескольких днищах, найденных на селище Будешты.

Глина для сосудов разного назначения подготавливалась неодинаково. Для парадной столовой посуды в нее не добавляли примеси. Глина с примесью песка применялась для изготовления сосудов, предназначенных для варки пищи и хранения продуктов. Лощение и орнамент наносили после формовки до обжига. Лощением покрывали сосуды, сделанные из пластичной глины.

Обжиг производился в гончарных печах римского типа. Такие печи найдены на селищах Будешты, Слободзея-Душка, Собарь и других. Они представляли собой двухъярусные сооружения, вырытые в земле (рис. 20).

В печах посуда проходила окислительный (с доступом кислорода) и восстановительный (без него) обжиг. В результате она приобретала красный или серый цвет. Для восстановительного обжига устье печи на поверхности земли замуровывалось.

Формы производившихся сосудов отличаются однообразием, стандартностью в пределах отдельных видов. Горшки — наиболее распространенный вид посуды. Одни сосуды имеют почти сферическую форму. Другие наиболее широки в верхней трети туловища.

Для хранения зерна и других припасов производились зерновики — крупные, высокие и широкие, толстостенные вместительные горшкообразные сосуды. Они найдены на селищах Трифауцы, Кошница и Комрат. Обломки таких зерновиков встречаются почти на каждом селище черняховской культуры.

На втором месте после горшков по количеству стоят миски. Они делятся на реберчатобокие и округлобокие. Днища их кольцевые или плитчатые.

Вазы по форме представляют собой два усеченных конуса, сложенных основаниями. Днища их кольцевые и плитчатые. У некоторых ваз верхняя часть (выше ребра тулова) цилиндрическая, а

Рис. 20. Гончарный горн.
(селище Будешты)

низ усеченно-конический. Горловины и ребра туловищ часто соединены тремя ручками, орнаментированными валиками.

В орнаменте сочетались валики, желобки, проложенные волнистые линии, заштрихованные трапеции, треугольники, перекрещивающиеся линии, зигзаги, а также косые и вертикальные линии, нанесенные зубчатым колесиком. Прямые линии, зигзаги, «елочки» нанесены специальным инструментом — вилкой. Некоторые штампы оставляли ряды прямоугольных и ромбических отпечатков. Серия ваз орнаментирована сложными розетками, арочками и лунницами, нанесенными также с помощью штампов.

Среди кувшинов различаются двуручные и одноручные. Из числа небольших гончарных изделий упомянем кружки — цилиндрические или биусеченно-конические сосуды с боковыми ручками и кольцевыми или плитчатыми днищами, а также кубки — цилиндрические сосуды на днищах в виде полушария или кольца. Крышки были конической формы. Сверху у них находилась цилиндрическая ручка с дисковидными завершениями для удобства захватывания. Дуршлаг — ситечки для изготовления творога — формовались одни от руки, другие — на гончарном круге. Кроме того, гончары изготавливали пряслица, грузила для рыбной ловли и ткацких станков и другие предметы.

Торговля Торговля у племен черняховской культуры получила значительное развитие. Об этом в первую очередь свидетельствует широта распространенности импортных изделий. Нет буквально ни одного памятника черняховской культуры, где бы отсутствовали привозные предметы: обломки амфор, осколки стеклянных кубков, римские монеты и краснолаковая керамика. О большой роли торговли говорит и количество найденных импортных вещей.

Наиболее многочисленны амфоры (рис. 21). Найдены целые экземпляры и особенно много обломков. Целые амфоры — это большие сосуды с яйцевидным туловом, сходящимся книзу на конус, невысокое горло завершается профилированным венчиком. На ручки, соединяющие горло и плечики, нанесены продольные линии. Днища цилиндрические. Цвет белый, кремовый и редко красный. На некоторых амфорах видны нанесенные красной краской буквенные обозначения. На ручке амфоры из Олонешт оттиснуто клеймо. Все они относятся к III в. н. э.

Несколько другой вид у амфор, обнаруженных на поселении Балцаты и в могиле у с. Первомайск. У этих сосудов более длинные горловины и тулова. Относятся они ко II в. н. э. Амфора из могильника Малаешты отличается от предыдущих невысоким горлом с раструбом, короткими ручками, выразительно конусообразной формой. Примерно такой же сосуд, но с рифлением тулова и сильной профилировкой ножки обнаружен на поселении Комрат. На селищах Делакеу, Собарь, Русяны, Кокоры и Комрат найдены крупные амфоры с рифленным туловом цилиндрической формы, соединенным с цилиндрическим горлом двумя короткими ручками. Ножки у них конусообразные, массивные. Эти амфоры датируются IV в. н. э.

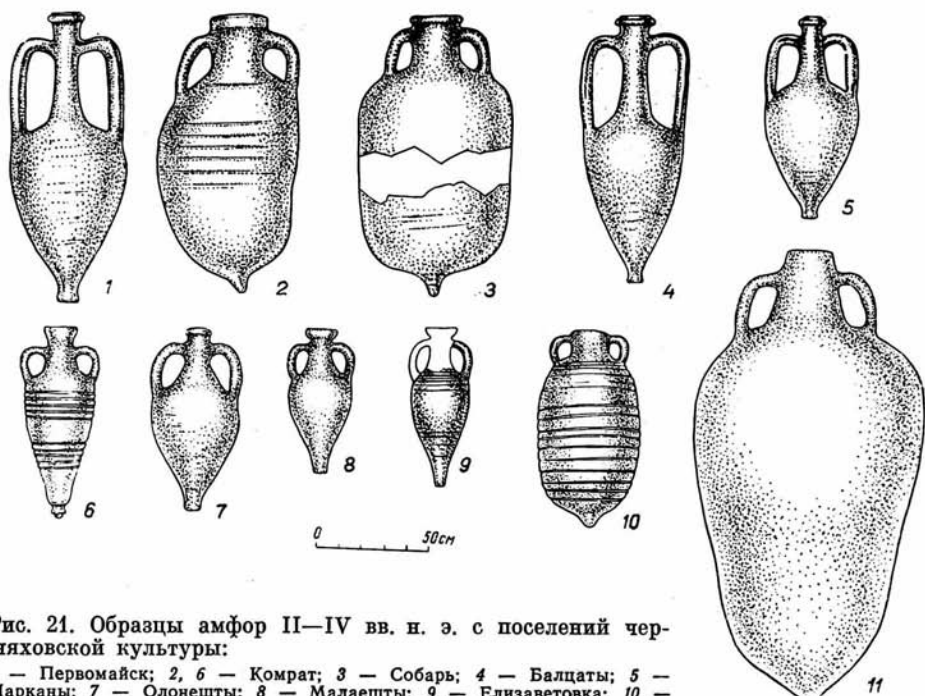

Рис. 21. Образцы амфор II—IV вв. н. э. с поселений черняховской культуры:

1 — Первомайск; 2, 6 — Комрат; 3 — Собарь; 4 — Балцаты; 5 — Парканы; 7 — Олонешты; 8 — Малаешты; 9 — Елизаветовка; 10 — Фрунзовка; 11 — Делакеу.

Таким образом, на территорию Днестровско-Прутского междуречья поступали амфоры с вином и оливковым маслом. Эти сосуды подразделяются на четыре различных вида. Они датируются II—IV вв. н. э.

Стеклянные кубки также являются для территории Днестровско-Прутского междуречья импортными изделиями (рис. 22). Осколки кубков найдены на всех раскопанных могильниках и селищах, особенно много — 180 осколков — в могильнике у с. Будешты. Кубки делали из прозрачного и зеленоватого, реже — из фиолетового и матового стекла.

Часть кубков имела конусообразную форму и заостренное дно. Различается группа кубков конической формы, украшенных крупными овалами и профилированными валиками и имеющих поддон. На кубке из Малаешты по краю нанесена орнаментальная греческая надпись: «Живи, вечно прекрасный»¹⁵².

Вторая группа включает сосуды цилиндрической формы. Некоторые из них круглодонные, другие — на поддонах, одни гладкие, другие — орнаментированы вышліфованными овалами.

Торговлей занималась и племенная знать и купцы из античных центров, вывозившие в обмен рабов, хлеб, продукты лесных промыслов. На селищах Днестровско-Прутского междуречья исследованы римские монеты в составе кладов (у сс. Лукашевка, Будей, Кирилени и в дру-

Рис. 22. Стекланные кубки из могильников и селищ черняховской культуры:

1 — Хуча; 2 — Елизаветовка; 3, 5 — Малаешты; 4 — Будешты.

гих местах) и в виде отдельных находок (например, в Русянах, Загайканах, Балцатах). Особенный интерес представляют бронзовые монеты из клада у с. Лукашевка. Они имели хождение не столько при внешней торговле, сколько во внутреннем денежном обращении.

Влияние античной культуры на черняховцев

Ко времени черняховской культуры относятся первые признаки письменности на территории Молдавии. В одном из погребений могильника II—IV вв. н. э. у с. Будешты был найден игольник цилиндрической формы, сделанный из трубчатой кости. На поверхности — буквы «F» и «S». Они начертаны твердо, рукой человека, привыкшего писать.

В развалинах жилища на поселении близ этого могильника найдено пряслице, сделанное из ножки амфоры, относящейся к III в. На нем отгиснута буква «Т». Скорее всего, она была нанесена уже после превращения ножки амфоры в пряслице, чтобы пометить этот предмет первой буквой своего имени, который, как и футляры для игл, был личным предметом. Древние люди нередко метили свои предметы.

Третий предмет из той же серии найден на селище черняховской культуры у с. Собарь Сорокского района. Это обломок известняковой чаши, на которой процарапаны в древности буквы «V» и «R».

Буквы были обнаружены и на фрагменте сосуда, найденного на территории Молдавии. Это кольцевое днище серого гончарного сосуда с гладкой поверхностью, типичного для памятников черняховской культуры

II—IV вв. н. э. Изделие изготовлено явно местным мастером, потому что в гончарных горнах, где обжигали керамику, найдены такие же обломки. До того как сосуд был обожжен в гончарной печи, на его дне были начертаны греческие буквы «Κ» (каппа) и «Ω» (омега). Изобразить их мог только гончар до обжига сосуда. Следовательно, во II—IV вв. н. э. на территории Молдавии были люди, умеющие писать.

Как известно, у некоторых народностей распространение грамотности в той или иной мере связано с принятием христианства. Готы пользовались при богослужении церковными книгами, переведенными готским епископом Ульфиллой. Следовательно, можно констатировать, что первые признаки грамотности и христианства появляются одновременно.

Черняховскую культуру нередко именуют провинциально-римской, разумея под этим наименованием глубокое проникновение позднеантичной культуры в варварский мир. Налаженные торговые связи способствовали взаимодействию культур, и мы наблюдаем ряд фактов, свидетельствующих о воздействии позднеантичной культуры на черняховскую.

Особенно оно заметно в керамическом производстве. На черняховских селищах распространены круглые в плане горны римского типа¹⁵³. Техника производства круговой посуды, широко распространенная у черняховцев, зародилась и в течение нескольких столетий бытовала в античных центрах¹⁵⁴. Некоторые формы гончарных сосудов заимствованы из античного мира. Например, миски с округлобоким туловом, с округленными косо срезанными краями, лишенными венчиков, иногда на кольцевых или плитчатых днищах, напоминают бронзовые литые точеные чаши на поддонах, производившиеся в провинциях Римской империи и бытовавшие главным образом во II в. н. э.¹⁵⁵ Двуручные и одноручные кувшины, чаши и глиняные кубки воспроизводят формы импортной краснолаковой посуды настолько, что можно констатировать заимствование формы. Благодаря находке глиняного красноошпеченного светильника на селище Собарь, можно с уверенностью заключить, что для освещения применялись светильники, идентичные по форме тем, которые в римское время были распространены в античном мире.

Формы глиняных ткацких грузил и биусеченно-конических пряслиц заимствованы из античных центров. Прототипы костяных гребней с овальными и треугольными ручками, типичных для памятников черняховской культуры, имеются среди предметов, бытовавших в римских городах. К этому надо еще добавить, что на быт варваров глубокое воздействие оказывали привозные предметы. Все это придало памятникам черняховской культуры тот характерный облик, который именуется провинциально-римским.

Погребения являются источником сведений о некоторых сторонах идеологических представлений у племен черняховской культуры. Погребальный обряд известен главным образом по раскопкам грунтовых могильников Будешты¹⁵⁶, Малаешты¹⁵⁷, Балцаты II¹⁵⁸ и Ханска-Лутэрия¹⁵⁹.

Могильники располагались на склонах или плато несколько выше, чем селище. Над некоторыми погребениями могильника Балцаты II на

поверхности земли были уложены плитчатые известняковые камни. Местоположение остальных погребений, лишенных внешних признаков, отмечалось насыпями. Это можно заключить из того, что при ограблении ряда захоронений грабители попадали в могилы, не нарушив контуры ям, а также из того, что только некоторые могилы перекрывали одна другую.

Для могильников характерен биритуализм. Но, судя по могильнику Будешты, можно считать, что начинается постепенное, а затем полное вытеснение обряда трупосожжения.

Кремация происходила в стороне от могильников. Пережженные кости, очищенные от угля, с инвентарем или без него ссыпались в ямки; остатки трупосожжения могли быть помещены в урну (горшок), иногда покрытую миской или обломками сосудов.

Для обряда трупоположения характерны простые ямы, довольно редко ступеньки-заплевички (в Будештах — 11, в Малаештах — 2, в Балцатах — 19%)¹⁶⁰. Случаи применения подбоев, колод, использования гробов, крепления стенок могил единичны. Шире представлены каменные обклады (в Будештах — 4, в Малаештах — 7, в Балцатах — 20,3%).

В могильниках Днестровско-Прутского междуречья большинство костяков расположено одинаково: в Будештах 56% скелетов ориентировано на север и 19% — на запад; в Балцатах II эти цифры соответственно равны 75 и 5%; в Малаештах — 55 и 44%. Большое число скелетов с западной ориентировкой говорит о более поздней дате памятника.

Трупы, как правило, укладывались на спине, с вытянутыми руками и ногами. Иногда правая или левая рука либо обе согнуты в локте, а кисти лежат на тазе. В немногих случаях голени скрещены. Нередко ноги подогнуты. В такой же позе лежали 11% скелетов в Будештах и 3% — в Балцатах. Здесь встречены единичные скорченные захоронения.

Довольно характерной чертой погребального ритуала является засыпка ям вокруг головы золой и углями. Таких могил в Балцатах 36%, в Малаештах — 13%, в Будештах — около 2%. В этом обычае проявляются, судя по аналогиям, культы предков и домашнего очага.

На первом месте по количеству инвентаря стоят женские погребения, далее следуют мужские и детские. В захоронениях, совершенных по обряду трупоположения, найдены детали одежды и украшения (фибулы, пряжки, бусы, браслеты, височные кольца, перстни, подвески в виде ведерок и раковин и т. д.). В некоторых могилах находились бытовые предметы: гребни, пинцеты, ножницы и ножи.

В захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения, иногда встречается оружие. В двух погребениях урны были перекрыты щитами, от которых сохранились умбоны (Малаешты), а в одном погребении близ урны находился кинжал (Будешты). Орудия труда — пряслица, иглы, ножи — встречаются обычно в женских погребениях.

Перечисленные находки дают возможность заключить, что черняховцы верили в загробную жизнь. О том же говорят остатки ритуальной пищи, обнаруженные в могильных ямах: гусиное яйцо, целые или расколотые кости барана, свиньи, лошади и др.

Пища находилась в гончарных и лепных сосудах, обнаруженных во многих погребениях. В могильнике Будешты, кроме того, отмечен обычай закапывать сосуды с жертвенной пищей, тушу жертвенной свиньи и части жертвенной лошади, рядом с могилами в дар умершим родственникам. Эти обычаи также связаны с культом предков.

В могильниках много разрушенных погребений. Одни исследователи объясняют это ограблением могил¹⁶¹. Бытует также мнение, согласно которому погребения с северной ориентировкой разрушены позднейшим населением, практиковавшим ориентировку умерших на запад¹⁶².

Таким образом, у черняховцев можно встретить ряд языческих верований. Некоторые из них возникли, вероятно, под влиянием античной культуры. Наиболее поздние погребения в могильниках черняховской культуры, в частности на территории Молдавии, ориентированы головой на запад и лишены вещей. Это объясняется влиянием христианства.

Племена черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья соседнили с римскими провинциями Дакийей и Нижней Мезией. Есть основание предполагать проникновение обитателей античных центров в глубь территории, заселенной племенами черняховской культуры.

В поселении у с. Собарь Сорокского района каменные, частично кирпичные постройки, крытые черепицей, с остекленными окнами возведены именно выходцами из позднеантичных центров. Черняховцы еще не умели строить такие здания. О дате каменных сооружений (III или IV в. н. э.) свидетельствует характер как строительных материалов здания, так и обломков амфор, обнаруженных на его полу¹⁶³.

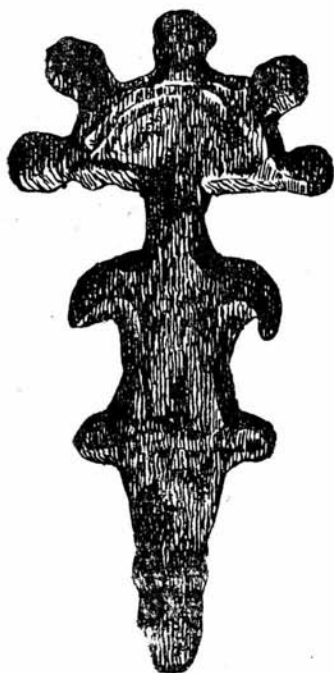
Гибель черняховской культуры

Переселение и гибель племен черняховской культуры произошли на рубеже IV—V вв. н. э. Этот факт подтверждается датой захороненных кладов монет. Именно в это время на земледельческие племена, обитавшие в лесостепной и степной зонах, обрушил сокрушительный удар гуннский племенной союз. Это известно по данным, содержащимся в трудах Аммиана Мерцеллина и других историков. Однако при раскопках мы не находим следов быстрого единовременного разгрома. Как правило, нет скоплений вещей, костяков убитых жителей, что обычно бывает при уничтожении поселений быстрым решительным ударом. Повсеместно, однако, наблюдаются следы пожарищ, уничтоживших дома и соседние с ними постройки. В самих же домах скорее запечатлена картина запустения, чем гибели. Бытовые и хозяйственные предметы чаще всего унесены обитателями домов, переселившимися, видимо, на другую территорию. Это указывает на вытеснение земледельческих племен.

Итак, черняховская культура погибла в результате удара, нанесенного гуннами, а также вследствие гибели позднеантичных центров, влияние которых поддерживало ее существование. Однако она не исчезла бесследно: с ней связан значительный прогресс в технике и производстве у местных племен. Выше указывалось, что отдельные черты домостроительства, погребального обряда, керамического производства черняховцев прослеживаются, например, в культуре племен VI—VII вв.

КУЛЬТУРА СЛАВЯН МОЛДАВИИ

(VI—IX вв.)

Сведения древних авторов

С конца V в. внимание древних авторов было сосредоточено на славянах, которые начиная с середины VI в. уже играют решающую роль в судьбах балканских провинций Восточной Римской империи. К концу VI — началу VII в., прорвав систему византийских укреплений вдоль Дуная, славяне начали расселяться на просторах Балканского полуострова. Днестр был известен античным историкам еще со времен Геродота. О реке знали и географы V—VI вв. В географическом словаре Стефана Византийского указывается: «Тира — город и река у Евксинского Понта»¹⁶⁴. Из авторов VI—VII вв. об этой реке пишет лишь Иордан, и хотя в «Гетике» Днестр упоминается трижды, Иордан в одном месте пишет о Тире и Данастре, как о двух разных реках¹⁶⁵. Ни Прокопий, ни Агафий, ни Феофилакт Симокатта ни разу не называют Днестр. Не известна была византийским авторам и река Прут. Большое значение имеют сведения о расселении славян в VI—VII вв. н. э. По данным Прокопия, ранние славяне — анты — занимали обширные территории лесостепи между нижним Дунаем и Доном¹⁶⁶. Это известие дополняется сообщением Иордана, что река Днестр в какой-то части своего течения слу-

жила границей между двумя крупнейшими союзами славянских племен — антами и склавинами.

Таким образом, работы древних авторов говорят, что Днестровско-Прутское междуречье в VI—VII вв. было уже прочно заселено славянами. Сведения эти тем более ценны, что византийские ученые ни разу не упоминают о каком-нибудь другом оседлом земледельческом населении данной территории, кроме славян. Все это позволяет с полной уверенностью связать археологические памятники VI—VII вв., оставленные на территории Молдавии, со славянским этносом.

В VIII—IX вв. древние авторы ничего не сообщают о населении Поднестровья. Эта территория была в глубоком тылу славянского мира, не привлекала к себе их внимания. Однако славянское население по-прежнему продолжало обитать здесь, о чем свидетельствует недатированная часть «Повести временных лет», согласно которой на этих землях обитали племена тиверцев и уличей.

1. Вопросы периодизации и датировки памятников

Раннеславянские поселения VI—IX вв. на территории Молдавской ССР были впервые обнаружены в 1950 г. В ходе исследований было открыто свыше 70 жилых и более 30 хозяйственных и производственных сооружений, получено много данных, характеризующих степень развития земледелия, скотоводства, ремесел и промыслов у славян VI—IX вв.

Общие хронологические рамки существования раннеславянской культуры в Днестровско-Прутском междуречье в настоящее время представляются довольно четко. Их нижний предел ограничивается памятниками черняховской культуры, прекратившей свое существование в IV—V вв.¹⁶⁷, а верхний — древнерусскими памятниками, которые появляются здесь в X в., и периодизацией раннеславянской культуры не только в Молдавии, но и во всех районах, где она изучается. Наиболее ранняя группа славянских поселений и могильников начала исследоваться сравнительно недавно. Но по мере изучения раннеславянских памятников в Правобережной Украине, Молдавии, Румынии, Чехословакии все более четко вырисовывается группа памятников, датирующихся VI—VII вв. н. э. и относящихся к периоду заселения славянами Балканского полуострова¹⁶⁸.

Для всех этих памятников характерна своеобразная лепная керамика. На поселениях лесной зоны правобережья Украины¹⁶⁹, Чехословакии¹⁷⁰ и частично Польши¹⁷¹ и Румынии¹⁷² распространена керамика пражского и аналогичного ей корчакского типов, представленная стройными тонкостенными горшками с коротким, чуть намеченным вертикальным венчиком. Южнее, в лесостепном Поднепровье¹⁷³, Побужье¹⁷⁴, Поднестровье¹⁷⁵ и далее к Дунаю¹⁷⁶, распространялся пеньковский тип

раннеславянской керамики, характеризующийся биконическими и округлобокими горшками, и, наконец, в районах Нижнего Дуная был распространен еще один вариант лепной посуды этого времени, представленный горшками баночной формы с отогнутыми наружу довольно высокими венчиками¹⁷⁷.

Родственность и синхронность поселений с лепной раннеславянской керамикой разных типов подчеркивается единым ассортиментом посуды (горшки, сковороды и очень редко миски) и тем, что в определенном количестве керамика одного типа встречается в виде примеси в находках поселений с иным типом посуды. Для всех поселений характерна единая топография и планировка, единый тип жилищ в виде квадратных полуземлянок с глинобитной печью или печью-каменкой в одном из углов, единый погребальный обряд — трупосожжения в урнах или ямах, единый стиль украшений и т. д. Все это позволяет исследователям выделить раннеславянские поселения VI—VII вв. в особую хронологическую группу с характерными, только ей присущими особенностями, существенно отличающимися от более поздних раннеславянских поселений VII—IX вв.

Группа таких поселений выделена и в Днестровско-Прутском междуречье¹⁷⁸. Как и повсеместно, количество датированных находок на раннеславянских поселениях в Молдавии невелико, однако к числу особенностей памятников VI—VII вв. в Поднестровье можно отнести находки металлических изделий (рис. 23) в закрытых комплексах — явление само по себе крайне редкое.

К ним прежде всего относится маленькая (5,4 см) бронзовая пальчатая фибула из поселения Ханска II, найденная на полу полуземлянки № 14. Вместе с ней в заполнении и на полу жилища обнаружены фрагменты лепной керамики, среди которой были части биконических горшков пеньковского типа и горшков, сходных по форме с сосудами нижнедунайского типа (культура Чурел).

Близкая по типу пальчатая фибула (4,7 см) с гладким щитком и орнаментированной ножкой была найдена в погребении № 28 на могильнике Селиште. Аналогичная фибула, обнаруженная на поселении Сучава-Шипот, датируется М. Матеем концом VI — началом VII в.¹⁷⁹ Рассматриваемый предмет относится к группе хорошо известных дунайских фибул и датируется по И. Вернеру VII в. н. э.¹⁸⁰ В культурном слое поселения Ханска найдена крупная бронзовая фибула ранневизантийского типа с псевдоподвязным приемником, четко датирующаяся VI в.¹⁸¹, а на поселении Селиште I, в заполнении полуземлянки № 5, перекрывающей несколько более раннюю полуземлянку № 6, был найден нижний щиток бронзовой литой неорнаментированной двупластинчатой фибулы V—VI вв.

К числу датирующих находок относится и бронзовая подвеска-амулет, обнаруженная на раннеславянском селище Требужены (Старый Орхей)¹⁸². Подвеска, изображающая человека с широко расставленными, согнутыми в коленях ногами и уложенными на бедра руками, стилисти-

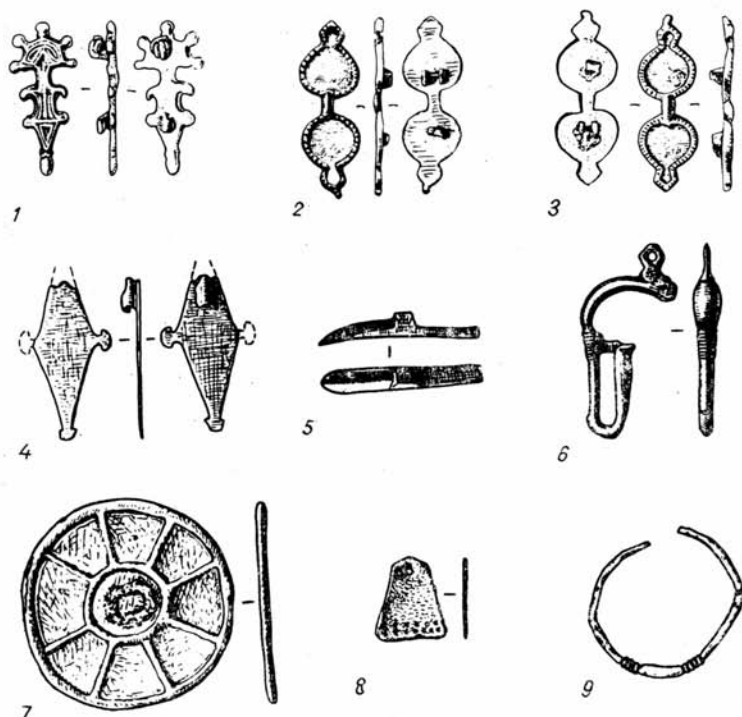

Рис. 23. Изделия из меди и бронзы:
1—3, 6, 7, 9 — Ханска; 4, 5, 8 — Селиште.

чески чрезвычайно близка известным фигуркам из Мартыновского кла-
да¹⁸³, станицы Преградной¹⁸⁴ и должна быть отнесена к VI—VII вв.¹⁸⁵
С этой находкой согласуется по времени и найденный на том же сели-
ще крупный трехлопастный наконечник стрелы аварского типа, дати-
рующийся VI—VIII вв.¹⁸⁶ Такие же наконечники найдены и на селищах
Новые Братушаны¹⁸⁷ и Кобуска-Веке¹⁸⁸.

Вещевые находки на поселениях первой хронологической группы
относятся к тому же периоду, что и керамический материал этих посе-
лений. На селище Хуча в закрытых комплексах вместе с характерной
для этого поселения керамикой пеньковского типа найдены фрагменты
типичных корчацких сосудов (полуземлянка № 1, яма № 3)¹⁸⁹. Такое
же сочетание отмечено и на поселениях Реча¹⁹⁰, Ханска II¹⁹¹ и Се-
лиште I.

На селище Ханска II в закрытых комплексах (полуземлянки № 14,
15) лепные раннеславянские глиняные изделия были найдены вместе с
небольшим количеством фрагментов серой гончарной керамики, укра-
шенной пролощенным орнаментом из вертикальных полос или сетки
ромбических линий, типичным для посуды пастырского типа. Эти пред-

меты датируются VII—VIII вв. и встречаются на раннеславянских селищах первой хронологической группы (VI—VII вв.) в Поднепровье¹⁹². Так же в слое найдены фрагменты красноглиняных византийских амфор, покрытых глубоким и частым рифлением, относящихся к VI—VII вв.¹⁹³

Таким образом, на территории Молдавии выделяется группа поселений VI—VII вв., отнесенных нами к первой хронологической группе (Хуча, Реча, Требужены, Ханска II, Новые Братушаны, Старые Малаешты и др.). Они возникли не ранее VI в. и существовали на протяжении VI—VII вв. На смену им приходят поселения второй хронологической группы, в которых почти отсутствуют предметы, позволяющие датировать эти памятники.

Для определения времени существования этих поселений в Поднестровье можно использовать близкие по характеру и составу находки из славянских городищ роменско-боршевского типа, где были найдены монеты и украшения, датирующие эти памятники VIII—X вв.¹⁹⁴ Перенесение даты на раннеславянские селища второй хронологической группы в Молдавии дает лишь самое общее представление о времени существования этих памятников и нуждается в уточнении хронологических пределов.

Очень существенным представляется вопрос о соотношении памятников обеих групп. Оно может быть прослежено на поселении Ханска II. Ни в одном из раскопанных на селище жилищ (22 полуземлянки) не встречена совместно керамика первой и второй хронологических групп. При этом в заполнении полуземлянок первой группы (№ 1—7, 9, 14, 15, 21) совсем отсутствуют фрагменты керамики второй, в то же время как в землянках второй группы (№ 8, 10, 11, 13, 16, 20, 22) керамика VI—VII вв. встречалась лишь в заполнении, а на дне полуземлянок и в печах ее не было. Интересно и то, что жилища с керамикой VI—VII вв. составляют компактную группу в центре, а полуземлянки с керамикой второй группы рассеяны по периферии селища.

О том, что поселения второй хронологической группы в Молдавии возникают на рубеже VII—VIII вв. говорят и вещевые находки. На селище Ханска в заполнении полуземлянки № 20 с характерной керамикой типа Луки-Райковецкой и неподалеку от нее обнаружены две маленькие бронзовые литые антропоморфные фибулы VII—VIII вв.¹⁹⁵

На селищах Алчедары, Лопатна, Одая, Требужены в слое с керамикой второй хронологической группы (типа Луки-Райковецкой) были найдены бронзовые непробитые византийские монеты VI—VII вв.¹⁹⁶ На этих селищах не выявлена керамика, свойственная поселениям VI—VII вв. В то же время известно, что поступление византийской монеты на территорию к северу от Дуная резко обрывается в период царствования Константина IV Погоната (668—685 гг.) и объясняется нашествием аспаруховых болгар, отрезавших Византию от этих земель¹⁹⁷. Таким образом, монеты 602—619 гг. (наиболее поздняя из них, найденная в Алчедарах¹⁹⁸, имеет надчеканку императора Фоки), могли попасть

на земли между Днестром и Прутом скорее всего до прихода болгарской орды Аспаруха.

Стратиграфические наблюдения и вещевые находки позволяют датировать поселения второй хронологической группы концом VII—IX вв. При этом нужно иметь в виду, что на юге Днестровско-Прутского междуречья они существовали, по-видимому, лишь до рубежа VIII—IX вв., в то время как на севере почти весь IX в.

При всех чертах сходства между поселениями первой и второй хронологических групп нельзя не отметить и некоторые серьезные различия между ними, которые полнее всего проявляются в керамике. Если в VI—VII вв. на славянских поселениях в Молдавии была распространена главным образом керамика пеньковского типа с характерными биконическими и округлобкими горшками, то в VII—IX вв. на смену ей приходит посуда типа Луки-Райковецкой, генетически связанная не с пеньковским, а с пражским (корчакским) типом¹⁹⁹, хотя отдельные биконические формы сосудов некоторое время продолжают существовать и во второй хронологической группе (Перерыта).

Столь резкое изменение форм может быть связано с особенностями заселения Молдавии. Можно допустить, что каждая группа соответствует определенному этапу заселения славянами Днестровско-Прутского междуречья.

На первом этапе оно происходило в основном из лесостепного Поднепровья и Побужья. По долинам Днестра и Прута славяне — носители керамики пеньковского типа — проникали на Нижний Дунай, о чем говорят находки биконических горшков в слоях VI—VII вв. в Диногедии. В меньших масштабах в заселении Молдавии принимали участие славянские племена, обитавшие на территории северо-западных областей Украины, которые принесли с собой керамику пражского типа.

Небольшое число поселений первой хронологической группы, их скромные размеры, тонкослойность памятников дают некоторые основания для предположения о том, что часть из них могла носить более или менее временный характер²⁰⁰. Славяне в это время стремились не столько к освоению Поднепровья, сколько к проникновению за Дунай, что совсем не исключает существования здесь отдельных поселений в течение ряда столетий (Ханска).

Широкое распространение поселений последующей группы (они составляют подавляющее большинство разведанных раннеславянских памятников в Молдавии) может быть объяснено бурными событиями VII в.: разгромом антского союза племен кочевниками-аварами в начале столетия и нашествием болгар в конце его.

На опустошенные аварами антские земли начали продвигаться с севера славянские племена — носители культуры типа Луки-Райковецкой. Создание Дунайской Болгарии препятствовало дальнейшему движению за Дунай и ускорило славянскую колонизацию Днестровско-

Прутского междуречья. Если в VI—VII вв. славяне заселили только его северные и центральные районы, то на юге Молдавии они появились в начале VIII в.

2. Поселения. Жилища и хозяйственные сооружения

Топография и планировка

Поддаляющее большинство славянских селищ VI—IX вв. в Днестровско-Прутском междуречье было расположено в долинах мелких притоков Днестра, Прута, Реута, Ботны и охватывало, таким образом, всю северную и центральную лесостепную территорию Молдавии. Обычно селища располагались в низменных местах: в пойме либо на пологой, переходящей в пойму, нижней части склона (Хуча, Ханска). Во всех случаях они основывались вблизи источников воды, в окружении плодородных, удобных для обработки земель. Площадь, занимаемая раннеславянскими поселениями, невелика и приближается к одному гектару.

Культурный слой на селищах довольно тонок (20—30 см), а на ряде поселений VI—VII вв. он практически не выражен.

Пока мы располагаем довольно скромными данными о планировке раннеславянских поселений, однако уже сейчас можно предположить существование по крайней мере двух ее типов для селищ VI—VII вв.: рядового (рассеянного) и кучевого. Первый тип прослежен на поселениях середины 1 тыс. н.э. в северо-западных районах Прута (Хуча, Малаешты, Реча). Жилища расположены двумя рядами на значительном расстоянии друг от друга. Иногда оно достигает 20—40 м. Такая планировка диктовалась прежде всего самим расположением селищ, вытянутых вдоль склонов долины.

Второй тип планировки отмечен на селище Ханска II. Здесь жилища расположены компактной группой, наибольшее расстояние между ними не превышает 5—8 м, а наименьшее достигает 50—60 см. Эта планировка, по-видимому, характерна для раннеславянских поселений, расположенных на границе со степью.

В VIII—IX вв. рядовая и кучевая планировки на раннеславянских селищах Молдавии сменяются гнездовой (Одая, Бранешты I, Калфа). Жилища при этом располагаются несколькими (4—6) компактными группами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга. По-видимому, эта смена отражает переход от семейной к соседской общине, при которой еще сохраняются патронимные группы.

Для раннеславянских селищ Молдавии характерно гнездовое расположение. Поселения, образующие гнездо, обычно расположены кучно в радиусе до 5—7 км от условного центра. В ряде случаев расстояние между ними измеряется сотнями метров.

О гнездовом характере поселений склавинов и антов сказано в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия. Говоря о селищах древних славян, автор подчеркивает, что «...они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упо-

минать...»²⁰¹ Гнезда раннеславянских поселений открыты на Днестре²⁰², Тясмине²⁰³, Тетереве²⁰⁴. Известны они и на Нижнем Дунае²⁰⁵.

Жилища Единственным типом раннеславянских жилищ на территории Днестровско-Прутского междуречья была небольшая землянка или полуземлянка.

В плане полуземлянки чаще всего приближаются к квадрату с плавно закругленными углами, однако пропорции котлована редко бывают выдержанными. Иногда они близки к трапеции или прямоугольнику.

Площадь жилищ невелика — от 5,2 до 25 кв. м, а полезная площадь была еще меньшей, так как значительную часть ее занимала печь-каменка, облицовка стен котлована, а иногда очаги и хозяйственные ямы. Все это подтверждает сведения Ибн-Русте о том, что славяне постоянно жили в них лишь в зимнее время²⁰⁶.

Глубина котлована на разных селищах неодинакова. Можно отметить некоторое углубление их в VIII—IX вв. по сравнению с VI—VII вв. Если на селищах Хуча, Ханска II, Старые Малаешты (VI—VII вв.) полуземлянки углублены в материк на 30—60 см, а глубина их от уровня современной дневной поверхности колеблется в пределах от 70 до 120 см, то на селищах Бранешты I, Ханска I, Одая, Калфа (VII—IX вв.) углубление в материк колеблется от 60 до 120 см, а глубина от уровня современной дневной поверхности — соответственно от 100 до 180 см и более.

Для предохранения котлована от осыпания, а жилища от сырости стены часто облицовывались плахами, либо внутрь котлована опускался бревенчатый сруб. Неясно пока устройство надземной части стен строений. Не исключена возможность того, что наземные участки были продолжением дощатой или срубной облицовки котлована. Полом для всех раннеславянских полуземлянок служил сильно утрамбованный материк. В полу многих раннеславянских жилищ прослеживаются столбовые и хозяйственные ямы.

По способу устройства стен полуземлянки разделяются на две группы. К одной относятся жилища со столбовой конструкцией стен, ко второй — с опущенным внутрь котлована срубом.

В первом случае перекрытие котлована опирается на врытые в пол столбы, число которых колеблется от двух до десяти. Часто встречается комбинация из восьми опорных столбов (по одному в углах и посередине каждой стены). При этом вертикальные столбы обшивались плахами либо прижимали их к стенам котлована.

Для второй группы характерно отсутствие столбовых ям. Облицовка стен производилась при помощи сруба из бревен или отесанных плах. Такой сруб, по-видимому, мог возвышаться над котлованом и, образуя наземные стены полуземлянки, поддерживать ее перекрытие. При этом необходимость в опорных столбах отпадала.

Среди раннеславянских построек в Днестровско-Прутском междуречье можно выделить и группу жилищ с особым устройством перекрытия. Это полуземлянки с центральным опорным столбом. Столбовая яма ча-

ще всего находилась рядом с печью-каменкой, обычно с левой стороны от устья печи. Каких-либо данных о конструкции стен этих полуземлянок не сохранилось. Сам же центральный столб был предназначен для усиления опоры перекрытия. Однако если судить по тому, что на селище Одая в полуземлянках такой конструкции печи расположены вплотную к стенам котлована, то какой-либо специальной облицовки могло и не быть.

Основным типом отопительных приспособлений в жилищах были печи-каменки прямоугольной, реже подковообразной формы. Они складывались насухо из кусков рваного известняка или песчаника, щели между камнями забивались землей и черепками битой посуды. В ряде случаев топочная камера облицовывалась установленными на ребро плитами. Под печи чаще всего находился на уровне пола жилища и в отдельных случаях обмазывался глиной. Над печью-каменкой иногда устанавливались прямоугольные или овальные глиняные жаровни-противни для сушки зерна.

Одной из характерных особенностей раннеславянских жилищ VI—VII вв. является размещение печей в определенном углу. Такая стабильность расположения наблюдается в пределах селища, хотя на разных поселениях этот угол может и не совпадать.

Помимо жилых полуземлянок, на ряде раннеславянских поселений VI—VII вв. обнаружены и хозяйственные постройки. Они характеризуются удлинённой в плане формой, отсутствием бытовых печей. По своему назначению они могут быть связаны либо с обработкой металла (Хуча), либо с хранением зерна (Ханска II), либо, наконец, быть загонными для скота.

На раннеславянских поселениях Молдавии, как правило, встречаются зерновые и хозяйственные ямы-хранилища. Только на селище Ханска II открыто 17 таких ям. Глубина и размеры их даже в пределах одного поселения не одинаковы. Встречены ямы глубиной от 40 до 180 см, уже это говорит о существенном различии в назначении самих ям. В плане большая часть ям приближается к кругу или овалу. В сечении они могут быть разделены на грушевидные и цилиндрические.

Первые скорее всего использовались для хранения зерна, а вторые, видимо, могли иметь более широкое назначение. Интересно, что большая часть ям находилась в определенном месте на периферии селища. К концу VII в. одновременно с изменением планировки поселений меняется и расположение ям. Теперь они сопровождают отдельные или близко расположенные жилища (Одая, Бранешты I).

На раннеславянских поселениях VI—VII вв. обычно встречаются очаги и печи, расположенные вне жилищ. Вокруг них, по-видимому, концентрировалась жизнь людей в теплое время года, когда семья уходила из тесных полуземлянок с их огромными печами-каменками. Этим можно объяснить тот факт, что в развалинах очагов, в очажных ямах и вокруг них часты находки пряслиц, проколов и других предметов, не связанных непосредственно с приготовлением пищи.

3. Занятия населения

Земледелие и скотоводство. Охота и рыболовство

Археологические материалы Днестровско-Прутского междуречья, полученные на поселениях VI—VII вв., определенно свидетельствуют о том, что на территории лесостепной части Молдавии жило оседлое население. Об этом говорит само расположение поселений близ воды, среди удобных пахотных земель и пастбищ, не свойственный кочевникам полупустынный тип жилища и то, что целый ряд селищ существовал в течение нескольких веков (Ханска, Одая, Лопатна и др.). Кроме того, в составе стада на всех без исключения раннеславянских поселениях преобладает крупный рогатый скот и имеется довольно значительное количество свиней. Все это характерно для оседлых земледельцев и скотоводов. Сведения древних авторов свидетельствуют о том же. По сообщению Псевдо-Маврикия, у славян «...большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы»²⁰⁷.

Археологические исследования поселений VI—VII вв. в Молдавии полностью подтверждают правильность сообщений древних авторов. Прежде всего об этом говорит значительное количество зерновых ям на поселениях. На селищах Ханска II и Лопатна найдены обугленные зерна пшеницы и проса, а на селищах Алчедар VI, Ханска II, Лопатна замечены отпечатки пшеницы, овса, ячменя в глиняной обмазке и на поверхности керамики.

В описываемое время в качестве орудия вспашки славяне начинают употреблять тяжелое рало с череслом для вертикального вспарывания подрезаемой наральником почвы. Обломок такого чересла найден Г. Б. Федоровым на поселении Лопатна. Это был довольно примитивный плужный нож со слабо заостренным лезвием толщиной 0,7 и шириной 5 см²⁰⁸. На селищах Бранешты I и Одая обнаружены своеобразные мотыжки из рога благородного оленя, которые, по мнению Г. Б. Федорова²⁰⁹ и П. И. Хавлюка²¹⁰, употреблялись в качестве соскребов для очистки плужного лемеха от налипшей земли.

По сравнению с предшествовавшим черняховским периодом заметно существенное развитие форм раннеславянских орудий для сбора урожая. Серпы приобретают современную форму и увеличиваются в размерах. Фрагменты и целые экземпляры железных серпов найдены на селищах Ханска II и Одая. Для них характерна незначительная кривизна лезвия, сочетающаяся иногда с довольно крутой дугой при переходе к рукояти. Лезвия лишены насечки.

О развитии земледелия у славян VI—VII вв. говорят и многочисленные находки жерновов ручных мельниц (Ханска II, Одая, Бранешты I и др.). Жернова по большей части изготовлялись из местного плотного известняка, реже из гранита. Они невелики, диаметр обычно приближается к 40—50 см, а толщина доходит до 10 см.

Судя по остеологическому материалу, в составе стада раннеславянских поселений Молдавии преобладал крупный рогатый скот (Хуча —

63,6%; Ханска II — 42,1%) и свиньи (Ханска II — 25%; Бранешты I — 30%; Одая — 28,2%). Гораздо меньше было лошадей и мелкого рогатого скота. Об использовании продуктов скотоводства говорят и особые сосуды с отверстием у дна, предназначенные для производства творога.

Определенное место в жизни ранних славян VI—VII вв. в Днестровско-Прутском междуречье занимали охота и рыболовство. Территория Центральной и Северной Молдавии в это время была покрыта дремучими лесами-кодрами, окружавшими на севере безлесный островок Бельцкой степи, а на юге постепенно переходившими в широкую Буджакскую степь. Это своеобразие ландшафта объясняло то, что в состав охотничьей добычи входили и лесные (благородный олень, косуля, бурый медведь, кабан, зубр, лисица), и степные животные (сайгак, заяц-русак, дикая лошадь)²¹¹. Найдены также кости птиц и рептилий. О развитии рыболовства говорят частые находки костей и чешуи рыб, рыболовные крючки и круглые плоские керамические грузила.

Выплавка и обработка металлов

В VI—VII вв. ряд хозяйственных промыслов у славян находился на грани перехода к ремеслу, в первую очередь это касается выплавки и обработки металла и изготовления глиняной посуды. Следы выплавки железа обнаружены на целом ряде поселений. На селище Хуча выявлены остатки двух металлургических горнов, причем один из них находится внутри хозяйственной полуземлянки № 4²¹².

На селищах Ханска II, Одая, Бранешты I найдены скопления железного шлака и фрагменты керамических сопел. В значительно меньшей степени на селищах VI—VII вв. представлены орудия, связанные с последующей обработкой выплавленного металла. Из них можно отметить фрагмент зубила из поселения Одая и пробойник, найденный на селище Ханска II.

По всей видимости, в изучаемое время выплавка и обработка железа, требовавшая особых знаний и навыков, находилась в одних руках. Сложность этих процессов приводит к довольно раннему выделению их в ремесло, которое было как бы провозвестником второго великого общественного разделения труда — отделения ремесел от сельского хозяйства. Процесс этот охватывает весь изучаемый период (VI—IX вв.).

Материалы, полученные при раскопках раннеславянских поселений в Молдавии, показывают, что, несмотря на небольшое число находок из железа, ассортимент найденных орудий весьма значителен и безусловно должен соответствовать развитому кузнечному производству, перераставшему или уже переросшему в ремесло. В числе находок — браслеты, дужки от ведер, зубила, иглы, ключи, кинжалы, копья, кресала, ложка-ри, ножи, пробойники, рыболовные крючки, серпы, сверла, стержни, стрелы, топоры, удила, чересла, шпоры, шилья и др. (рис. 24).

Металлографический анализ железных изделий из поселения Ханска II, произведенный Г. А. Вознесенской, показал, что значительная часть их откована из разнородного металла. Кузнецы очень дорожили железом и для небольших изделий пускали в ход лом, сваривая его в заготовку. Для этого мастер должен был владеть сложными приемами

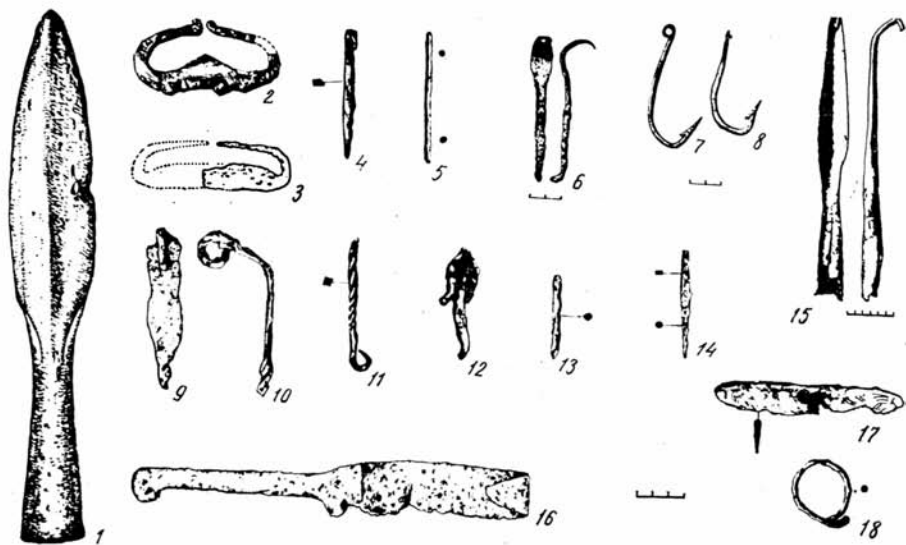

Рис. 24. Изделия из железа:

1—3, 10, 17 — Одая; 4—8, 11—16 — Ханска; 5, 6 — Кетриш; 7 — Бранешты I; 9 — Сороки.

сварки железа со сталью. Стальные изделия в большинстве случаев подвергались термической обработке (закалке). В особых случаях для производства дорогих изделий употреблялся «пакетный» металл — комбинация сваренных железных и стальных полос²¹³.

Определенное место в хозяйственной жизни славян занимала выплавка и обработка изделий из цветных металлов. На селище Хуча открыты хозяйственная полуземлянка № 8 и печь № 1, в которых все находки связаны с этими процессами. Заполнение состояло из чернозема со значительным вкраплением древесного угля и кальцинированных костей животных. Особый интерес представляют найденные мелкие кусочки бронзы и шлаков со следами меди. В культурном слое рядом с полуземлянкой найдены обломки тиглей и фрагмент льячки. На дне постройки обнаружены тигель и бронзовый трехлопастный наконечник стрелы скифского типа, попавший сюда, возможно, в качестве сырья.

На поселении Селиште открыт комплекс, состоявший из полуземлянки-мастерской литейщика, производственной печи и трех хозяйственных ям. В заполнении и на дне полуземлянки и ям найдены сланцевые и керамические литейные формы, льячки и тигли. Большой интерес представляют плоские сланцевые камни, служившие, по всей вероятности, сырьем для изготовления литейных форм.

Вместе с тем изделия из меди и бронзы встречаются на раннеславянских памятниках довольно редко. Можно отметить бронзовые пальчатые и антропоморфную фибулы (Ханска II, Селиште I), бронзовую подвеску-амулет мартыновского типа, изображающую человека (Требу-

жены)²¹⁴, полуку бронзовую пуговицу с ушком (Хуча), перстень с камнедержателем (Бранешты I)²¹⁵, височные кольца в виде тонких несомкнутых колечек (Ханска II) и др.

Гончарное производство в VI—VII вв.

Разделение славянских поселений на ранние и поздние послужило основой для классификации форм раннеславянской посуды на две хронологические группы: к первой были отнесены изделия VI—VII вв., ко второй — керамика конца VII—IX вв.

Вся керамика первой группы изготовлена без помощи гончарного круга по способу ленточной формовки, при которой на внутренней поверхности сосуда остаются отчетливые следы скрепления отдельных лент²¹⁶. Такая техника формовки была известна на синхронных раннеславянских памятниках и за пределами Днестровско-Прутского междуречья²¹⁷. Мелкие сосуды могли вытягиваться из одного куска теста.

В глиняное тесто в качестве отошающей примеси чаще всего добавлялся шамот. Его количество и величина частиц неодинаковы. В тесте одних сосудов содержится тщательно измельченный шамот, у других величина частиц бывает довольно значительной.

Преобладание шамота в качестве основной примеси отличает раннеславянскую керамику Днестровско-Прутского междуречья от верхнеднестровской, где для этой цели употреблялся песок²¹⁸, а также от побужской²¹⁹ и поднепровской²²⁰, где широко использовались слюда и дресва.

Если у подавляющего большинства рассматриваемых предметов (от 90% до 98%) состав примеси в общем однороден, то оставшиеся 2—10% дают значительно более пеструю картину. Здесь в глину примешивался песок, галька и даже частицы железной руды и кальцинированных костей²²¹.

Обжиг производился при температуре 600—700°C²²². Крупные сосуды, видимо, обжигались в костровых ямах, а более мелкие — в печах-каменках и сводчатых глинобитных печах, расположенных вне жилищ. Черепок в изломе — черный или трехцветный. Цвет наружной поверхности варьируется от серо-коричневого до оранжево-красного.

Керамика первой группы в Днестровско-Прутском междуречье отличалась разнообразием: горшки, миски, сковороды, диски и противни. При этом основной формой, представляющей подавляющее большинство найденных предметов, является горшок. Такая же посуда наблюдается на всем ареале распространения раннеславянской культуры от Вислы и Дуная до Днепра и Дона. Наряду с единой топографией поселений, одинаковым погребальным обрядом и типом жилищ она является одним из основных показателей единства славянской культуры на раннем этапе ее развития.

На поселениях с керамикой первой хронологической группы на территории Молдавии удалось выделить три основных типа горшков. К горшкам первого типа (рис. 25) относится группа различных по величине и назначению сосудов (для хранения продуктов, приготовления

пищи). Характерна более или менее выраженная биконичность формы, при которой наибольшая ширина приходится на среднюю часть сосуда.

Сосуды первого типа широко представлены в северной и центральной части Днестровско-Прутского междуречья, где составляют значительное количество (от 25 до 40%) керамики, придавая своеобразный характер памятникам этой группы. В памятниках, расположенных по границе степи и лесостепи (Ханска I, Ханска II, Костешты, Кайнары, Суручены и др.), биконические формы горшков встречаются относительно реже (не более 12—15%)²²³.

За пределами изучаемой территории на синхронных памятниках сосуды биконических пропорций характерны главным образом для культуры так называемого пеньковского типа. Эти памятники расположены на границе лесостепи и степи в Среднем Поднепровье (Пеньковка²²⁴, Стецовка²²⁵ и др.), Побужье (Семенки²²⁶, Самчицы²²⁷, остров у города Гайворона²²⁸ и др.). Керамика таких поселений, как Пеньковка-Молочарня, Волинцево, по мнению Д. Т. Березовца, очень близка типологически к предметам раннеславянских поселений Молдавии (Хуча, Одая и др.)²²⁹. Биконические сосуды или сосуды с наlepным валиком под венчиком изредка встречаются и в ареале распространения керамики типа корчак (Житомирщина²³⁰, Волинь²³¹). В последнее время такие же сосуды были найдены И. Барня в жилищах VI в. в византийской крепости Диногения на Нижнем Дунае²³² и С. А. Плетневой среди трупосожжений могильника у с. Дмитровское на Северном Донце²³³.

В советской археологической литературе неоднократно высказывалась мысль о принадлежности памятников с керамикой пеньковского типа антскому союзу племен (П. Н. Третьяков²³⁴, В. В. Седов²³⁵,

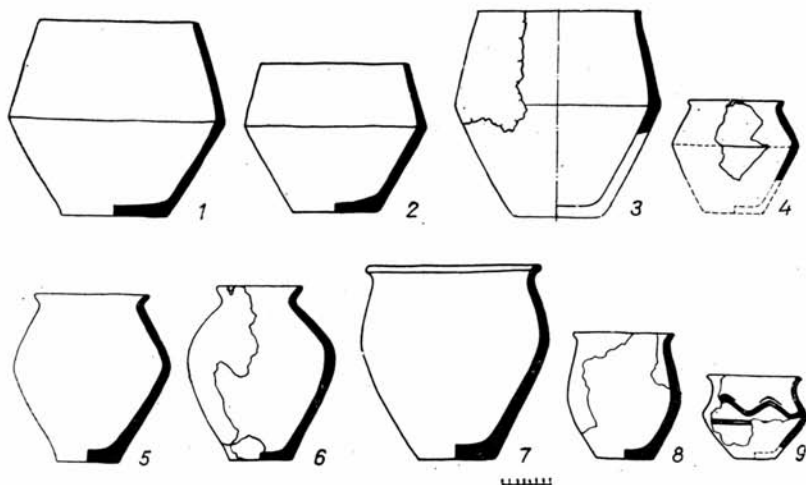

Рис. 25. Горшки первого типа (VI—VII вв.):

1, 2, 4 — Реча; 3 — Ханска; 5—7 — Хуча; 8 — Костешты; 9 — Перерыта.

В. Н. Даниленко)²³⁶. Это обычно подкрепляется сопоставлением территории распространения этих памятников с расселением антов, на которое указывали Прокопий и Иордан: полоса лесостепи от Северного Приазовья и далее на запад, до Днестра и Дуная.

Если сравнительно недавно биконические формы горшков пеньковского типа были известны лишь на Днепре и Южном Буге, то сейчас они найдены от Северского Донца²³⁷ до Нижнего Дуная²³⁸, т. е. именно на территории, занятой антами в VI—VII вв. В ареал распространения пеньковской посуды попадают и раннеславянские памятники VI—VII вв., открытые в бассейне Днестра и Прута. Гипотеза о принадлежности пеньковских памятников к антской культуре становится все более реальной.

К керамике второго типа (рис. 26) относятся горшки средней величины, баночной формы, высотой 20—25 см, стройных пропорций, с вытянутым туловом и пологими плечиками. Днище приближается по величине к венчику либо чуть уступает ему. Наибольший диаметр тулова располагается в верхней трети сосуда. Довольно высокие венчики плавно отогнуты наружу. Горшки обычно лишены орнамента, лишь в немногих случаях встречен украшенный насечками край венчика.

На территории Днестровско-Прутского междуречья горшки этого типа распространены главным образом в южной части лесостепной полосы на границе со степью (Ханска II, Костешты, Кайнары и др.). В меньшем количестве они встречены на памятниках в северной Молдавии и Буковине (Хуча, Стынкауцы, Чепоносы).

Присутствие в составе керамического материала горшков второго типа, наличие серой гончарной посуды и причерноморских раннесредневековых амфор придают поселениям, расположенным в центральной части Днестровско-Прутского междуречья, определенное своеобразие, отличая их в какой-то мере от синхронных памятников северной Молдавии.

На территории, которую мы рассматриваем, и за ее пределами памятники с горшками второго типа стали известны сравнительно недавно. Подавляющее большинство их расположено в бассейне Нижнего Ду-

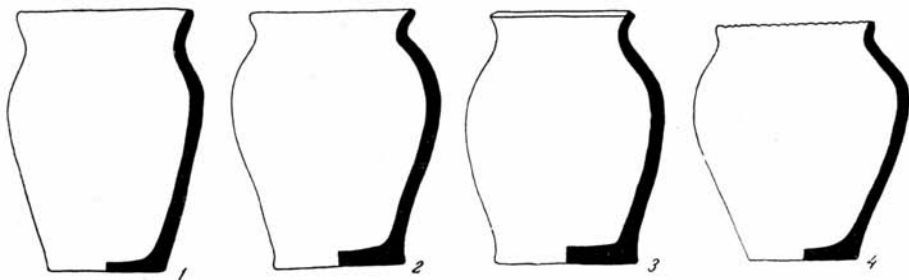

Рис. 26. Горшки второго типа (VI—VII вв.):

1 — Чепоносы; 2—4 — Ханска.

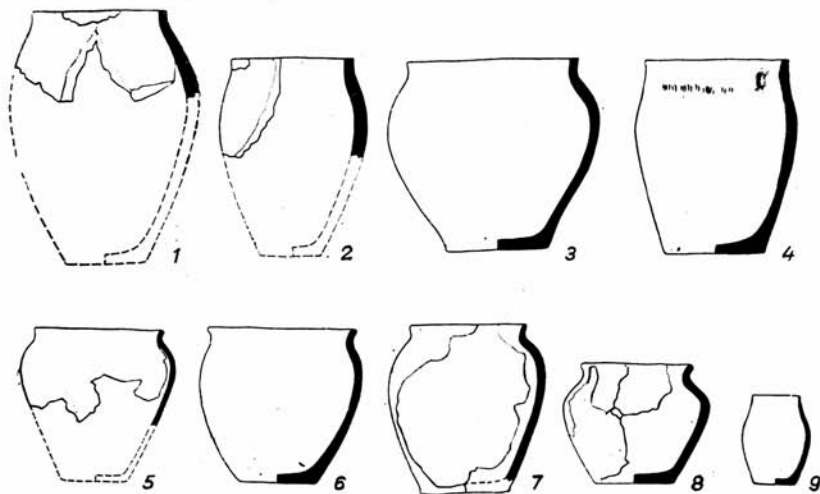

Рис. 27. Горшки третьего типа (VI—VII вв.):

1, 2 — Ханска; 3, 4 — Реча; 5—9 — Хуча.

ная, на его северном берегу (Чурел²³⁹, Кэцелу Ноу²⁴⁰, Кымпул Божа-Милитарь²⁴¹, Букурештий Ной²⁴² и др.). Эта форма встречена в известном могильнике Сэрата-Монтеору²⁴³, где она распространена в погребениях наряду с керамикой пражского типа²⁴⁴.

Сочетание лепных горшков второго типа с сосудами пражского типа и гончарной керамикой, изготовленной в византийских мастерских городов Нижнего Дуная либо под их влиянием, послужило румынским археологам основанием для выделения памятников с таким сочетанием посуды в отдельную культуру, получившую название культуры Чурел или Ипотешть — Кындешть — Чурел²⁴⁵.

В отличие от памятников типа Чурел на раннеславянских селищах Днестровско-Прутского междуречья керамика второго типа сочетается с сосудами пражского и пеньковского типов, а место византийских изделий (если не считать немногочисленных фрагментов причерноморских амфор) занимает гончарная посуда, близкая керамике из Пастырского городища²⁴⁶. Румынские исследователи датируют культуру Чурел V—VIII вв., основываясь на находках византийских монет VI в., пальчатых фибул и привозной византийской посуды²⁴⁷.

К горшкам третьего типа (рис. 27) относим кухонные горшки средней величины (высота 12—35 см), характерной формы в виде конуса, опрокинутого основанием кверху.

Венчик сосудов короткий, прямой либо чуть отклоненный наружу. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова. Плечики пологие, хотя в отдельных случаях выражены довольно четко. Диаметр дна составляет от 1/3 до 1/2 диаметра горла. Обычно горшки не

орнаментируются, в редких случаях отмечены украшения в виде насечек ногтем либо палочкой по венчику (Хуча, Старые Малаешты, Ханска II), еще реже на плечиках сосуда встречаются несимметричные налепные шишечки (Хуча, Реча).

Горшки третьего типа характерны в равной мере и для северной, и для южной группы памятников VI—VII вв. На всех памятниках они составляют довольно большой процент, хотя и не преобладают.

Такие горшки в целом представляются общеславянскими формами. Если в ареалах с керамикой пражского или корчаковского типа эта форма является основной (для корчака, пожалуй, единственной)²⁴⁸, то в пограничных областях между лесостепью и степью от Днестра до Дуная она сочетается с биконическими (Пеньковка) или баночными (Чурел) формами.

На памятниках с керамикой первой хронологической группы миски встречаются крайне редко. Это довольно высокие (10—12 см) сосуды с прямыми, откинутыми под углом стенками. Венчик, как правило, не выделен. Иногда край миски слегка загибается внутрь (рис. 28).

Незначительное количество фрагментов и полных форм не дает возможности уточнить типологию этой посуды. Можно лишь отметить, что наряду с узкодонными формами, где диаметр дна составляет около половины диаметра горловины (Ханска II), встречается форма более широкодонных мисок, у которых днище по величине немного меньше венчика (Хуча).

За пределами Днестровско-Прутского междуречья, на поселениях VI—VII вв., миски также встречаются крайне редко (Незвиско). На

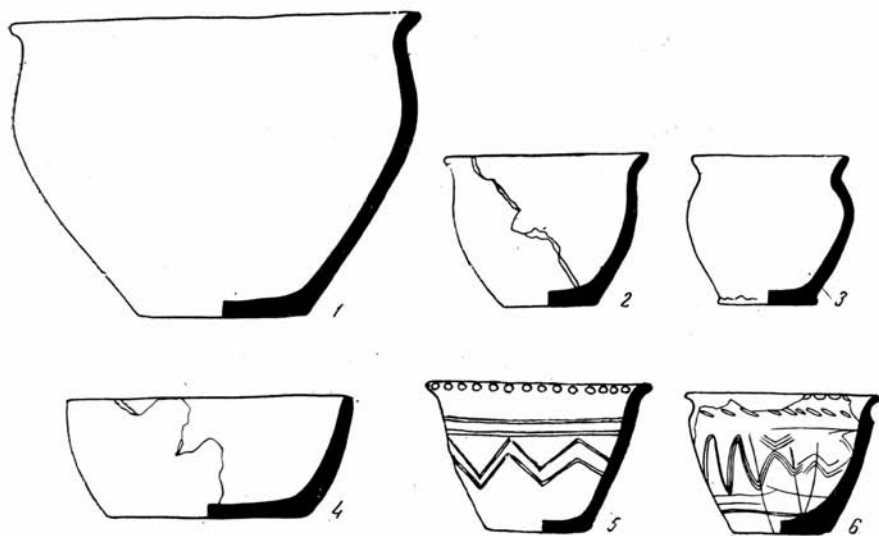

Рис. 28. Миски:

1, 4 — Хуча; 2, 3 — Ханска; 5 — Калфа; 6 — Бранешты I.

Рис. 29. Сковороды:
1, 2 — Хуча; 3 — Стынкауцы; 4—6 — Ханска.

многих поселениях VI—VII вв. они совсем не встречены, что дало В. Д. Барану повод усомниться вообще в существовании этой формы раннеславянской посуды на памятниках VI—VII вв.²⁴⁹ В западославянских землях миски как тип керамики хорошо известны уже начиная с VII в.²⁵⁰

Сковороды являются, по-видимому, специфически славянской формой посуды. Они впервые встречаются лишь на славянских поселениях VI—VII вв. и исчезают с гибелью древнерусских городищ в Молдавии. Отмечены на всех раннеславянских поселениях VI—VII вв. (Хуча, Ханска, Старые Малаешты), составляя довольно незначительное количество от всей керамики поселений. На селище Ханска фрагменты этой посуды в землянках составляют от 1,8 до 3%.

Сковороды представляют собой плоские диски диаметром 20—25 см, имеющие неправильноокруглую форму и низкие, полого откинутые бортики с закругленными краями высотой 1,5—2 см. У сковород VI—VII вв. тонкие (0,8—1,0 см) края (рис. 29). Любопытной особенностью рассматриваемой посуды являются отпечатки зерен злаков на поверхности и днище. На одном из крупных фрагментов сковороды из поселения Ханска II были выявлены и определены отпечатки зерен мягкой пшеницы, овса, ячменя, проса.

За пределами Днестровско-Прутского междуречья сковороды встречаются на памятниках VI—VII вв. от Приднепровья до Румынии и

Чехословакии. В то же время на ряде поселений (Рипнев) такая форма посуды пока еще не найдена.

Диски присущи только первой хронологической группе. Форма плоская, толщина 1,5—2 см, диаметр 22—25 см. Края их несколько утолщены и приподняты над плоскостью, однако заметного бортика не образуют. Предназначались они, по-видимому, как и сковороды, для выпечки плоских хлебцов-лепешек, но могли употребляться и в качестве крышек.

Противни были предназначены для подсушки зерна. Они обычно имели форму неправильного четырехугольника, реже овала. Средние размеры 40×60 см. Внешне они напоминают массивные сковороды с толщиной стенок 4—6 см и вертикальным бортиком высотой 8—10 см. Судя по находкам на селище Ханска, они укреплялись над печами-каменками. Возможно, существовали и переносные противни для установки над очагами, кострами и т. д.

Рыхлое, пористое тесто, из которого была изготовлена эта посуда, обилие в ней пустот от выгоревших органических примесей (соломы, зерна, половы) — все это повышало теплоизоляцию и способствовало длительному сохранению тепла.

Кроме лепной посуды первой группы, на памятниках VI—VII вв. в южной части лесостепной Молдавии было найдено некоторое количество гончарной.

На селищах Ханска I и Ханска II эта керамика была обнаружена в комплексах с лепными горшками второго типа.

Гончарной керамики на селищах настолько мало, что считать ее местной нельзя. Об этом же говорит и полное отсутствие гончарных изделий на раннеславянских поселениях в северной части Молдавии. Гончарная привозная посуда четко делится на две категории: 1) сероглиняную, салтовского облика и 2) краснойглиняную, к которой относятся амфоры.

Первая категория представлена фрагментами округлых, почти шаровидных горшков с отогнутыми наружу закругленными венчиками. В тесте примесь песка. Цвет черепка серый. Сосуды обожжены в гончарных горнах, обжиг сквозной, равномерный. Орнаментированы главным образом пролощенными вертикальными линиями, реже — ромбической сеткой из пролощенных линий или из волнистых полос, заключенных между пролощенными вертикальными. Изредка встречается и углубленный орнамент из одиночных или парных волнистых линий (рис. 30). Всем своим обликом эта категория напоминает салтовскую керамику, хотя и имеет ряд существенных отличий.

Форма сосудов и стиль орнаментации сближает эту группу керамики с гончарной посудой салтовского облика с Пастырского городища, которая единодушно датируется исследователями временем не ранее VII в., однако широкое распространение ее на памятниках пеньковского типа позволило А. Т. Смиленко и М. Ю. Брайчевскому высказать предположение, что керамика пастырского типа получила распространение «главным образом со второй половины VI в. н. э.»²⁵¹

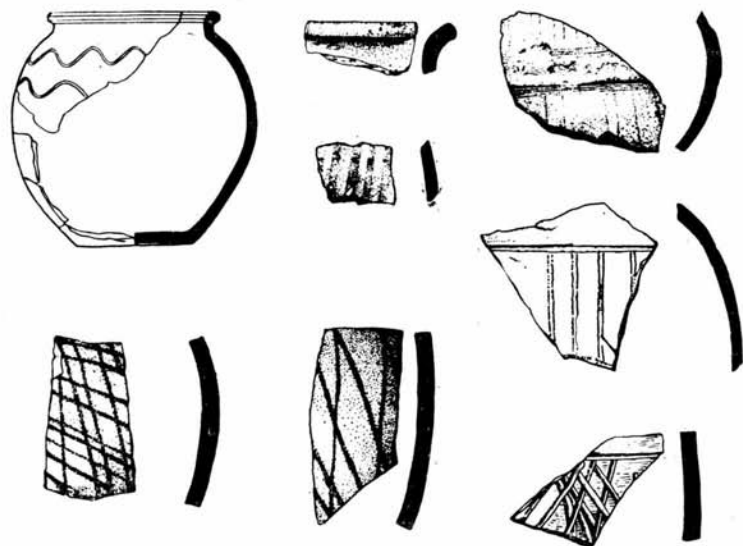

Рис. 30. Сосуд и фрагменты посуды пастырского типа (Ханска).

На селище Ханска II указываемые предметы были найдены как в слое, так и в заполнении ряда полуземлянок (№ 14, 15, 20, 22). В полуземлянке № 14 эта керамика обнаружена с маленькой бронзовой пальчатой фибулой, датирующей VII в. Аналогичные фибулы хорошо известны из находок на самом Пастырском поселении²⁵² и на селищах в могильниках Карпато-Дунайских земель²⁵³. Датировка их VII в. детально обоснована в работах И. Вернера²⁵⁴ и до сих пор не вызвала сомнения.

Все это пока не дает оснований для датировки серой гончарной посуды с пролощенным орнаментом периодом ранее VII в., хотя в принципе такая возможность не исключена. Эта посуда была широко распространена в лесостепной полосе на огромной территории от районов Дона (Волынцево) и Крыма²⁵⁵ до Дуная. Последними раскопками керамика, близкая к этому типу, была выявлена в слоях позднеантичных и раннего средневековья в Нове — античном Абритусе (Болгария)²⁵⁶.

На раннеславянских памятниках она встречается обычно в сравнительно небольшом количестве и, как правило, только на поселениях, расположенных между степью и лесостепью (Пеньковка²⁵⁷, Стецовка²⁵⁸, Пастырское²⁵⁹ и др.). Для селищ, расположенных в лесной зоне либо на границе лесной и лесостепной зон, такая керамика не известна. Подобное распределение находок, несомненное сходство их со степной керамикой салтовского типа и то, что в степной полосе известны центры, где производилась серая гончарная посуда (Канцерка)²⁶⁰, дают все основания думать, что она принадлежит степному аллано-болгарскому

населению Северного Причерноморья. Наличие этой посуды на раннеславянских памятниках говорит о тесных контактах, существовавших между славянами и кочевниками причерноморских степей.

Подобно серой гончарной посуде, фрагменты причерноморских амфор раннего средневековья (сосуды второй категории) встречаются лишь на поселениях, расположенных по границе степи и лесостепи. В Молдавии они, по-видимому, были характерны лишь для селищ, лежащих к югу от реки Реут (Ханска I, Ханска II), и ни разу не встречались на поселениях, расположенных в северной части Днестровско-Прутского междуречья. Количество найденных обломков амфор незначительно, на селище Ханска II достигает лишь 0,3% (18 фрагментов). Они принадлежат крупным, широкогорлым красноглиняным амфорам, покрытым по плечикам и в верхней трети тулова глубоким и частым рифлением, проведенным при помощи гребенчатого шаблона. Прочерченные бороздки слегка волнисты.

В. Ф. Гайдукевич, отмечая подобные находки в Тиритаке²⁶¹ и Херсонесе²⁶², писал: «Появление густого рифления с помощью гребенчатого шаблона относится к IV в., широкое же применение этого приема характерно для V—VI вв.»²⁶³ К V—VI вв. исследователи относят и распространение аналогичных амфор в ранневизантийских слоях Истрии²⁶⁴ и Диногении²⁶⁵. Появление этих сосудов на раннеславянских памятниках, расположенных на границе лесостепи и степи, свидетельствует о существовании определенных связей с населением причерноморских византийских городов, прежде всего тех, что были расположены вблизи Дуная (Диногения, Капидава, Истрия, Сучидава, Новы и др.).

Как известно, большая часть византийских городов-крепостей дунайских районов была уничтожена славянами в начале VII в. Таким образом, время проникновения ранневизантийских амфор в Днестровско-Прутское междуречье должно быть отнесено к VI или к самому началу VII вв. За пределами Молдавии, кроме Крыма, фрагменты амфор были найдены на селищах, расположенных вдоль нижнего течения Дуная и датированных румынскими исследователями V—VIII вв.

Гончарное производство в конце VII—IX вв. Поселения с керамикой второй группы (конец VII—IX вв.) составляют абсолютное большинство среди открытых в Днестровско-Прутском междуречье раннеславянских поселений (80 из 120). Эти памятники распространены по всей указанной территории вплоть до устьев Днестра.

Между керамикой первой и второй хронологических групп прослеживаются черты сходства и различия. В керамике второй хронологической группы сохраняются присущие славянской керамике формы посуды (горшки — основная форма, сковороды, миски) и с некоторыми изменениями та же технология (применение шамота в качестве основной примеси) формовки, обжига сосудов и т. д.

Существенные различия можно проследить во всех основных аспек-

тах: технологии, формах, орнаментике глиняных изделий и организации керамического производства.

Технологические изменения видны начиная с подготовки теста. Хотя в качестве примеси, по-прежнему употреблялся шамот, сама примесь становилась более грубой и неоднородной. Подавляющее большинство сосудов второй группы формировалось вручную.

Количество раннегончарной посуды на поселениях неодинаково. Если на селищах Петруха и Одая остатки гончарной керамики составляют всего 6—10% от общего количества фрагментов, то на поселениях Скок, Бранешты I доходят до 15—25%. Такое значительное колебание, по-видимому, отражает процесс развития и внедрения гончарной техники в керамическое производство.

Внедрение раннегончарной техники, несомненно, в какой-то мере отражало существование изменения в организации керамического производства — выделение его в качестве отрасли ремесла²⁶⁶. Процесс этот, очевидно, был длительным. Развитие коснулось прежде всего техники формовки сосудов, обжиг керамики второй группы сколько-нибудь значительных изменений не претерпел. Остались прежними в основном и формы славянской посуды. Это горшки, миски, сковороды и противни. Исчезают диски, в небольшом количестве обнаруженные на поселениях с керамикой первой группы. Значительно увеличивается процент мисок. Появляются экземпляры с отверстием в центре днища или в нижней части тулова, предназначенные для изготовления твораго.

Как и раньше, основной керамической формой, представленной подавляющим большинством фрагментов, являлись горшки без ручек. В раннеславянской керамике второй группы довольно четко различаются по пропорциям и профилировке четыре типа горшков.

Первый тип — крупные горшки, предназначенные для хранения припасов. Это стройные сосуды вытянутых пропорций, достигающие в высоту 20—25 см, с пологими плечиками, относительно узкими горловинами и днищами и коротким, слегка отогнутым наружу венчиком. Все горшки этого типа изготовлены лепным способом, без помощи гончарного круга. Орнаментировались лишь край венчика пальцевыми вдавлениями и защипами. Обнаружен лишь один сосуд (Перерыта пе Шес), тулово которого украшено орнаментом из образующих своеобразную решетку врезных лент из волнистых горизонтальных линий, пересеченных вертикальными. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. Горшки первого типа представляются производными от пражского типа, они сохраняют те же пропорции и профилировку.

Второй тип представлен горшками средних и крупных размеров. Высота колеблется от 18 до 36 см. Сосуды обладают характерной формой в виде усеченного конуса, опрокинутого основанием вверх. Для них характерна широко раскрытая горловина, приблизительно равная половине тулова. Большая часть горшков второго типа украшена насечкой и пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Встречаются и тапке, у которых тулово покрыто поясами врезного линейно-волнистого орнамента. Некоторая часть из них изготовлялась на примитивном

гончарном круге, так как орнаментальные полосы состоят из четких равномерных и параллельных линий.

За пределами этой территории рассматриваемые сосуды отмечены на поселениях с керамикой роменско-боршевского типа²⁶⁷ и типа Луки-Райковецкой²⁶⁸. Известны они и на поселениях в Румынии²⁶⁹ и Болгарии²⁷⁰. По-видимому, эта форма свойственна главным образом восточным славянам и слабо представлена на синхронных западных поселениях и могильниках.

Третий тип представлен небольшими по размерам (высота до 20 см) горшками. От предыдущих они отличаются менее резко выраженными копическими пропорциями, сравнительно отчетливыми плечиками и более широким дном. Значительная часть их, если не большинство, изготовлена при помощи гончарного круга. Орнамент всегда наносился гребенчатым орудием на тулово, причем украшалась вся поверхность от плечиков до дна. Горшки третьего типа отличаются богатством и разнообразием комбинаций орнамента, состоящего из отдельных волнистых линий, сочетаний полос линейных и волнистых линий, различных оттисков штампа «в елочку». Форма и орнаментика этих сосудов находят аналогию не столько в керамике типа Луки-Райковецкой, сколько в западно-славянской посуде VII—IX вв.

Четвертый тип известен по фрагментам крупных горшков с высоким цилиндрическим горлом. Полных форм не сохранилось. Горшки этого типа по размерам и пропорциям близки к сосудам четвертого типа из Новотроицкого городища (по И. И. Ляпушкину)²⁷¹. Как и горшки второго типа, эти сосуды, очевидно, характерны лишь для восточнославянской посуды.

Как и в первой хронологической группе, миски в керамике VII—IX вв. количественно уступают горшкам, однако на памятниках с керамикой второй группы они встречаются чаще (Одая, Калфа, Скок, Алчедары и др.). Эти изделия характеризуются резко выраженной усеченно-конической формой, широко раскрытой горловиной и сравнительно узким дном. По форме и профилировке миски можно разделить на два типа.

К первому мы относим те из них, у которых не был выделен венчик. Высота сосудов колеблется в пределах 10—16 см при ширине горловины 20—30 см. Стенки чаще всего прямые. В отдельных случаях верхняя часть корпуса слегка паллонена внутрь. Край венчика иногда украшен пальцевыми вдавлениями и зацепами. Встречаются миски, изготовленные на гончарном круге. Корпус у них бывает украшен полосками линейно-волнистого углубленного орнамента.

Второй тип отличается от предыдущего наличием короткого, чуть откинутого наружу венчика. Они сделаны при помощи гончарного круга и орнаментированы линейно-волнистым орнаментом, иногда сочетающимся с зацепами по венчику.

Сковороды, как правило, изготавливались не на гончарном круге. От сковород первой группы они отличаются несколько большим диаметром (24—30 см), толстым массивным дном, высокими (3—5 см) верти-

кальными или отогнутыми наружу бортиками (изредка встречаются сковороды с чуть наклоненными внутрь венчиками). Край бортика часто украшается пальцевыми защипами и насечкой. На внутренней стороне дна часто встречается нанесенный пальцем знак в виде креста.

У противней форма и размеры не изменились. Можно лишь отметить появление орнамента в виде сделанных пальцем ямок на наружной стороне бортиков.

**Прядение, ткачество.
Обработка кожи, кости и камня**

По сведениям древних авторов, славяне VI—VII вв. были одеты в платья из льняного и конопляного полотна и шерсти. Прядение и ткачество были одним из наиболее распространенных домашних занятий. Материалы раннеславянских поселений

VI—VII вв. позволяют почти полностью восстановить процесс изготовления ткани. После отмачивания и трепки лен и коноплю обрабатывали особыми гребнями, вычесывая крупные частицы стебля. То же проделывалось и с шерстью. В слое поселения Хуча был найден крупный гребень длиной 8,5 и шириной 5 см, изготовленный из кости животного. Длина зубьев равна 4 см. Все семь зубьев его круглые в сечении и расположены редко, на расстоянии 0,4—0,5 см друг от друга. Недостаточная ширина и редкое расположение слишком крупных зубьев исключает возможность его использования для туалета. По форме этот предмет очень близок к современным гребням для протаскивания конопли.

Для получения нити из пряжи применялись деревянные веретена с керамическими грузиками — пряслицами, которые составляют обычный вид находок на поселениях. Чаще всего встречаются пряслица биусечено-конической формы с плоскими или чуть вогнутыми основаниями, гораздо реже — конические, цилиндрические, дисковидные и плоские, выточенные из черепка. В виде редких исключений известны пряслица, изготовленные из мягкого камня (рис. 31).

Ткань, по всей вероятности, производили на горизонтальном ткацком станке. Об этом свидетельствует найденный на селище Бранешты костяной цилиндр-юрок с прорезанными в нем отверстиями для равномерного параллельного распределения нитей при сучении и сновании.

На селищах Ханска II, Одая, Петруха на керамических фрагментах сохранились отпечатки, которые могут дать представление о характере ткани, шедшей на изготовление одежды. Это, судя по отпечаткам, довольно тонкое полотно с прямым переплетением нитей.

Развитие скотоводства у славян в VI—VII вв. способствовало производству изделий из кожи, которое, как и ткачество, не выходило за рамки домашнего. При изготовлении изделий из кожи применялись костяные пилля-проколки, изготовленные из трубчатых костей животных. О повседневном и частом их употреблении говорит тот факт, что в заполнении раннеславянских полуземлянок нередко можно встретить пять-шесть и более таких предметов. Одновременно встречаются и специальные камни из песчаника для заточки проколов. На селище Бра-

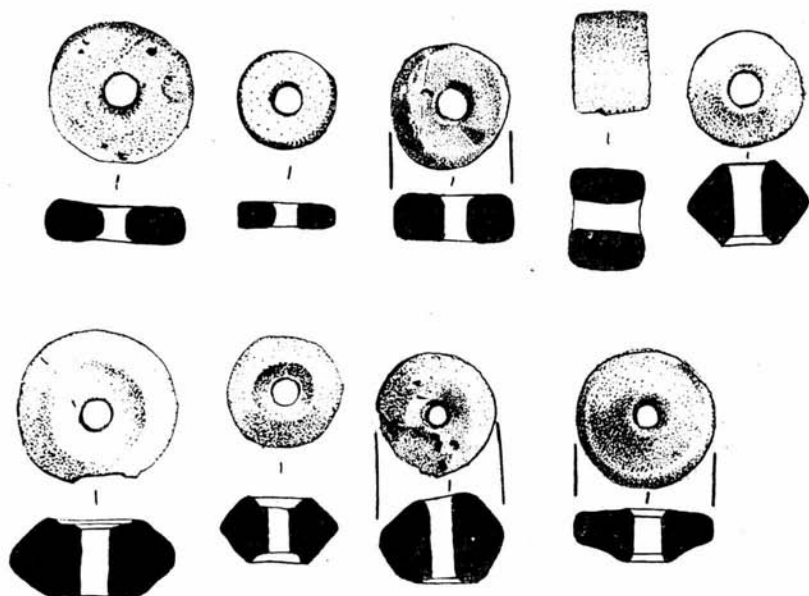

Рис. 31. Керамические и каменные пряслица (Селиште).

нешты I найдены два бронзовых четырехгранных шила, однако металлические шилья на раннеславянских поселениях — явление довольно редкое.

О готовых изделиях из кожи судить трудно, можно лишь отметить, что на селище Требужены бронзовая подвеска-амулет в виде человека, обутого в мягкие остроносые сапоги.

Значительное место в хозяйственной жизни ранних славян занимало производство изделий из кости и рога. Материал в изобилии давали охота и скотоводство. О значении этих изделий говорит список предметов, найденных на раннеславянских поселениях в Молдавии: иглы, лошца, шилья-проколки, орудия из рога для плетения и ремонта сетей, рукояти ножей и кинжалов, гребни, накладки на лук, подвески-амулеты, роговые мотыжки-соскребы. При изготовлении орудий из кости и рога сырье подвергалось нескольким операциям, среди которых можно назвать сверление, обработку ножом, пилой, напильником, полировку и нанесение орнамента.

Точильные бруски представляют весьма обычный вид находок на всех раннеславянских селищах. На их изготовление шел плотный мелкозернистый песчаник серого или коричневатого цвета, реже — зеленый сланец. В виде исключения встречаются точильные бруски, сделанные из твердых кристаллических пород камня (гранит).

В конце VII — начале VIII в. вместе с широким применением прокопок вошли в употребление и особые камни, при помощи которых они изготавливались, а затем оттачивались и ремонтировались. Для заточки

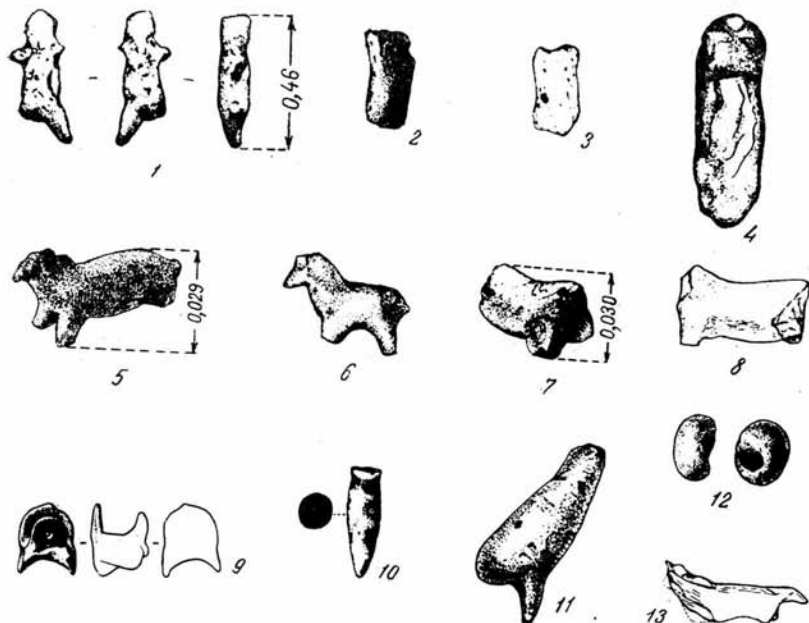

Рис. 32. Керамические антропоморфные и зооморфные фигурки:

1 — Старые Малаешты; 2 — Одая; 3, 4, 10 — Хуча; 5, 7 — Бранешты I; 6, 8, 9, 12, 13 — Ханска; 11 — Требужены.

проколов применялись плоские куски плотного песчаника или известняка. От постоянного употребления на нем оставались идущие в беспорядке неглубокие борозды. Среди других изделий можно указать на пряслице из мягкого камня, выточенное на токарном станке.

Об изготовлении деревянных ложек говорит найденный на селище Ханска железный ложкарь. На поселении Одая обнаружено сверло. О масштабах обработки дерева можно судить и по широкому использованию деревянных конструкций для строительства жилых и хозяйственных сооружений. При этом главным орудием обработки должен был быть топор.

Любопытной особенностью памятников VI—VII вв. в Молдавии являются керамические изображения людей, лошадей и глиняные модели посуды и вещей. Возможно, в этом сказалось влияние степных кочевников-кутригуров. Скорее всего, керамические фигурки имели культовый характер (рис. 32).

4. Могильники. Погребальный обряд

Славянские могильники VI—IX вв. на территории Прутско-Днестровского междуречья пока неизвестны. Обряд трупосожжения, единст-

венный для могильника алчедарского городища X—XII вв., свидетельствует о том, что и в предшествующий хронологический период у славян Поднестровья должен был бытовать именно этот погребальный обряд.

Представляет интерес крупнейший раннеславянский могильник из Карпато-Дунайского района — Сэрата-Монтеору (Румыния). Он просуществовал сравнительно недолго (главным образом в VII в.) и дал поразительно большое число погребений. Только на исследованной части могильника И. Нестором и Е. Захария было открыто более 1500 трупосожжений²⁷². Трупосожжение было единственным погребальным обрядом у населения, оставившего могильник. Погребения лишены каких-либо признаков (курганы, насыпи, камни и др.). Совершались они на стороне. Наблюдается несколько вариантов трупосожжений: в грунтовых ямах, в урнах.

Могильник Сэрата-Монтеору не связывается с каким-либо определенным раннеславянским поселением. Бросается в глаза резкое несоответствие между незначительными размерами открытых в Нижнем Подунавье поселений VI—VII вв. и колоссальными размерами и насыщенностью могильника. Такое несоответствие может быть объяснено лишь в том случае, если допустить, что могильник Сэрата-Монтеору использовался для погребения не обитателями одного поселка, а населением целого ряда поселений, иначе говоря, здесь мы имеем дело с крупным, вероятно племенным, кладбищем.

По-видимому, Сэрата-Монтеору был не единственным могильником такого рода. Допустимо, что на исследуемой территории в VI—VII вв. существовало некоторое, но довольно ограниченное количество крупных кладбищ, чем и возможно объяснить немногочисленность известных раннеславянских могильников VI—VII вв. Это не исключает возможности существования относительно небольших могильников на коренных славянских землях²⁷³.

Возникновение племенных кладбищ, возможно, было связано с недавним и еще непрочным освоением новых территорий и постоянной военной опасностью. В этих случаях возникала потребность в таких крупных могильниках, которые легче было уберечь от осквернения и ограбления. Вместе с тем в процессе освоения новых земель и продвижения к Балканам славяне неизбежно должны были оставлять единичные погребения или группы погребений. Единичное погребение и было открыто в 1970 г. при раскопках поселения Селиште²⁷⁴. Погребение представляло собой скопление кальцинированных костей человека, помещенных в грунтовую яму. Рядом с ними был найден биконический разбитый сосуд и оплавленный бронзовый перстень (рис. 33).

Другое единичное, по всей видимости ритуальное, погребение было открыто на поселении Ханска III. И в этом случае погребение было совершено рядом с жилищем, однако вместо трупосожжения был отмечен обряд захоронения человеческого черепа, рядом с которым было найдено два биконических лепных глиняных сосуда.

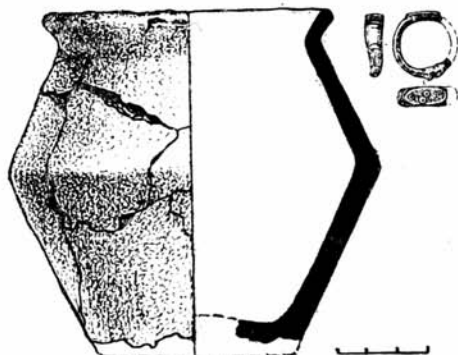

Рис. 33. Биконический сосуд-урна и перстень из погребения № 28 (Селиште).

Ритуальное захоронение из Хански пока не находит себе аналогий на раннеславянских памятниках VI—VII вв. Отметим лишь, что на могильниках II—IV вв. в Молдавии ритуальные захоронения черепов встречаются довольно часто²⁷⁵.

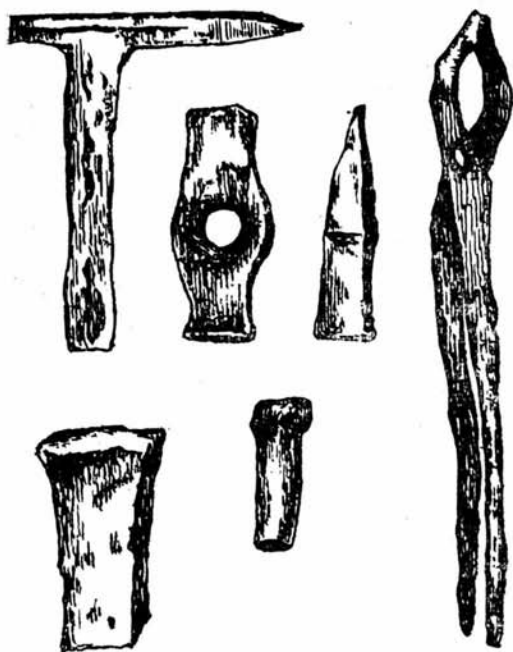
Таким образом, хотя на территории Днестровско-Прутского междуречья пока и не выявлены могильники VI—IX вв., но некоторое представление о бытовавшем здесь погребальном обряде можно получить также из тех материалов, которыми мы располагаем.

Исследование памятников материальной культуры славян VI—

IX вв. является одной из основных задач советской археологии. Это объясняется слабой изученностью и, главным образом, теми огромными сдвигами, которые выдвинули славянские племена на передовые рубежи истории Юго-Восточной и Восточной Европы, где именно в этот период проходило их расселение. Тогда же у славян начался переход от первобытнообщинного к классовому обществу, формировались первые государства, шел сложный процесс складывания трех ветвей славянства — восточной, западной и южной.

ДРЕВНЕРУССКАЯ
КУЛЬТУРА
ПОДНЕСТРОВЬЯ

(X—XII вв.)

Сведения летописей

О славянах, обитавших на территории Молдавии в X—XII вв., в письменных источниках очень мало сведений. Об уличах и тиверцах, живших на территории между-речья, упоминает анонимный баварский географ второй половины IX в.: «...Многочисленный народ уличей имел 318 городов (видимо, поселений. — Г. Федоров), а свирепейший народ — тиверцы — 148 городов». Об уличах упоминает и византийский император X в. Константин Багрянородный, однако сведения кратки, отрывочны и содержат очень мало информации об этом населении.

Наиболее ценные из имеющихся данных содержатся в древнерусских летописях. В них говорится о месте обитания славянских племен тиверцев и уличей. В начале XII в. монах Киево-Печерской Лавры, летописец и историк Нестор, указывал на расселение различных славянских племен в Восточной Европе, писал в вводной части своего труда «Повесть временных лет»: «...Улучи и тиверьци сядяху бо по Днестру, приседаяху к Дунаеву. Бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их до сего дня...»²⁷⁶.

О месте обитания уличей содержатся сведения и в

начальном летописном своде 1093 г. Автор Хроники пишет (под 940 г.): «Игорь же сядяше кѣняжа Кѣеве, миръ имея кѣ всѣмъ странамъ, а съ уличи съ древлѣяне имеше рать. И бе у него воевода именемъ Свенельдъ, и примуче уличе и възложи на ня дань, и въдасть Свенельду. И не въдадѣшеться един градъ, именемъ Пересечен; и седе около его три лета, и едѣва възя. И беца сядящ уличи по Дѣнепру вънизъ, и по семь перейдоша межю Бѣг и Дѣнестр и седоша тамо»²⁷⁷. Из этих отрывков явствует, что племена тиверцев и уличей обитали в X в. вдоль Днестра. При этом на востоке поселения уличей доходили до Буга, а на юго-западе эти племена или племенные союзы соседнили с Дунаем и Черным морем.

В других статьях древнерусских летописей отражаются взаимоотношения между Древнерусским государством, с одной стороны, и уличами и тиверцами — с другой. В «Повести временных лет» (под 885 г.), говорится следующее: «И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и теверци имяше рать»²⁷⁸. Из этого отрывка вытекает, что в процессе создания Древнерусского государства Киевский князь Олег подчинил много племен или племенных союзов, а уличей, обитавших еще около Киева на Днестре, и тиверцев, живших, видимо, на Днестре, покорить не смог и вел с ними войну.

В другой записи того же источника (под 907 г.) отмечается: «Иде Олег на греки, Игоря оставив Кѣеве, поя же множество варяг, и словен, и чудь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци...»²⁷⁹. Из сопоставления этого отрывка с предыдущим вытекает, что в походе Олега выступали покоренные Киевом союзы племен, а также в качестве союзников князя варяги, кривичи, мери, хорваты и тверцы. Интересно, что уличи, будучи, видимо, в оппозиции к Киеву или даже в состоянии войны, в 885 г., то есть за 12 лет до похода, не участвовали в этой кампании. В отличие от тиверцев уличи не приняли участие и в походе, предпринятом Игорем в Византийскую империю в 944 г.²⁸⁰ Это вполне понятно, если учесть, что только в 940 г., то есть за четыре года до похода, Олег одержал победу над уличами и длительной осадой взял их главный город Пересечен. Население, не пожелавшее покориться Киевскому князю, переселилось на территорию между Бугом и Днестром. Так что об их участии в походе не могло быть и речи.

После указанных событий X в. тиверцы и уличи выпали из поля зрения летописцев. Культура и быт, занятия, торговые связи, а также обычаи и обряды, отражающие мировоззрение славян этого региона в X—XI вв., известны только по археологическим источникам.

1. История исследования и датировка памятников

Изучение древнерусских поселений, как и других средневековых памятников Молдавии, началось сразу после Великой Отечественной войны. В результате нескольких разведок московских и киев-

ских археологов были открыты многие средневековые памятники. В 1946—1947 гг. научным сотрудником Молдавского филиала АН СССР Г. Д. Смирновым были открыты славянские городища у сел Екимоуцы и Алчедары Резинского района. Однако широкие, планомерные разведки и исследования памятников материальной культуры славян Поднестровья были начаты в 1950 г. Славяно-Днестровской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР и Молдавского филиала АН СССР. Кроме городищ Екимоуцы и Алчедары, в указанном регионе были открыты аналогичные городища у сс. Царевка Резинского района, Машкауцы Криулянского района, Лукашевка Оргеевского района, Пояна-Городка Каменского района, Рудь Атакского района.

Изучение памятников показало, что они существовали довольно недолго — около полутора веков.

Наиболее широко и планомерно были исследованы городища Екимоуцы, Алчедары, Лукашевка, а также Царевка и Рудь. Одни из них были основаны на раннеславянских поселениях (Алчедары), а другие на необжитых местах (Екимоуцы, Лукашевка). Сооружение городищ на Среднем Днестре, как показали данные раскопок, относится к X в. Так, на городище Екимоуцы были найдены серебряные саманидские диргемы. Из 19 прочитанных монет четыре отчеканены при Исмаиле-Ибн-Ахмеди (892—907 гг.) и 13 при Насре II (914—943), две монеты — подражания диргемам. Большинство из них (16 из 19) имеют по два круглых отверстия, указывающих на то, что монеты использовались как украшения. Эти монеты свидетельствуют о том, что городище Екимоуцы было построено в X в. Остальной комплекс датирующихся вещей, состоящий из таких предметов, как височные кольца волинского типа, лунницы и подвески, калачевидные кресала с язычками, оружие, серебряная литая гривенка весом 9,27 г (тип, характерный для XI в.), а также керамика, характерен для X—XI вв.²⁸¹

Городище Екимоуцы, судя по комплексу вещей, видимо, было основано в X в. и погибло в XI в., а по богатству и разнообразию материала может служить эталонным памятником в этом регионе. Одновременно погибли городища Машкауцы и Царевка. Поселение Алчедары, Лукашевка и Рудь, основанные примерно в то же время, что и Екимоуцы, погибли в пожаре (Лукашевка) или были оставлены обитателями (Алчедары) несколько позже, в XII в. На городищах Лукашевка и Алчедары были найдены овально-вытянутые кресала и другие предметы, датирующиеся не ранее XII в. Сожженные или оставленные в XI—XII вв. по каким-то причинам древнерусские поселения не были возрождены, то есть обитатели не вернулись на них.

2. Поселения и жилища

За время многолетних работ на территории Молдавии был собран значительный материал, позволивший установить тип поселений, жилищ и других хозяйственных строений у славян Поднестровья в X—XII вв.

Поселения

Поселения славян указанного региона в X—XII вв. были довольно однотипны. Они были большими, даже огромными, по тем временам населенными пунктами, а на территории каждого из них имелась небольшая цитадель. Поселения располагались на пологих склонах долин рек около массивов леса, среди пригодных для обработки пойменных земель. Примером может служить поселение Екимоуцы. Оно расположено в двух километрах к северу от с. Екимоуцы в урочище Четэуца Турчаскэ (Турецкая крепость), на правом южном склоне широкой и пологой лощины, которая переходит в большой овраг, выходящий в шести километрах от поселения к Днестру.

На дне лощины и ее склонах, особенно выше городища, имеется множество источников. Городище со всех сторон окружают пологие всхолмления, почвы которых представляют собой пахотную землю. Население занимало оба склона лощины, по дну которой протекал безымянный ручей — приток Днестра. Общая его площадь составляет 38,5 га, а городище было лишь цитаделью — укрепленным центром поселения²⁸². Городище имеет небольшой уклон с юга на север, оно овальной формы, вытянутое с запада на восток, диаметр его 70—86 м, а по гребню вала — 75—100 м. Кольцевой вал сильно оплыл и не превышает 2,5 м при ширине 7—11 м. Ров, опоясывающий вал, также заплыл, и в настоящее время его глубина достигает 1 м при ширине 4—5 м. Некогда вал городища достигал 4—4,5 м, над которым возвышались деревянные клетки-городни высотой 4 м, заполненные землей, камнями. Так что вал вместе со рвом, достигавшим в глубину 4 м, составлял с напольной стороны 10—12 метровую отвесную стену, служившую надежной защитой от внешнего нападения. Внутри по кругу, на некотором расстоянии от вала, располагались полуземляночные жилища, а центр городища был свободным от строений. Тут же находился внутренний источник²⁸³ (рис. 34).

Городище у с. Рудь на севере республики расположено на стрелке мыса, образованного при слиянии двух лощин, впадающих в долину Днестра, и имеет крутой склон к зеркалу реки. В плане оно овальное, диаметр 60—70 м, диаметр плато цитадели — 50 м. Городище окружено кольцевым земляным валом и рвом. Вал имел высоту 4—6 м, а ров и сейчас достигает в глубину 2 м, а в ширину до 4 м. Городище является укрепленным центром большого поселения²⁸⁴. Аналогичны и другие поселения.

На раскопанных поселениях были обнаружены жилые и хозяйственные постройки. Они расположены гнездом или группами по два-пять. Внутри каждого гнезда расстояние от одного жилища до другого не превышало 3—4 м. Производственные комплексы (домницы) и ямы-хранилища располагались внутри или непосредственно вблизи каждого гнезда. Видимо, это свидетельствует о наличии патронимной семьи. На посаде городища у с. Алчедары, на небольшой его части, было зафиксировано свыше 70 жилищ, из которых раскопано около 40. На поселении

Жилища и хозяйственные постройки

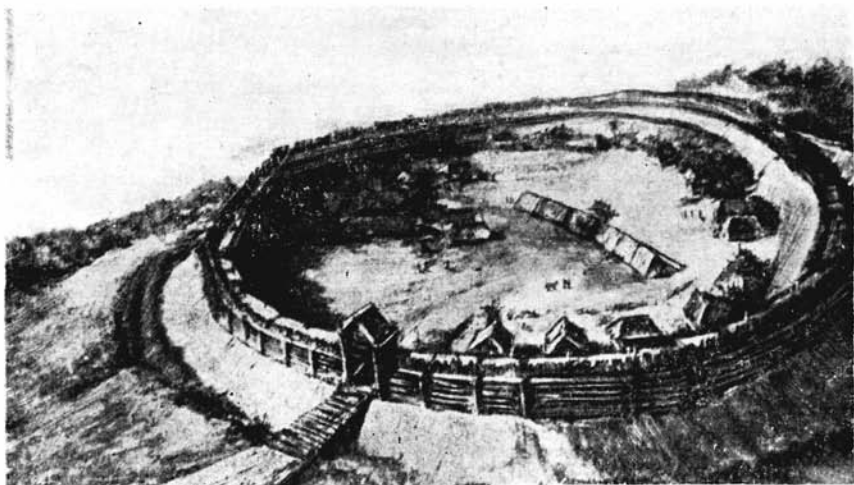

Рис. 34. Городище Екимоуцы (графическая реконструкция).

Екимоуцы также на небольшой площади было отмечено свыше 50 жилищ, из которых раскопано шесть²⁸⁵, в том числе два на посаде городища Рудь²⁸⁶.

На всех поселениях преобладали полуземлянки, реже встречались землянки, сооруженные на склоне. В плане они квадратные или прямоугольные, размером 3×4 м в среднем. Глубина от поверхности земли достигает 0,6—1 м. Жилища были столбовой и срубной конструкций, с двухскатной крышей, у входа не было ступенек, видимо, для этого имелись деревянные лесенки.

Печи-каменки располагались в одном из углов. Их сооружали следующим образом. На полу полуземлянки устанавливали на ребро П-образно три больших плитчатых камня, которые перекрывали также плитами, а сверх этой незамысловатой конструкции укладывали (без раствора) большое количество мелких камней и фрагментов керамики. Когда в печи разжигали огонь, пламя и дым проходили между камнями и накаляли их докрасна. Когда готовили пищу, наполненные сосуды устанавливали около устья на полу или на печи. Подобные печи сохранились до наших дней в русских банях.

Кроме печей-каменок, в жилищах встречаются следы топчанов-лежанок (?), ямы и др. Вне жилищ на некотором расстоянии располагались летние печи и очаги, сооружения, связанные с ремеслами, и ямы-хранилища для зерна и других припасов. Они, как правило, колоколовидные, реже цилиндрические.

Как было отмечено, жилища располагались гнездами, но встречаются и одиночные полуземлянки. Возможно, что у славян Поднепровья шел процесс выделения дома с усадьбой.

3. Занятия населения

Земледелие и скотоводство

Письменные источники не сохранили каких-либо сведений, касающихся занятий населения на древнерусских поселениях X—XII вв. в Днестровско-Прутском междуречье. Недостаток письменных сведений, однако, восполняется значительным количеством археологических материалов, позволяющих прийти к неоспоримому выводу о том, что это население было оседлым и что основу его экономики составляло развитое земледелие и скотоводство.

Об этом говорит как само расположение долговременных поселений вблизи водных источников, среди плодородных земель, так и значительное количество находок, связанных с пашенным земледелием. Они позволяют составить представление о системе земледелия, об орудиях и способах обработки почвы, уборки урожая и в определенной степени о видовом составе возделываемых культур.

Среди находок на Екимоуцком городище представлены как крупные наральники и ножи-чересла от тяжелых пахотных орудий для вспашки целинных почв, так и мелкие орудия для предпосевной обработки пашни (рис. 35). На этом же городище в остатках жилищ и в зерновых ямах найдено много зерен мягкой пшеницы, проса, ржи, овса, гороха, конопли и льна. По предположению А. В. Кирьянова, среди возделывавшихся культур был также и ячмень, а сама система земледелия определяется им как паровая²⁸⁷.

Орудия уборки урожая представлены серпами. Только на Екимоуцком городище найдено три целых и пять обломков серпов. Собранный урожай хранился в специально вырытых грушевидных в сечении зерновых ямах-погребах, стенки которых зачастую обмазывались глиной и обжигались для предохранения зерна от порчи. В большинстве жилищ на поселениях Алчедары, Екимоуцы и др. были найдены круглые каменные жернова от ручных мельниц. Это позволяет сделать вывод о том, что помол зерна производился в каждом хозяйстве.

О развитии скотоводства можно судить по находкам множества костей домашних животных. В составе стада преобладал крупный рогатый скот, кроме него были свиньи, мелкий рогатый скот и лошади. Среди находок, связанных со скотоводством, следует отметить удила, железные путы, а также косы-горбуши, применявшиеся для косьбы сена, что указывает на стойловое содержание скота.

По всей вероятности, продукты земледелия и скотоводства служили не только для удовлетворения внутренних потребностей населения, но в значительной мере и предметом экспорта за пределы Днестровско-Прутского междуречья в обмен на железную руду, металлические изделия, шиферные пряслица и другие предметы, ввозившиеся из других областей славянского мира.

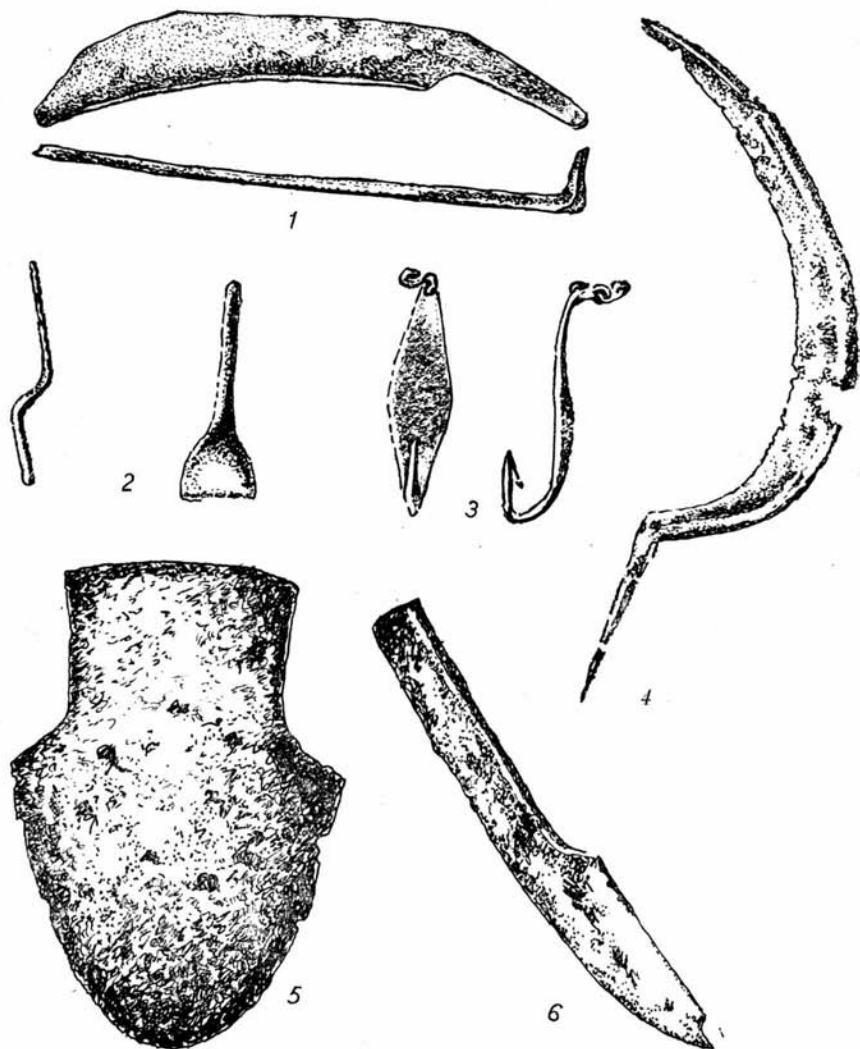

Рис. 35. Орудия сельского хозяйства и промыслов с поселения Екимоуцы:

1 — коса-горбуша; 2 — медорезный нож; 3 — рыболовный крючок; 4 — серп; 5 — наральник; 6 — чересло.

О развитии охоты дают представление находки костей кабана, косули, благородного оленя, а также различные виды охотничьих стрел-срезней. О рыболовстве свидетельствуют находки рыболовных крючков, блес-

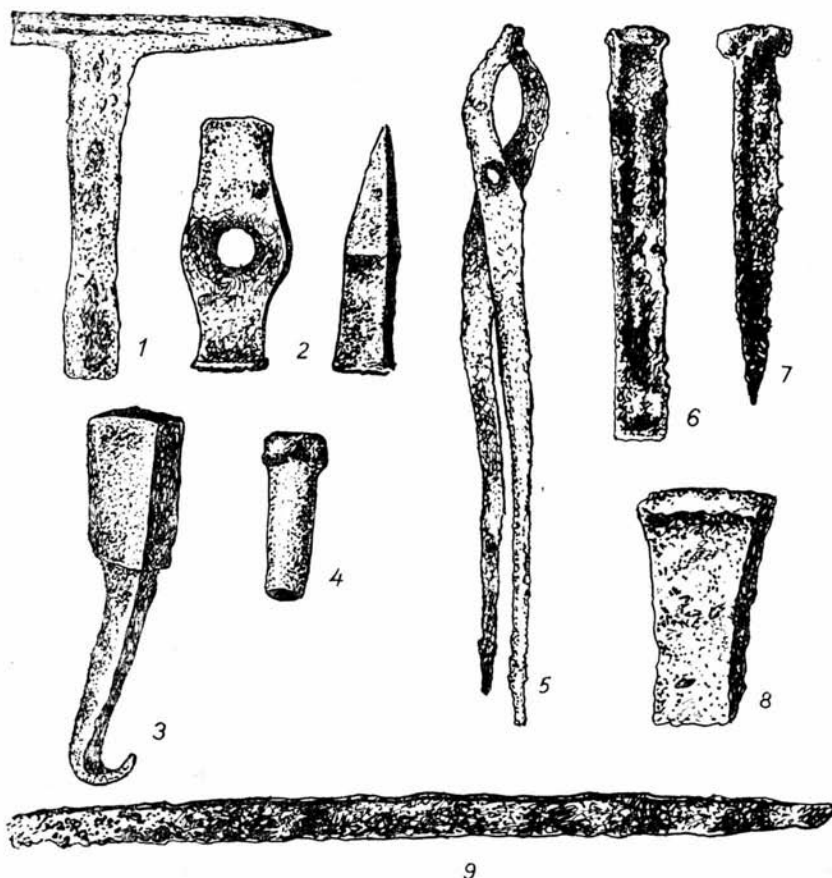

Рис. 36. Орудия кузнечного и ювелирного ремесла с поселений Екимоуцы и Алчедары:

1, 3, 4, 8 — наковальни для кузнечных и ювелирных работ; 2 — молоток; 5 — клещи; 6 — долото; 7 — пробойник; 9 — напильник.

ны для ловли крупной хищной рыбы. О примитивном пчеловодстве (борничество) — медорезный нож типичной коленчатой формы (см. рис. 35).

У древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья были широко развиты ремесла. На основании данных раскопок можно насчитать более десяти различных специальных ремесел, в том числе кузнечное, железоплавильное, меднолитейное, камнерезное, ювелирное, оружейное, ткацкое, сапожное, плотничье. Сосредоточенные на городищах ремесленники владели всеми известными для того времени орудиями труда и приемами ремесел. Археологические исследования позволили реконструировать во всех деталях такие важные производства, как железоплавильное и кузнечное. Уровень развития ремесел у древнерусского

населения X—XII вв. позволяет говорить о наличии феодальных отношений и рассматривать укрепленные городища как ремесленные и военно-административные центры.

Выплавка и обработка железа

При раскопках посадок городищ Екимовцы, Алчедары, Рудь и др. найдены вещественные доказательства широких для этого времени масштабов выплавки и обработки железа.

Железная руда после дробления тщательно промывалась, просушивалась и поступала в обогатительные печи, обладавшие мощным многослойным каменным подом, позволявшим длительное время сохранять в них высокую температуру (до 500—600°C). После того как выгорали примеси и руда обогащалась, она поступала в домницы, где при температуре 1300—1400°C происходил дальнейший процесс выплавки железа. Домница представляла собой углубленную в материк печь овальной в плане формы с глинобитным возвышавшимся над землей сводом. Стенки и свод были покрыты несколькими слоями огнеупорной глины. В передней стенке, обращенной к предтопочной яме, прорезано устье, в которое вмазывались керамические трубки-сопла для принудительного дутья. На посаде городища Алчедары встречена крупная домница, в устье которой было вставлено шесть сопел длиной 18—20 и диаметром 1 см (домница № 10). При принудительном дутье происходил процесс частичного восстановления железа. Тяжелое железо отделялось от шлаков и оседало на вогнутом дне печи, образуя губчатый слиток — крицу, служившую исходным материалом для дальнейшей обработки в кузнице²⁸⁸.

Домницы на посаде обычно сопровождали гнезда жилищ, но иногда наблюдалось скопление печей-домниц, составлявших, видимо, единый производственный комплекс. Так, в одном случае было встречено скопление из шести домниц, расположенных по кругу на небольшом расстоянии одна от другой. Здесь же была открыта каменная вымостка для дробления руды и две обогатительные печи.

О значительном развитии кузнечного ремесла красноречиво свидетельствуют находки многочисленного и разнообразного кузнечного инвентаря (рис. 36) и изделий из железа (рис. 37)²⁸⁹.

Древнерусские кузнецы и оружейники виртуозно владели сложными навыками сварки металла, его термической закалки. Хорошо известен был способ производства

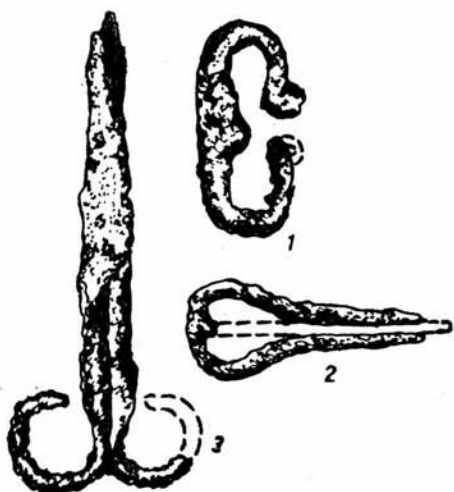

Рис. 37. Изделия кузнечного ремесла:

1 — кресала; 2 — музыкальный инструмент — дрымба; 3 — ножницы.

клинков из «пакетного» металла. Изделие из «пакетного» металла сочетало одновременно твердость и гибкость, упругость и закалку.

Пока трудно с достаточной достоверностью сказать, откуда поступала на древнерусские поселения железная руда, однако, судя по огромному количеству найденных на поселениях руды и шлаков, здесь велась широкая выплавка и обработка железа. Происходила дифференциация кузнечного ремесла, из которого довольно рано выделилось, например, оружейное ремесло.

Землянка оружейника была открыта в 1957 г. на Алчедарском городище. Здесь был найден уникальный набор инструментов X в. (клевцы, наковальни, пробойники, зубила и др.) и изделий (стрел, кольчужных колец, зеркального доспеха из кованых железных пластин)²⁹⁰.

Очень рано выделилось в самостоятельное ремесло и обособилось ювелирное дело. На древнерусских городищах Днестровско-Прутского междуречья открыты три ювелирные мастерские, где найден интересный набор инструментов. Здесь обнаружено уникальное приспособление — ювелирная наковаленка, сочетающаяся с волочком для изготовления проволоки. Можно

Ювелирное ремесло

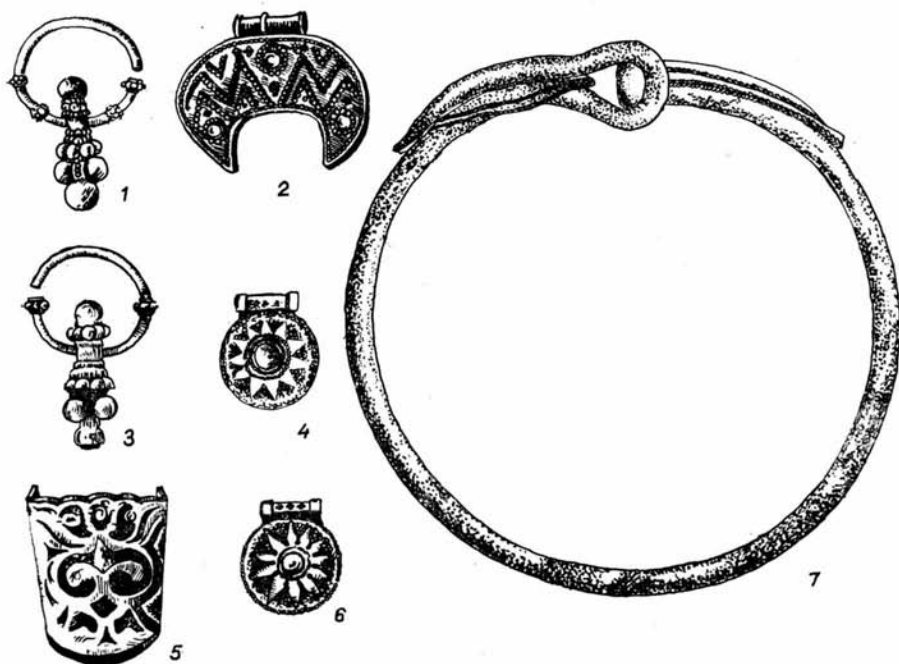

Рис. 38. Ювелирные изделия с поселений Екимовцы и Алчедары:

1, 3 — височные кольца «волинского типа»; 2 — лунница; 4, 6 — подвески;
5 — наконечник ножен сабли; 7 — шейная гривна.

отметить находки тиглей, ювелирного молоточка, зубильца и двух матриц для тиснения с рельефной рабочей и гладкой тыльной стороной.

Сырьем для ремесленников-ювелиров служили серебро и медь, по всей вероятности, трансильванского происхождения. Судя по значительному количеству изделий из цветных и благородных металлов, ювелиры не испытывали недостатка в исходном сырье. Среди готовых изделий (рис. 38) можно встретить и массивную литую серебряную шейную гривну, украшенную сканью (Алчедарское городище), и серебряные и медные височные кольца так называемого «волинского типа» в виде виноградной грозди, лунницы, подвески, бусы и др. Среди изделий тщательно обработкой выделяется серебряный позолоченный наконечник ножен сабли (Екимовское городище) и бляшки, покрытые узором в технике зерни (из множества микроскопических шариков)²⁹¹.

Перстнеобразные височные кольца, бронзовые перстни, серебряные и другие бусы и пуговицы имеют ярко выраженный общерусский облик. Интересно, что ювелирные, как и другие ремесленные изделия, имели довольно широкий рынок сбыта и распространялись на десятки километров.

Гончарное производство и формы керамики

Одно из наиболее широко развитых и распространенных ремесел славян Поднестровья в X—XII вв. было гончарство. О социальном уровне развития этого ремесла пока трудно говорить что-то определенное, но о технике гончарного дела данных много.

Изучение керамики свидетельствует о том, что она изготовлена из жирной глины с прибавлением примесей дресвы (толченый гранит), песка, и т. д. Тесто найденной на поселениях керамики в основном содержит примесь слюды, которая видна на поверхности изделий в виде блесков золотистого цвета. Незначительное количество славянской посуды этого времени не содержит примеси в тесте. Это свидетельствует о том, что она была изготовлена из природно тончай глины. Поверхность посуды была шероховатой. Сосуды формовали на гончарном круге, а обжигали, видимо, в одноярусных круглых в плане глинобитных печах, обнаруженных на посаде алчедарского городища. Цвет керамики коричневый различных оттенков — от черного (результат восстановительного обжига) до красного (результат окислительного обжига).

Мастера, видимо, изготавливали посуду как для продажи на рынке, так и по заказу отдельных лиц. По заказу, видимо, сделаны те сосуды, которые помечены клеймами на днищах. Таких сосудов найдено очень мало. Клейма простые, рельефные, представляющие круг, несколько концентрических кругов, крест, крест в круге, оттиск нательного креста и др. Остальные изделия, не имеющие метки, видимо, изготавливались для продажи на рынке.

В керамике славян Поднестровья Молдавии известны такие формы бытовой посуды, как горшки, кувшины, миски, сковороды, глиняные диски или крышки к сковородам, а также кружки.

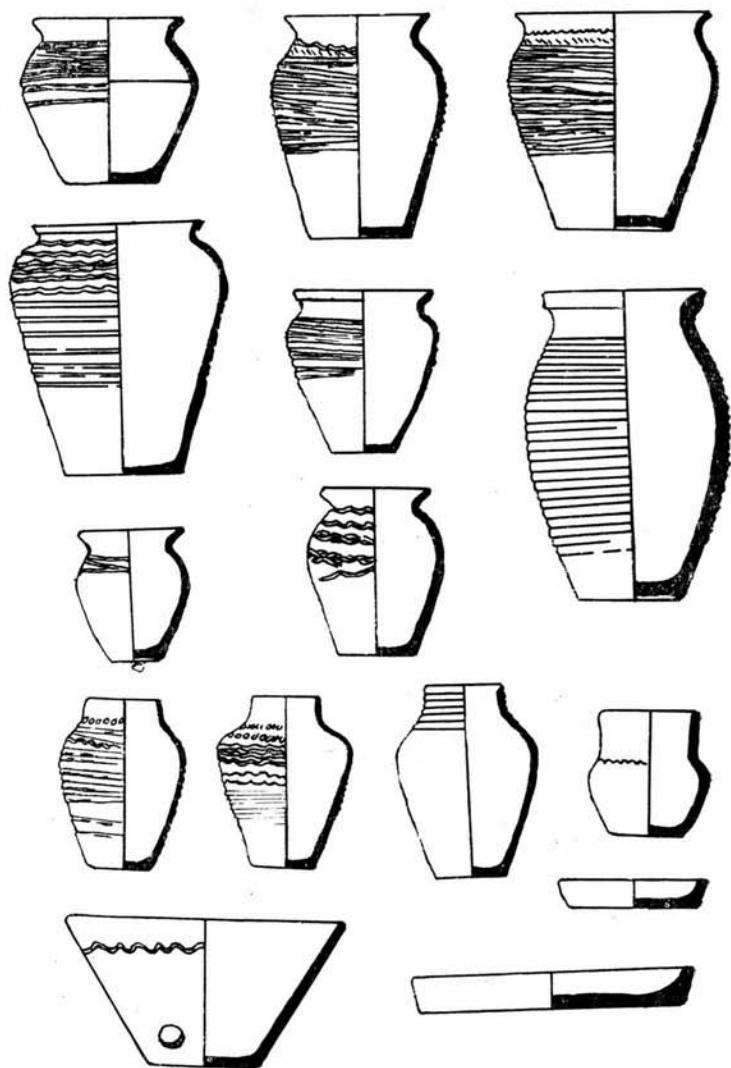

Рис. 39. Формы глиняной бытовой посуды славян Поднепровья.

Горшки — основная, самая многочисленная форма бытовой посуды на всех поселениях как в цитаделях, так и на посадах. Сосуды довольно однообразны как по форме, так и по орнаментации (рис. 39). Наиболее существенные различия наблюдаются только в размерах изделий и профиле горловины. Найдены высокие горшки (около 60—80 см высо-

ты), предназначенные, видимо, для хранения припасов. Большинство сосудов средних размеров имели высоту 20—30 см. Они предназначались для приготовления пищи. Изредка встречаются и маленькие горшки.

По форме горловины имеются два типа горшка: с отогнутым и с отклоненным венчиком.

Горшки с отогнутыми венчиками, короткими дугообразными шейками, крутыми дугообразными плечиками и туловами в виде опрокинутых усеченных конусов на плоских днищах были обычными кухонными сосудами на поселениях славян Поднепровья Молдавии в X—XII вв.

Горшки второго типа отличаются от предыдущих только тем, что у них венчик не отогнут, а отклонен. Эти сосуды являются редкостью на упомянутых поселениях, то есть не характерны для керамики славян на территории Молдавии. К примеру, на городище Екимовцы из многих сотен фрагментов горшков, найденных при раскопках, сосуды с отклоненными венчиками представлены всего 60 фрагментами и двумя целыми сосудами.

Горшки обоих типов украшены только углубленным орнаментом в виде прямых и волнообразных линий, нанесенных инструментом в виде заостренной палочки. Для керамики славян среднего Поднепровья Молдавии характерен мотив в виде одной или двух линий, опоясывающих шейки сосудов, как ожерелья. По плечикам горшков нанесена полоса прямых горизонтальных линий, которая иногда спускается по тулову, почти до днища, а расстояние между линиями постепенно увеличивается.

Кувшины отличаются от горшков формой и размерами. Размеры кувшинов достигали 30—50 и более см. Для каждого сосуда характерен высокий, воротничкообразный, вертикальный или слегка наклоненный вовнутрь венчик, дугообразные, крутые, редко пологие плечики и высокое, в виде опрокинутого усеченного конуса тулово на плоском, широком дне. На этих предметах не встречается нагар, то есть они не использовались для кухонных целей. Судя по указанным наблюдениям и по этнографическим аналогиям, эти сосуды были предназначены для хранения воды и других припасов. Об этом, возможно, свидетельствует и то, что таких изделий на поселениях мало по сравнению с горшками. Они украшены, как и горшки, углубленным орнаментом, нанесенным заостренной палочкой в виде полосы, покрывающей плечики и часть тулова. Более поздние изделия украшены скромнее.

Миски, как и кувшины, на поселениях славян Поднепровья Молдавии встречаются довольно редко. Они подобны опрокинутому усеченному конусу. Иногда стенки мисок дугообразны. Судя по изученному материалу, у наиболее поздних мисок верхний край загнут вовнутрь. Среди этих изделий имеются предметы с небольшим отверстием чуть выше днища. Предполагают, что эти сосуды служили в хозяйстве для приготовления творога.

Миски как столовые сосуды часто украшены скромно, но выразительно. Стенки наиболее ранних мисок почти полностью покрыты углубленным орнаментом в виде горизонтальных линий. На более поздних мисках полоса орнамента уже. Часто она состоит из нескольких волно-

образных линий, нанесенных размашисто по средней части стенок, а по бокам проведена полоса прямых горизонтальных линий.

Сковороды — кухонные сосуды, также встречающиеся редко на поселениях. Сковорода представляет собой толстый глиняный диск довольно значительного диаметра, по краям которого приделан бортик высотой 3—5 см, расширяющийся кверху. Размер предметов бывает от 13 до 30 и более см. Украшены они редко. Иногда имеют знаки на днищах. Иные предметы украшены насечками по верхнему краю бортика или углубленной, чаще волнообразной, линией, опоясывающей сосуд по наружной поверхности бортика. Иногда по верхнему краю бортика имеется заметное углубление или паз. Возможно, что для приготовления пищи сковороду покрывали крышкой, вероятно, специально изготовленной.

В связи с этим предположением представляют интерес найденные на поселениях вместе со сковородами глиняные диски примерно той же толщины, тех же размеров, что и сковороды, только плоские. Орнаментированные экземпляры пока не встречены. Вполне возможно, что упомянутые диски служили крышками для сковородок, предназначенных для выпечки хлебных изделий.

На славянских поселениях X—XII вв. среднего Поднестровья встречается довольно значительное количество маленьких сосудов высотой около 10 см и шириной 5—7 см. Это миниатюрные копии больших сосудов-горшков и кувшинов. Они украшены так же, как и большие сосуды. Некоторые имели небольшие ручки-ушки. В быту они, видимо, использовались как кружки.

Ассортимент глиняной бытовой посуды славян Поднестровья Молдавии довольно разнообразный. Каждая форма керамики прошла длинный путь типологического развития, отражающий процесс выработки оптимальных форм изделий и совершенство мастерства гончаров²⁹². Разнообразие форм посуды свидетельствует о значительном росте бытовой культуры славян этого края.

Другие ремесла и промыслы

На древнерусских поселениях, кроме металлургического, кузнечного, ювелирного и гончарного производств и их специализированных отраслей, отмечены также ткацкое, плотничье, камнерезное, костерезное и др. ремесла.

О широком развитии прядения и ткачества свидетельствуют найденные керамические и шиферные пряслица-грузики для веретен и кости мелкого рогатого скота. Только при раскопках Екимовского городища было найдено 112 пряслиц, из которых 22 экземпляра изготовлены из розового шифера в овручских мастерских близ Киева²⁹³. На одном из пряслиц процарапан знак, напоминающий княжеский знак — тамгу рюриковичей.

Для ткачества, очевидно, использовался горизонтальный станок. Об этом косвенно могут свидетельствовать костяные юрки с прорезанными в них отверстиями для горизонтального распределения нитей. О качестве тканей можно судить по отпечаткам на керамике. Здесь встречаются отпечатки как тонких тканей с прямым переплетением нитей, так и более грубых, видимо шерстяных. По заключению заведующей отделом ар-

хеологии Государственного Исторического музея в Москве М. В. Фехнер, такая ткань изготовлялась из шерстяной пряжи с полотняным, называемым еще гарнитуровым переплетением, которое является самым простым, самым совершенным в смысле прочности и наиболее распространенным.

В черноземных грунтах Молдавии дерево, как правило, долго не сохраняется, поэтому нет возможности детально изучить плотничье и столярное дело древних. Но сам факт широкого использования дерева в домостроительстве и фортификации позволяет прийти к выводу о том, что на поселениях, особенно на укрепленных, были плотники и столяры. Из дошедших до нас деревянных сооружений особенно интересны конструкции колодцев, открытых на городище Алчедар. В одном из них сохранился сложный водоподъемный механизм, состоявший из вала, вращавшегося на тщательно отполированных полуовальных подшипниках, и колеса со стопорными зубцами-зарубками и планкой, останавливавшей обратное движение ворота. Из деревообрабатывающих инструментов, найденных при раскопках, можно отметить топоры, скобели, токарные резцы, тесла, долота и др.

Камнерезы также достигли довольно высокого уровня мастерства. Среди изделий из камня можно встретить и крупные жернова для ручных мельниц, и миниатюрные изящно выточенные бусы из сердолика.

Мастера-костерезы изготовляли гребни, орнаментированные накладки и рукоятки ножей и кинжалов, различного рода напершия. Среди находок на Екимовском городище встречена специальная костерезная заготовка.

Культурные и торговые связи

Древнерусская культура среднего Поднепровья, удаленного на сотни километров от центра Киевской Руси, составляла единое целое с культурой остальных восточнославянских земель. Весь ее облик находит себе аналогии в древностях Киева, Чернигова и других русских городов того времени. Так, сердцевидные бляшки от поясного набора из Екимовского городища аналогичны бляшкам из Черниговского кургана Гульбище²⁹⁴, зерненные серебряные бусы и лунницы аналогичны гнездовским²⁹⁵, копиевским и др.²⁹⁶ То же можно сказать и о медных гривнах, браслетах, серебряных гладких височных кольцах, о многих орудиях труда и оружии.

Вместе с тем круг культурных и торговых связей древнерусского населения Днепровско-Прутского междуречья ограничивается не только русскими землями. Само их расположение на крайнем юго-западе Руси определяло направление контактов с западнославянским миром. Серьги, аналогичные

Рис. 40. Византийский трехручный кувшин с поселения Екимовцы.

екимоуцким, встречены в Токайском кладе (Венгрия), в Чехии, а керамика обнаруживает сходство с моравской и блучинской посудой. Такое же сходство можно проследить и с рядом польских и болгарских древностей.

Находка в Екимоуцах и Алчедарах серебряных саманидских диргемов и подражаний этим монетам определяет еще одно направление культурных и торговых связей — восток, Волжская Болгария.

О связях с Подунавьем и Византией свидетельствует найденный на Екимоуцком городище поливной трехручный кувшин (рис. 40). Такие сосуды изготовлялись в X—XI вв. в Византии и находившихся под сильным византийским влиянием городах Дунайской Болгарии.

Об интенсивной торговле свидетельствуют найденные на Екимоуцком городище серебряная весовая гривна и гирька обычного для этого времени типа.

4. Погребальный обряд и религиозные представления

Долгое время могильники древнерусского населения Молдавии оставались неизвестными. Наконец в 1961 г. в лесу, расположенном в 800 м к югу от Алчедарского городища, был открыт могильник, состоявший из 34 курганных насыпей²⁹⁷. Курганы тянулись узкой полосой с юго-запада на северо-восток. Насыпи — невысокие, имеют овальную в плане форму. Их очертания нечетки и сильно искажены растущими на них деревьями.

Исследованию подверглись десять курганов. Во всех насыпях отмечен единый обряд погребения и единообразие в конструкции самого кургана. В основании его обычно прослеживается центральная площадка из глины толщиной в 25—40 см. На площадке и в ямках, прорезающих ее, так же как и в насыпи, отмечены многочисленные погребения, совершенные по обряду трупосожжения.

Судя по тому, что вещевой инвентарь не носит следов действия огня, сожжение, очевидно, производилось где-то на стороне, а вещи клали в урны или ямы уже с пережженными кальцинированными костями.

Чаще всего кальцинированные кости помещались прямо в ямы, хотя насчитывается довольно значительное число погребений, в которых были найдены керамические урны с прахом.

В большинстве погребений инвентарь отсутствует, а там, где он обнаружен, количество находок невелико. Чаще всего это бусины (плитчатые, сердоликовые, со срезанными углами, четырнадцатигранные, зонная двойная из синей стеклянной пасты, серебряная бусеченно-коническая с зернью и сканью); бронзовые предметы (грушевидные пуговицы, кольцевидная трехпроволочная серьга); железные предметы (ромбовидный наконечник стрелы, калачевидное кресало с язычком, нож с прямой спинкой) и др.²⁹⁸

Курганные насыпи неоднократно перекапывались, и захоронения совершались многократно. Видимо, после сооружения первой насыпи она не-

однократно досыпалась, в ней делались ямы, доходившие до первоначального уровня погребальной площадки. По данным этих наблюдений, все погребения совершались в продолжение сравнительно небольшого отрезка времени (50—60 лет). Судя по обряду погребения на могильнике, часть населения Алчедара была еще языческой.

Ни в расположении, ни в могильном инвентаре не прослеживается сколько-нибудь значительной разницы между отдельными захоронениями, хотя, с одной стороны, встречены совсем безынвентарные, а с другой — одно погребение с серебряной бусиной. Это указывает на существование некоторого имущественного неравенства. Могильником пользовались, по-видимому, главным образом простые ремесленники-металлурги, поселок которых был расположен неподалеку от курганный группы.

Каждое гнездо жилищ в поселке составляло большую патронимную семью. Каждый курган служил, очевидно, усыпальницей членов семьи.

Весь комплекс находок из могильника: керамика, украшения, железные изделия — довольно четко датируют его — серединой X в. Этой датировке не противоречит ни одна из находок могильника. Интересно соотношение групп керамики (по составу примесей в гончарном тесте), найденной при исследовании всех 65 погребений. От 52,9 до 85,5% всей керамики содержат примесь песка, дресвы и слюды. Значительно меньше керамики с дробленым известняком или ракушкой и органическими примесями в тесте. Такое соотношение групп керамики характерно именно для X в.

Во второй половине X в. в курганах уже больше не хоронили, что связано, видимо, с широким распространением христианства. О проникновении христианства на древнерусские поселения в X в. говорят находки бронзовых нательных крестиков (рис. 41) на городищах Алчедары и Екимоуцы. Христианство, по-видимому, охватило в основном господствующую феодальную верхушку древнерусского общества среднего Поднепровья. Среди остальной части населения язычество еще проявлялось довольно ярко.

На Екимоуцком городище при раскопках было открыто языческое святилище, о чем можно судить (несмотря на плохую сохранность сооружения) по собранным здесь находкам. Это — подвески-амулеты из костей животных и волчьих клыков, две небольшие керамические лепешки с изображением креста в круге, две маленькие глиняные лошадки, покрытые циркульным орнаментом, с отверстием для ношения и просверленный медвежий клык (см. рис. 41). Эта находка особен-

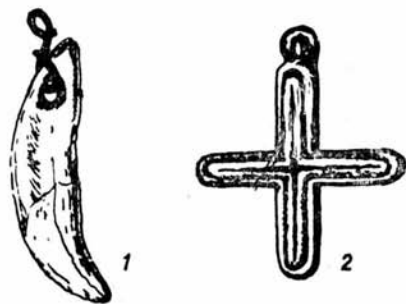

Рис. 41. Предметы культа с поселения Екимоуцы:

1 — просверленный медвежий клык-амулет; 2 — нательный крест.

но интересна, ибо, как известно, в древней Руси был широко распространен культ медведя. Таким образом, археологические материалы указывают на то, что в X в., а возможно и в начале XI в., христианство еще не укрепилось и язычество (или пережитки его) еще играло большую роль.

5. Судьбы восточнославянского населения Поднестровья

Блестящий период расцвета древнерусских поселений и городищ в Молдавии был прерван нашествиями степных печенегов и половцев. Исследования показали, что жизнь на екимоуцком поселении оборвалась внезапно. Все жилые и хозяйственные комплексы сгорели в бушевавшем пожаре. Все это свидетельствует о происшедшей жестокой битве, разгравшейся на территории поселения. Об этой битве свидетельствуют и находки огромного количества оружия: наконечники стрел (более 350), копий, грапеные и листовидные наконечники сулиц, кистени и т. п. В разных местах в слое найдены скопления человеческих и конских скелетов. В позвонке одного из конских скелетов, обнаруженном на южном склоне вала, находилась славянская ромбовидная стрела.

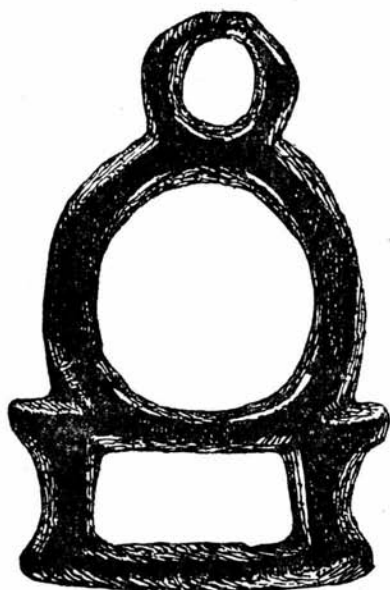
О том, что Екимоуцкое городище погибло в результате нападения именно кочевников, говорят находки 70 втульчатых, конусообразных, удлиненных наконечников стрел явно неславянского происхождения. Об этом может свидетельствовать результат анализа конских костяков, показавший, что наряду с высокорослыми лошадьми в бою участвовали и типичные степные низкорослые лошади²⁹⁹. О внезапном прекращении жизни свидетельствует также огромное количество вещевого материала, его местонахождение и характер. Найдено около 2000 индивидуальных вещей: ценные украшения, разнообразные орудия труда и т. д. Наряду с остатками многих тысяч типично древнерусских горшков был найден остродонный горшок кочевнической формы. Весь облик находок на городище указывает на то, что его гибель произошла где-то в середине XI в.

Если Екимоуцкое городище погибло в бою, то на других древнерусских поселениях и городищах такой картины не наблюдается. Они были лишь оставлены населением и, как показали материалы раскопок, их запустение произошло не ранее самого конца XI или даже первой половины XII в. Во всяком случае к середине XII в. после ожесточенных битв городищенская славянская культура была в основном уничтожена кочевниками. Однако славянское население полностью не исчезло. Часть его продолжала жить под защитой лесного массива в центральных районах, другая часть отступила на север, в земли Галицкого княжества.

Археологические исследования памятников XII—XIV вв. в центральных районах Молдавии (Оргеевские кодры) подтвердили, что здесь продолжала бытовать керамика, изготовленная в традиционной форме древнерусской посуды X—XI вв. В последующий период продолжали бытовать полуземлянки с печами-каменками восточнославянского типа и ряд других элементов культуры славян Поднестровья X—XII вв.³⁰⁰ Традиции древнерусской культуры явились одним из источников для формирования как материальной, так и духовной культуры молдавского народа.

ПАМЯТНИКИ
БАЛКАНО-ДУНАЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

(X—XIV вв.)

Сведения древних авторов:

За последние годы на территории Молдавии было открыто свыше ста памятников, относящихся к балкано-дунайской культуре, ареал распространения которой охватывает Нижнее Подунавье и прилегающие земли, в том числе Днестровско-Прутское междуречье. Некоторые из них были в той или иной мере исследованы. Изучение археологического материала, добытого на памятниках балкано-дунайской культуры, позволяет дать характеристику этой цивилизации, ее отдельных элементов, поставить вопрос о генезисе и этническом составе ее носителей. Вопрос о населении территории современной Молдавии в X—XIV вв. в письменных источниках освещен слабо. Пока известно, что до XII в. в Поднестровье обитали тиверцы и уличи. С начала X и до XIII в. в северопричерноморских степях, в том числе и на территории современной Молдавии, кочевали печенеги, торки и половцы³⁰¹, которые не только совершали разбойничьи набеги на оседлое население, но частично и сами поселялись в этих краях. В XIII в. упоминается куманская (половецкая) епископия³⁰², располагавшаяся в южной части Карпато-Днестровских земель.

С середины XII в. (1164 г.) на территории между Карпатами и Днестром документально отмечено и восточнороманское население — волохи³⁰³. В первой половине XIII в. (1234 г.) волохи жили в пределах куманской епископии и исповедовали православную веру.

После татаро-монгольского нашествия 1240—1242 гг. на территории современной Молдавии образовался золотоордынский центр. Затем сюда стали проникать разноэтнические группы населения из Северного Причерноморья³⁰⁴. В 1362 г. литовско-русские дружины Ольгерда в битве у Синих Вод (р. Синюха, приток Южного Буга) разгромили и изгнали татаро-монголов. Днестровско-Прутское междуречье стало частью Молдавского княжества.

Таким образом, на всем протяжении изучаемого периода состав населения на территории современной Молдавии был неоднородным. Памятники культуры X—XIV вв., встречающиеся на территории Молдавии, видимо, принадлежали этому населению.

1. Вопросы хронологии памятников

Хронология памятников балкано-дунайской культуры пока не изучена из-за недостатка материала. Однако имеющиеся на данном этапе материалы позволяют наметить основные хронологические рамки ее бытования.

На селище Лимбарь-Кэпрэрия у с. Ханска Котовского района был обнаружен наиболее ранний комплекс этой культуры. В полуземлянке № 11 вместе с глиняной посудой местного изготовления были найдены фрагменты серой гладкой керамики салтовского типа, которая везде датируется не позже X в.³⁰⁵ Несколько аналогичных комплексов были найдены и на поселении у с. Калфа. На селище Лукашевка V обнаружена землянка, в которой найдено шиферное пряслице конца X — первой половины XI в.³⁰⁶ На поселении Петруха Оргеевского района в землянке № 2 находились два шиферных пряслица и калачевидное кресало с язычком. По этим датирующим предметам можно сказать, что комплекс жилища относится ко второй половине XI — первой половине XII в.³⁰⁷ На селище Лимбарь-Кэпрэрия в закрытом комплексе землянки № 18 (перекрытой более поздней полуземлянкой) была найдена горловина амфоры, форма которой характерна для XI—XII вв. в городах Северного Причерноморья³⁰⁸.

На этом же поселении обнаружена дважды перестроенная землянка № 7. Образцы, взятые для определения возраста палеомагнитным методом, показали, что сооружение построено во второй половине XII в. (1150—1170 гг.), а переделано в конце XII — первой половине XIII в. (1190—1220 гг.).

На поселении Лукашевка V и селище Лимбарь-Кэпрэрия в закрытых комплексах находилась золотоордынская посуда, характерная в Молдавии для первой половины XIV в. На селище Лимбарь-Кэпрэрия, у се-

ла Ханска, в полуземлянке № 12, кроме балкано-дунайского материала, была найдена золотоордынская керамика и две золотоордынские монеты середины XIV в., а в заполнении землянок № 17, 33 — медные золотоордынские монеты того же времени.

Указанные комплексы, содержащие датирующие предметы и аналоги отдельных видов вещей, свидетельствуют о том, что балкано-дунайская культура на территории Молдавии относится к X—XIV вв. и, по-видимому, охватывает весь хронологический период непрерывно.

2. Жилища. Занятия населения

Типы жилых сооружений

На изучаемой территории известны только поселения сельского типа. Они довольно велики и расположены в долинах малых рек и ручьев на пригодных для обработки землях. Жилища, погреба, ямы-хранилища на поселениях балкано-дунайской культуры, судя по имеющимся данным, располагались гнездами. На селище Ханска, к примеру, в западном конце, где вскрыта значительная компактная площадь были обнаружены три гнезда. Жилища балкано-дунайских поселений отличались друг от друга не только и, возможно, не столько конструктивными особенностями, сколько интерьером. Они, как правило, однокамерные. На селище Лукашевка была обнаружена большая землянка площадью 31,36 кв. м при глубине свыше двух метров, которая была разделена на две или даже на три части³⁰⁹. Возможно, что эта землянка была разделена на комнаты.

Самые большие отличия наблюдаются в устройстве, типах и месторасположениях в интерьере отопительных сооружений. В этом отношении наблюдается удивительное разнообразие не только в пределах культуры, но и на отдельных памятниках. Судя по имеющимся археологическим данным, на поселениях балкано-дунайской культуры известны жилища с очагами, печами и жилища с очагами перед устьями печей. Жилища с очагами встречаются на поселениях не часто. Так, на поселении Калфа их обнаружено три³¹⁰, на селищах Лукашевка — одно, Петруха — одно³¹¹, Ханска — десять из 30 открытых³¹².

Очаги бывают ямные, то есть устроенные в круглой или овальной в плане яме глубиной 20—30 см, и тарелкообразные, то есть устроенные на дне тарелкообразного углубления, достигающего 5—10 см. Ямные очаги чаще всего обложены камнями, а тарелкообразные — обмазаны глиняным раствором и утрамбованы. В интерьере жилища очаг размещался в центре, в углу или около одной из торцевых стенок, иногда перед специально сделанной нишей.

Полуземлянки с очагами в центре встречаются редко. Так, на поселениях Калфа, Лукашевка, Петруха обнаружено по одному такому жилищу, а на селище Ханска — три. Прототипами для этих жилищ могли быть юрты степных кочевников³¹³ и временные легкие шалаши волохов-пастухов. Жилища с очагами в углу встречаются на поселениях значи-

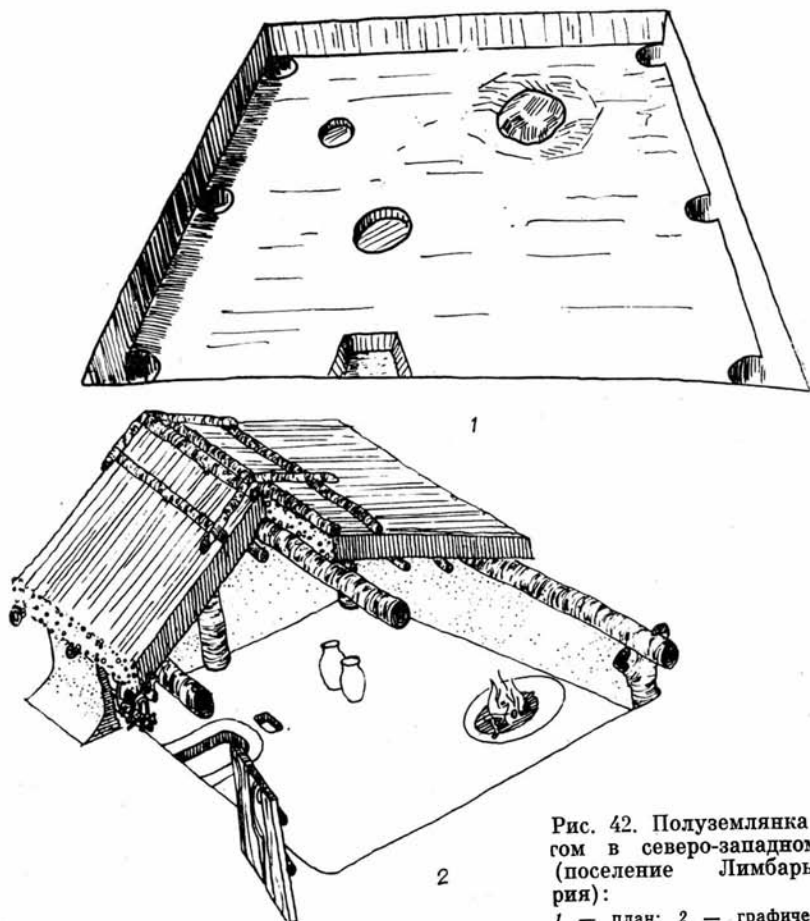

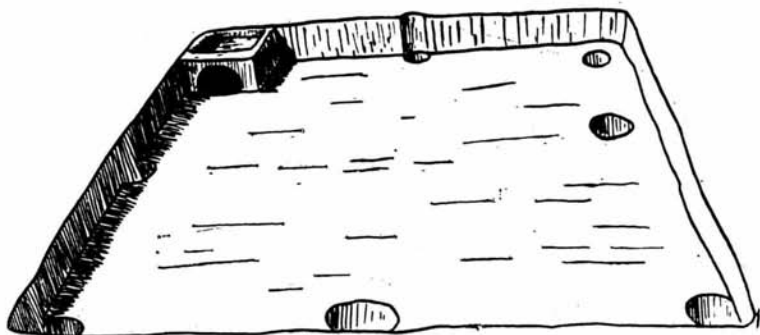
Рис. 42. Полуземлянка с очагом в северо-западном углу (поселение Лимбарь-Кэпрэрия):

1 — план; 2 — графическая реконструкция (выполнена автором статьи и архитектором А. Х. То-раманияном).

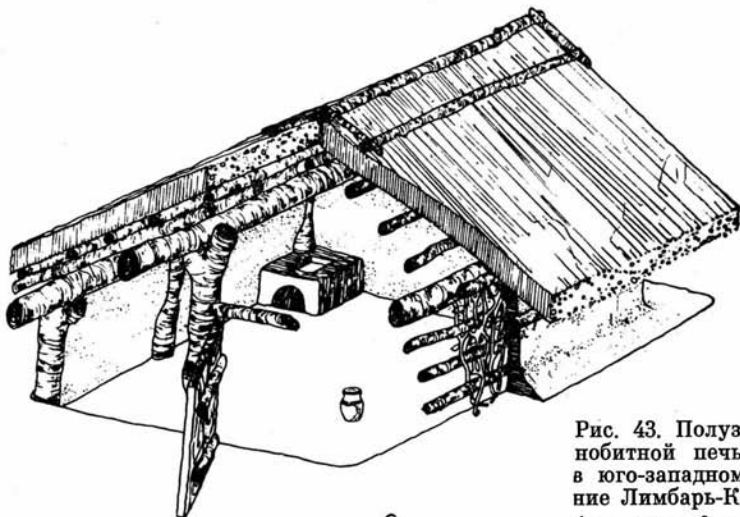
тельно чаще, чем предыдущие. Так, на поселении Калфа обнаружены две такие полуземлянки, на селище Лукашевка — одна, а в поселке у села Ханска — семь (рис. 42).

Очаги всех разновидностей, встречаемые в жилищах на поселениях, представляют собой традиционный, южный тип отопительного сооружения, возникшего в глубокой древности и сохранившегося вплоть до наших дней. Так, очаг в наземных и полуземляночных жилищах населения территории Молдавии был почти единственным типом отопительного сооружения с древнейших времен и до прихода в эти края славян в VI в.

Жилища с печами на поселениях балкано-дунайской культуры встречаются довольно часто, а на некоторых даже преобладают над полу-

1

2

Рис. 43. Полуземлянка с глинобитной печью и жаровней в юго-западном углу (поселение Лимбарь-Кэпрэрия):

1 — план; 2 — графическая реконструкция (выполнена автором статьи и архитектором А. Х. То-
раманяном).

землянками с очагами. Печи бывают каменными и глинобитными. На одних поселениях в жилищах встречаются только печи-каменки, а на других — печи-каменки и глинобитные. Так, на поселениях Калфа, Лукашевка, Петруха встречены только печи-каменки, а на селище Ханска из восьми жилищ с печами только в двух были печи-каменки. Печи-каменки, встречающиеся в жилищах на поселениях балкано-дунайской культуры, точно такие же, как и в жилищах славянских поселений, и поэтому в балкано-дунайской культуре они являются славянской этнографической чертой³¹⁴.

Глинобитные печи на этих поселениях отличаются некоторым разнообразием. Все они выкопаны в виде ниши в стенках полуземлянок, тщательно обмазаны глиняным раствором, а под сильно утрамбован. В плане печи бывают прямоугольные или полуовальные и круглые. Полуовальные

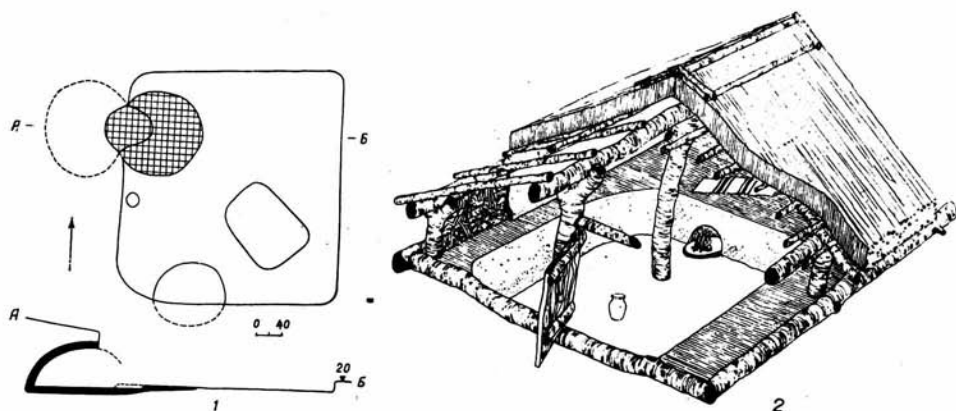

Рис. 44. Полуземлянка с очагом перед устьем глинобитной печи (поселение Лимбарь-Кэпрэрия):

1 — план; 2 — графическая реконструкция (выполнена автором статьи и архитектором А. Х. Торамянном).

или прямоугольные глинобитные печи (рис. 43) аналогичны славянским глинобитным печам, устроенным в останцах³¹⁵.

Круглые в плане печи — большого диаметра. Иногда они достигают 1,6—1,8, редко — 2 м, при высоте свода над подом около 0,6—0,8 м и устьем шириной около 0,3—0,4 м. Печи большого размера, несомненно, были производственного назначения, а остальные, видимо, бытового.

Довольно частым явлением на поселениях балкано-дунайской культуры Молдавии X—XIV вв. является наличие печи и очага в одном жилище. На селищах Лукашевка и Петруха найдено по одному такому жилищу, а на поселении X—XIV вв. у с. Ханска их обнаружено шесть.

В одних случаях печь-каменка или глинобитная и очаг устроены рядом. В других случаях печь находится в одной части полуземлянки, а очаг в другой.

Наличие в жилых комплексах очагов и печей представляет собой, видимо, проявление в материальной культуре одного из этапов славяно-романского симбиоза, имевшего место на ранней стадии развития балкано-дунайской культуры. Следующим этапом проявления этого симбиоза, возможно, было появление в жилищах печи с очагом перед топкой. Так, в жилище № 27 на селище Ханска была обнаружена глинобитная круглая в плане печь, выкопанная в торцевой стенке около правого противоположного угла от предполагаемого входа. Перед устьем печи на уровне и в продолжении ее пода был устроен овальный, в плане плоский, обмазанный глиняным раствором и утрамбованный очаг (рис. 44). Жилища с таким совмещающим в себе два элемента отопительным сооружением в X—XIV вв. встречались редко. Позже, однако, они стали характерными для многих народов Центральной и Юго-Восточной Европы³¹⁶, в том числе и молдавского, тогда как восточнославянские на-

роды пользовались в быту только печью³¹⁷, а население Западной Европы — очагом³¹⁸.

Земледелие, скотоводство. Охота, рыболовство

Расположение поселений балкано-дунайской культуры на пригодных для обработки земель, около лесных массивов и пастбищ, свидетельствует о том, что жители занимались земледелием и скотоводством. Это подтверждают и археологические данные.

На поселениях Бранешты XIII и Лимбарь-Кэпрэрия найдены фрагменты лезвий серпов и кос, на селищах Лимбарь-Кэпрэрия и Лукашевка V — железные соскребы для очистки плужных лемехов от налипшей на них земли, а на поселении Петруха обнаружены зерна мягкой пшеницы, ржи, овса и ячменя. Кроме того, на всех поселениях были найдены фрагменты и целые экземпляры ручных мельниц с каменными жерновами. Во многих жилищах встречены остатки специальных глиняных жаровень, на которых сушили зерно перед помолом. Зерно хранили в земляных ямах, часто встречающихся на поселениях.

О скотоводстве свидетельствует множество собранных фрагментов костей животных. Население разводило крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей и птиц. Судя по данным остеологических остатков, состав стада был следующим: крупный рогатый скот составлял 36%, мелкий рогатый скот — 23, лошади — 22, свиньи — 19%. На селищах были найдены костяные амулеты — онгоны или обереги, из которых крупные, видимо, были предназначены для скота.

На селищах балкано-дунайской культуры встречаются предметы, свидетельствующие о том, что обитатели в какой-то мере занимались охотой, рыболовством и собирательством. Почти на всех поселениях встречаются кости диких животных. Охотились на благородного оленя, кабана, косулю, зубра или тура, барсука, лисицу и зайца. О рыболовстве свидетельствуют грузила для сетей и кости рыб. Найденные на поселении Петруха обугленные косточки кизила и терна говорят о том, что жители занимались и собирательством.

Обработка металла

На поселениях балкано-дунайской культуры лесостепной полосы Молдавии открыты остатки сооружений, инструменты и другие находки, по которым можно установить, что обитатели занимались различными ремеслами. Почти везде видны следы железоделательного производства. При раскопках на селище Петруха в специальной яме в одном из жилищ было обнаружено около 10 кг железной руды. Возле этого жилища найден и сыродутный горн. Видимо, здесь жил мастер.

Откуда обитатели этих мест брали руду, пока достоверно не известно. Кандидат геолого-минералогических наук М. И. Жеру установил, что такой вид породы, который встречается на исследованных поселениях, известен в среднем Побужье. Железо из руды получали в сыродутных горнах. Их остатки были найдены на поселениях Петруха и Лимбарь-Кэпрэрия. Горны, как правило, такие же, как и у славян Поднестровья.

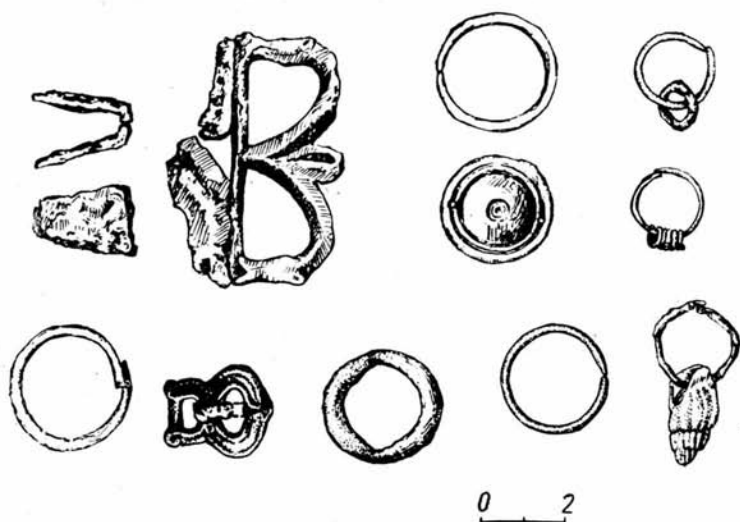

Рис. 45. Украшения с памятников балкано-дунайской культуры X—XIV вв.

На поселениях находят сотни килограммов железного шлака: только в заполнении землянки № 2 на селище Петруха собрано около 8 кг и 7 кг в землянке № 3. Видимо, мастера, добывавшие кричное железо, занимались и кузнечным ремеслом. На селищах найдено большое количество железных кованых предметов, среди них долота, пробойники, ножи, стрелы, пряжки, кресала и другие изделия простых и сложных форм. Большинство из них, очевидно, было изготовлено на месте.

Возможно, те же кузнецы занимались и ювелирным делом. О местном изготовлении некоторых украшений из цветных металлов свидетельствуют находки глиняных тигельков, льячек и литейных форм. Украшения из цветных металлов представлены серьгами, кольцами, бляшками-накладками простых форм (рис. 45).

Кроме этих ремесел, вероятно, были и другие, о которых трудно судить по археологическим данным. Очевидно, на поселениях были мастера, изготавливавшие различные предметы из кожи, дерева. На селищах неоднократно встречаются раскроечные ножи, ушки от деревянных ведер. Часто можно найти предметы из кости: юрки, проколки, украшения. Но сделаны ли они специалистами-костерезами, пока трудно сказать.

Гончарное производство

Гончары-ремесленники занимались изготовлением глиняных изделий. На посуду шла жирная глина с примесью толченых ракушек, песка, растительных остатков. Встречается керамика, изготовленная из природно тощей глины. Формовали посуду на круге, украшали только углубленным орнаментом, обжигали в одноярусных и двухъярусных горнах ямного типа.

Одноярусные горны встречаются двух вариантов: овальные и круг-

лые в плане. Две овальные печи обнаружены на поселении Лимбарь-Кэпрэрия. Они располагались вне построек на противоположных окраинах селища. Типологически они сходны с обычными бытовыми глинобитными печами, только в несколько раз больше размерами и имеют предтопочные ямы.

Круглые в плане и колоколовидные в сечении печи с топочным отверстием в основании и загрузочным в верхней части встречаются значительно чаще. На поселении Лимбарь-Кэпрэрия обнаружено 12 таких печей. Из них восемь выходили топками в жилища полуземляночного типа, а остальные располагались вне сооружений. Два круглых горна были сооружены в пологом склоне небольшой лощины на западной окраине селища. Некоторые из них, очевидно, были предназначены для обжига керамики.

Видимо, некоторые полуземлянки, к которым примыкали печи, были одновременно жилищами и мастерскими гончаров. В одной из них, кроме горна, который был сооружен в стене, обнаружены две бытовые печи, в другой была еще глинобитная печь, в третьей — очаг, в четвертой обнаружены очаг и горн с большой предтопочной ямой. Круглые в плане печи достигают в диаметре 2 м и по объему значительно больше овальных печей. Т. Б. Нечаева, изучавшая образцы пода такой печи, установила, что температура в них достигала 700°C. Об этом же, очевидно, свидетельствует толстый прожог подов и сводов у этих горнов, который достигает до 10 см.

Аналогичные гончарные горны известны в золотоордынском городе первой половины XIV в. на территории Молдавии³¹⁹, открытом у с. Костешты Котовского района в 7 км от поселения Лимбарь-Кэпрэрия. Следует отметить, что в заполнении одного из таких горнов была найдена медная золотоордынская монета середины XIV в., а в землянке № 1 с такой же печью найдена горловина византийской амфоры XII в. Видимо, круглые в плане горны появились на территории Молдавии в X в. и бытовали до XIV в., а возможно, и позже.

Кроме рассмотренных печей, на селище Лимбарь-Кэпрэрия был обнаружен один двухъярусный горн. Конструктивные особенности этого сооружения могут свидетельствовать о том, что мастер создал двухъярусный горн на основе одноярусного. Он соорудил почти круглую в плане печь. Из крупных кусков глиняных жаровень сделал пять подпорок, установил четыре столбика по периметру и один в центре, а над ними вылепил из глины жаровню или под обжигательной камеры. Для устойчивости подпорные столбики были немного углублены в грунт и тщательно обмазаны у основания глиняным раствором. Продухи, судя по некоторым остаткам, располагались только по периметру. Видимо, полуземлянка была жилищем и мастерской гончара.

Обжиг керамики в указанных выше печах был недостаточно окислительным или восстановительным. В результате этого посуда была коричневого цвета с широкой гаммой оттенков — от красного до черного.

Гончары изготавливали шероховатую посуду, предназначенную для бытовых целей. Ассортимент изделий небольшой: горшки, кувшины, миски

Рис. 46. Сосуд с отогнутым венчиком и усеченно-коническим туловом из могильника Лимбарь.

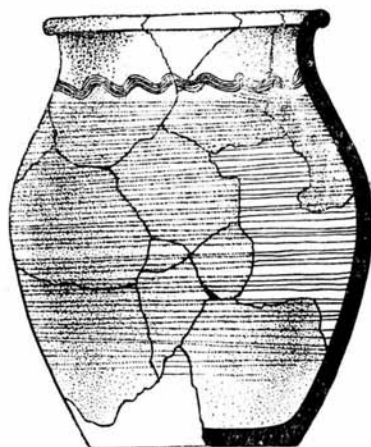

Рис. 47. Сосуд с утолщенным венчиком и бочкообразным туловом с поселения Петруха.

и чашки. Кроме того, гончары, вероятно, изготавливали пряслица, тигельки, сопла и другие предметы из глины.

Основную группу керамики балкано-дунайской культуры образуют горшки, предназначенные для приготовления пищи. Они составляют более 95% общего числа посуды. По очертаниям горшки бывают двух форм: с усеченно-коническим и бочкообразным туловом. У первых плечики расположены значительно выше середины общей высоты. У горшков с бочкообразным туловом наиболее широкая часть находится ближе к середине сосуда. Форма тулова у абсолютного большинства горшков усеченно-коническая.

По форме горловины или только венчика горшки подразделяются на пять вариантов. На всех поселениях встречаются горшки с отогнутым венчиком (рис. 46). Тулово у них усеченно-коническое и украшено углубленным орнаментом в виде прямых и волнообразных линий, нанесенных вилчатым или гребенчатым инструментом с частыми зубьями. Но на этих горшках часто встречается орнамент, нанесенный инструментом в виде палочки. Он характерен для славянской керамики Молдавии. Эти сосуды типичны для поселений славян молдавского Поднестриевья³²⁰, а в балкано-дунайской керамике являются славянской этнографической чертой в несколько измененном виде.

На изучаемых поселениях довольно часто встречаются горшки с отогнутым венчиком и утолщенным наружным краем (рис. 47). Тулово их усеченно-коническое, реже бочкообразное. Они украшены углубленным орнаментом в виде прямых и волнообразных линий, нанесенных чаще всего вилчатым или гребенчатым инструментом с частыми зубьями, но встречается и рисунок, сделанный инструментом в виде заостренной палочки. Эти сосуды имеют некоторые черты сходства с салтовскими

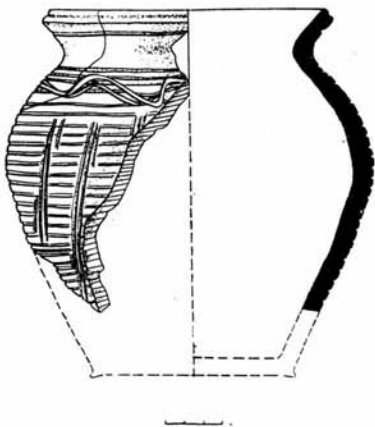

Рис. 48. Горшок с отклоненным венчиком с поселения Лимбарь-Кэпрэрия.

Рис. 49. Глиняная чашечка с поселения Петруха.

горшками³²¹, но отличаются деталями формы. Возможно, что салтовские сосуды, занесенные в наши края тюрко-болгарами, были их прототипами. Таким образом, бочкообразные и шарообразные формы горшков с утолщенным наружным краем венчика могут быть салтовской (болгарской) этнографической чертой в балкано-дунайской керамике.

Горшки с венчиком в виде круглого валика являются местной формой посуды. У этих сосудов тулово усеченно-коническое, реже бочкообразное, а украшены они только углубленными линиями, нанесенными вилчатым или гребенчатым инструментом с частыми зубьями. Типологически прототипами этих сосудов могли быть горшки с утолщенным наружным краем венчика.

Самый малочисленный вариант посуды представляют горшки с крышками. Эти сосуды состоят из двух частей: горшка с пазом по венчику и крышки к нему. На раскапываемых поселениях найдены считанные экземпляры фрагментов крышек. Горшки с крышками являются древней формой посуды, видимо, воспринятой местным населением из римской керамики³²². Таким образом, они могут быть романской этнографической чертой в керамике этой культуры.

Последний вариант составляют горшки с отклоненным венчиком (рис. 48). Форма тулова — усеченно-коническая, некоторые из них имели ленточные ручки с продольными желобами на лицевой стороне. Сосуды украшены углубленным орнаментом в виде прямых или волнообразных линий, нанесенных вилчатым инструментом или заостренной палочкой. Форма их, по-видимому, была воспринята из римской керамики романизованным населением. Бытовали эти сосуды в различной степени на протяжении столетий³²³. Таким образом, форма горшков с отклоненными венчиками является романской этнографической чертой в керамике бал-

кано-дунайской культуры. На селище Лимбарь-Кэпрэрия найдено довольно много фрагментов глиняных котлов и несколько фрагментов горшков, имеющих аналогии только в керамике степных кочевников-печенегов и половцев³²⁴.

Кроме рассматриваемых форм посуды, в керамике балкано-дунайских поселений исключительно редко, но встречаются кувшины, миски и чашки (рис. 49) с древними этнографическими чертами.

Кувшины с высоким вертикальным венчиком и усеченно-коническим туловом являются славянской формой посуды³²⁵. На селище Лимбарь-Кэпрэрия найдена горловина кувшинчика, имеющего черты сходства с аналогичными изделиями кочевников X—XI вв.³²⁶

Миски усеченно-конической формы с прямыми или слегка дугообразными стенками аналогичны славянским³²⁷. Усеченно-конические чашечки являются древней местной формой посуды, прототипом которой были гетские чаши³²⁸. На днищах сосудов встречаются многочисленные и разнообразной формы рельефные клейма. Таким образом, гончарное ремесло и керамика балкано-дунайской культуры лесостепной полосы Молдавии несут на себе отпечатки различных этнографических черт.

Из домашних занятий археологически различаются обработка волокнистых растений и шерсти, прядение, ткачество, шитье. На поселениях Петруха³²⁹ и Лимбарь-Кэпрэрия были найдены железные зубья от станка для обработки шерсти и конопляных волокон. О прядении говорят многочисленные шиферные, глиняные, а также изготовленные из стенок привозных амфор и местных сосудов пряслица³³⁰. О ткачестве свидетельствуют фрагмент обожженной глины с отпечатком тонкой ткани³³¹, а также обломки нескольких костяных юрков.

В женском погребении № 24 на могильнике Кэпрэрия (X—XII вв.) была найдена железная иголка с ушком. Вероятно, женщина, которой в могилу положили иголку, при жизни славилась искусным шитьем. В захоронении № 22 этого же могильника обнаружен кусок дубленой тонкой кожи. Видимо, на поселениях были умельцы, которые занимались ее обработкой.

Экономические и культурные связи

На поселениях балкано-дунайской культуры лесостепной полосы Молдавии найдены различные предметы, свидетельствующие об экономических и культурных связях жителей этого края с близкими и дальними соседними народами.

Некоторые изделия поступали в эти края из восточнославянских или древнерусских центров. Например, почти на всех поселениях рассматриваемой культуры найдена керамика из восточнославянских центров среднего Поднепровья. Однако на различных поселениях она встречается в неодинаковом количестве. В местах, расположенных на небольшом расстоянии от восточнославянских поселений, ее находят значительное число сосудов. Так, на селище Петруха из 15 996 фрагментов посуды около 2775 обломков оказались восточнославянскими, что составляет около 17%. На поселениях, значительно удаленных от названных центров, встреча-

Рис. 50. Фрагмент глиняного пряслица с надписью с поселения Лимбарь-Кэпрэрия.

Рис. 51. Бронзовая литая книжная застезка с поселения Лимбарь-Кэпрэрия.

ются лишь отдельные фрагменты этой керамики. На селище Лимбарь-Кэпрэрия, которое находится на расстоянии около 100 км к юго-западу от восточнославянских поселений, эти изделия составляют около 0,22%.

На балкано-дунайских селищах изучаемой территории Молдавии встречаются шиферные пряслица, поступающие из древнерусских центров Поднестровья. Они были найдены на всех раскопанных поселениях. Представляет интерес, что все шиферные пряслица датируются X — первой половиной XII в. Более поздние пока не найдены. Видимо, эти предметы попадали на балкано-дунайские поселения через восточнославянские центры среднего Поднестровья, так как после их гибели в конце XI — начале XII в. прекратилось и поступление шиферных пряслиц.

Носители балкано-дунайской культуры Молдавии имели более широкие экономические и культурные связи с центрами Нижнего Дуная и северного Причерноморья. Из названных районов постоянно, на протяжении X—XIV вв. поступали амфоры с товарами. На всех поселениях встречается значительное количество фрагментов амфор, свидетельствующее об интенсивной торговле.

Из византийских центров Нижнего Дуная поступала поливная керамика с глазурью оливкового цвета, посуда, крашенная охрой, стеклянные браслеты и сосуды, а также некоторые украшения из цветных металлов: браслеты, лунницы, лировидные пряжки, шляпообразные бляшки-накладки, бронзовые пуговицы и др.

На селищах балкано-дунайской культуры в Молдавии в небольшом количестве встречаются фрагменты гладкой с лощеным и углубленным орнаментом керамики так называемого салтовского типа. На памятниках XI—XIV вв., типа Лукашевка, Петруха, и в поздних комплексах на селище Лимбарь-Кэпрэрия такая керамика не известна. Видимо, она датируется периодом до начала XI в. Так как эта посуда встречается на по-

селениях в виде отдельных фрагментов, то, скорее всего, ее привозили из центров Северного Причерноморья.

Об интенсивных и длительных экономических и культурных связях населения Прутско-Днестровского междуречья с центрами Нижнего Подунавья, видимо, могут свидетельствовать такие находки, как пряслице с надписью на греческом языке (рис. 50) и бронзовая книжная застёжка (рис. 51). Возможно, что в наши края из центров Нижнего Подунавья одновременно с торговлей проникала также и грамота.

3. Погребальные обряды

Обитатели балкано-дунайских поселений хоронили умерших в грунтовых могильниках, расположенных рядом с поселениями. Недалеко от селища Лимбарь-Кэпрэрия вскрыты два могильник. Около селища Бранешты XIII в Оргеевских кодрах обнаружен один грунтовой могильник, находившийся в непосредственной близости от поселка. Однако известны и отдельные захоронения в пределах поселений. Три из них имеются на селище Лукашевка V в Оргеевском районе. Погребальные обряды известны главным образом по могильникам поселения Лимбарь-Кэпрэрия.

Могильники расположены на довольно крутых склонах холмов. Они грунтовые, ямные, а захоронение умерших совершено по обряду трупоположения. Только на могильнике поселения Бранешты XIII из 100 погребений было обнаружено три захоронения, совершенных по обряду трупосождения.

Могильники поселения Лимбарь-Кэпрэрия разновременны. Кладбище Кэпрэрия, на котором обнаружено всего 75 погребений, относится к X—XI вв.³³², а Лимбарь — к XII—XIV вв.³³³ На основе этих могильников можно наблюдать динамику деталей погребальных обрядов с X по XIV в. Для всего хронологического периода характерна малочисленность захоронений с погребальным инвентарем. Умерших хоронили по христианскому обычаю в простых ямах, в вытянутом положении, на спине, головой на запад, (с сезонными отклонениями), но имеются и языческие черты.

В X—XI вв. на территории Молдавии еще существовал обычай хоронить умерших в простых или круглых ямах в скорченном положении (рис. 52). Ориентировка, положение рук и ног различны. На могильнике Кэпрэрия обнаружено восемь таких захоронений. Каждое имеет индивидуальные черты. К примеру, в двух погребениях умершие лежали на спине с согнутыми ногами, но один из них — в простой яме, голова повернута на запад, (а другой — в круглой яме, голова обращена на юг). В двух других случаях погребенные были уложены на боку, головой на запад, но один — в простой яме со ступнями около черепа, другой — в круглой яме с согнутыми перед собой руками и ногами. В пятом случае мужчина в возрасте около 50 лет был захоронен в простой яме нич-

ком, головой на северо-восток, с подогнутыми ногами и руками.

Кроме указанных скорченных захоронений, на могильнике Кэпрэрия было найдено семь кенотафов — символических захоронений людей, умерших вдали от местообитания. Ямы этих погребений все круглые в плане, цилиндрические, колоколовидные в сечении и заполнены перемешанным грунтом с подсыпкой древесных углей. В одной из ям был найден скелет телят, а в другой — несколько костей животных и фрагменты керамики. Все погребения, содержащие ярко выраженные языческие черты, занимают на территории могильника обособленную площадь. Видимо, в этом месте хоронила умерших группа пришлого населения, которая и в поселке жила обособленно.

В XII—XIV вв. отмеченные языческие погребальные обычаи не известны. Видимо, они исчезли задолго до этого периода. Возможно, их носители были этнографически ассимилированы основной массой жителей поселения, которые придерживались обычая хоронить усопших по-христиански.

Однако в период XII—XIV вв. появилось население, которое хоронило умерших в простых ямах, но с вещами и меридиальной ориентировкой. На могильнике Лимбарь семь захоронений были ориентированы головой на север, а два — на юг³³⁴. Это, вероятно, следует связать с появлением в этот период на селище Лимбарь-Кэпрэрия новой группы населения, которая ориентировала умерших на север или юг. Это предположение подтверждается тем, что некоторые из захоронений отличаются от основной массы и антропологически, имея явные монголоидные черты³³⁵. Видимо, появление новой группы населения, практиковавшей иные погребальные обряды, можно объяснить созданием в этих краях в начале XIV в. золотоордынского центра.

В X—XIV вв. на территории Молдавии известен обычай хоронить на кладбище животных или их отдельные части. На кладбище Кэпрэрия вскрыто одно погребение телят в круглой яме, а в различных концах могильника Лимбарь было обнаружено четыре таких захоронения (козы, поросенка и лошадиных костей). Вероятно, это также связано с появлением в здешних краях и оседанием на земле групп степных кочевников.

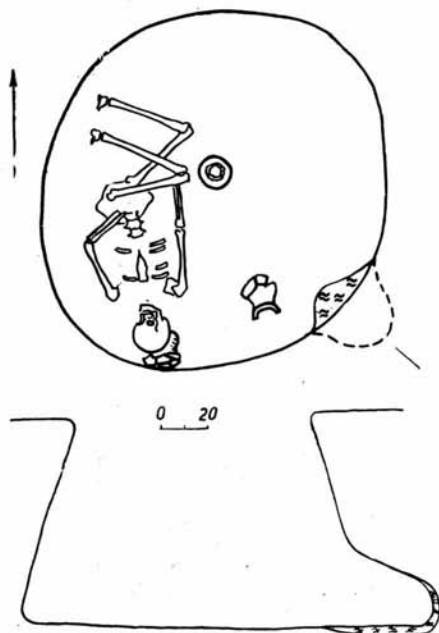

Рис. 52. Схема языческого захоронения в круглой яме (могильник Кэпрэрия).

Становление деталей христианского погребального обряда

Христианские погребения, кроме ориентации, характеризуются и особым положением рук умерших.

Обычай укладывать умершему руки на грудь (или вернее на живот) возник не сразу. Об этом свидетельствуют археологические данные. По тому, как укладывали руки умершим в X—XIV вв., выделяются пять различных видов: 1) руки вытянуты вдоль тела; 2) одна рука лежит вдоль тела, кисть другой — на тазобедренных костях; 3) кисти обеих рук уложены на тазобедренных костях; 4) кисть одной руки уложена на тазе, а другой — на животе; 5) кисти рук уложены на животе или груди (рис. 53). Количественное соотношение названных видов, возможно, свидетельствует о

процессе постепенного перехода от первого вида к пятому, наиболее характерному для христианского обычая.

Виды погребений на могильниках Кэпрэрия и Лимбарь, подразделяемые по признаку положения рук

Вид захоронений	Кэпрэрия (X—XII вв.)		Лимбарь (XII—XIV вв.)	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Первый	23	41,5	13	16,6
Второй	4	7,1	10	12,5
Третий	8	15,5	21	26,7
Четвертый	6	10,6	10	12,5
Пятый	14	25,3	25	31,7

Видимо, христианский погребальный обряд начал складываться на рубеже IX—X вв., но процесс шел медленно и к XII—XIV вв. не был еще полностью завершен.

Как видно из представленной таблицы, на могильнике Кэпрэрия больший процент составляют по-

гребения первого вида, а на кладбище Лимбарь — пятого. Это свидетельствует о постепенном становлении христианского обычая укладывать умершим руки на животе или груди.

С укреплением христианства, видимо, начали возникать и секты. По мнению некоторых исследователей, погребенные, у которых кисти рук уложены у плеч или подбородка, были сторонниками секты богомилов. Несколько таких захоронений было найдено и на могильниках X—XIV вв. в Молдавии.

У носителей балкано-дунайской культуры в X—XIV вв. известны случаи вскрытия могил и членения покойников. На могильнике Кэпрэрия в одном случае у погребенного мужчины была отрублена левая нога и уложена пяткой на грудной клетке. В другом случае у умершего была отрезана большая часть туловища вместе с головой. На могильнике Лимбарь погребена женщина в возрасте около 40 лет, у которой отрезанная голова повернута лицом вниз, а верхняя часть туловища лежала на тазобедренных костях. Известны случаи вскрытия захоронения для совершения какого-то обряда. При этом кости ног³³⁶ были смещены.

Аналогичные способы практиковались в середине века у славянских народов³³⁷ и у восточных романцев³³⁸ вплоть до начала XX в. По

мнению исследователей, такие явления в погребальной обрядности свидетельствуют о борьбе христианской религии с остатками языческой идеологии, носителями которой были знахари, колдуны и т. д. Видимо, указанные погребения могильников X—XIV вв. в Молдавии свидетельствуют о том же.

На 14 черепах из могильников Лимбарь и Кэпрэрия были обнаружены от одного до трех круглых искусственных углублений, расположенных на сагитальном шве или около него. Пока трудно достоверно связать эти отметины с каким-то обрядом или сказать, что они являются результатом лечения от каких-то болезней³³⁹. Следует отметить, однако, что на могильнике Кэпрэрия они обнаружены на девяти черепах из 70, а на кладбище Лимбарь — на пяти из 96. Видимо, обряд или лечение, в результате которых оставались эти углубления, совершали язычники или знахари, а после проникновения христианства сфера их деятельности стала сужаться.

Таким образом, в погребальных обрядах носителей балкано-дунайской культуры X—XIV вв. наблюдаются черты становления христианских обычаев при сохранении языческих элементов.

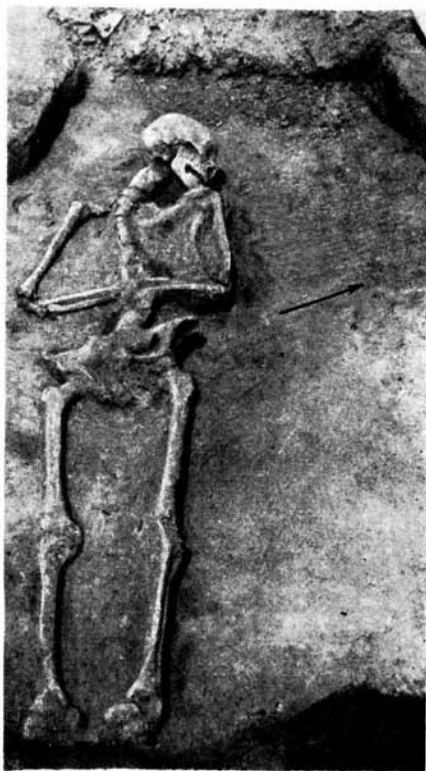

Рис. 53. Христианское захоронение (могильник Кэпрэрия).

4. Варианты балкано-дунайской культуры

Как было отмечено, балкано-дунайская культура была распространена на широкой территории к северу и югу от нижнего течения Дуная. Территория Днестровско-Прутского междуречья являлась северо-восточной окраиной данного этнокультурного ареала. Вполне естественно, что памятники, расположенные в различных частях региона, имеют значительные локальные особенности. Становлению локальных вариантов культуры могли способствовать естественно-географические условия, занятие и образ жизни обитателей, а также различия в этническом составе населения.

На территории Днестровско-Прутских земель (на основе данных археологических раскопок и разведок) выделяются четыре варианта бал-

кано-дунайской культуры. Они отличаются друг от друга составом определенных элементов культуры, их количественным соотношением на памятниках каждого из вариантов.

Памятники типа Калфа

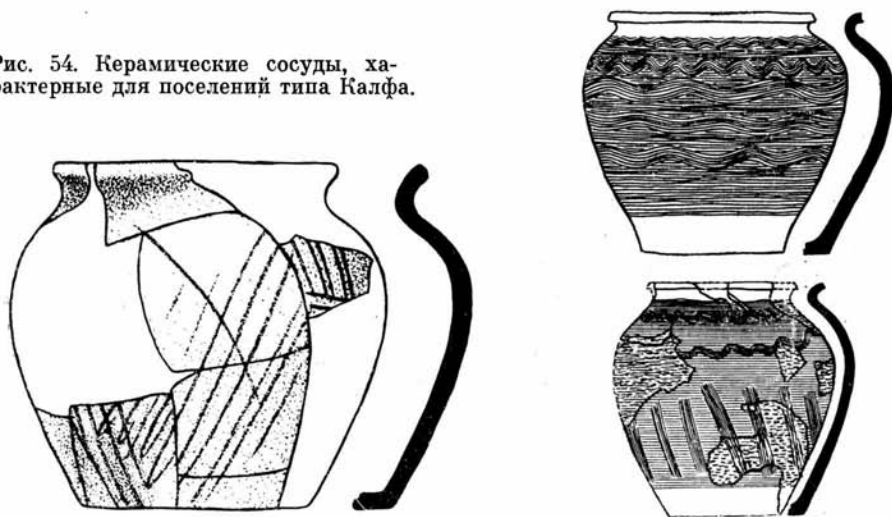
Памятники типа Калфа³⁴⁰ обнаружены на юге, в степной части Молдавской ССР и на территории Одесской области УССР. В настоящее время известны несколько десятков поселений³⁴¹. Раскопки велись на поселениях Калфа, Этулия (МССР), Криничное и Софьяны (УССР). Добытый путем раскопок и разведок археологический материал еще недостаточен для решения вопроса о происхождении и характере памятников данного типа, об этническом составе обитателей поселений. Но на его основе можно выделить наиболее характерные черты, свойственные степному варианту балкано-дунайской культуры.

Судя по имеющимся материалам, поселения были сельского типа, неукрепленные³⁴². Жилища представлены землянками и полуземлянками столбовой и срубной конструкций, в северо-западном или северо-восточном углу которых находились печи-каменки. Так, на поселении Калфа из 11 жилищ в девяти были обнаружены печи-каменки. В двух — остатки глинобитных печей или очагов располагались в центре сооружений³⁴³.

Керамика памятников типа Калфа отличается значительным своеобразием. Как и на всех памятниках балкано-дунайской культуры, она гончарная (рис. 54). Из групп посуды известны: местная кухонная (шероховатая) и столовая (гладкая или лощеная), а также привозная из византийских и нижнедунайских центров, среди которой имеется белоглиняная, крашенная охрой или покрытая глазурью оливкового цвета, и амфоры.

Основная группа керамики — местная кухонная, представленная гор-

Рис. 54. Керамические сосуды, характерные для поселений типа Калфа.

шками, главным образом с шаровидными, боченкообразными или усеченно-коническими туловами с отогнутыми и утолщенными, короткими и фигурными венчиками на низких дугообразных шейках, сосудами, украшенными частыми линиями углубленного орнамента прямой и волнообразной формы, нанесенного вилчатым или гребенчатым инструментом. Часто встречается орнамент, состоящий из прямых горизонтальных линий, пересеченных пучками вертикальных или косо нанесенных линий.

Столовая керамика (или как принято называть, салтовская) представлена большим разнообразием форм изделий, известных на памятниках салтовской культуры Подонья, а также на Нижнем Дунае.

На основе датирующихся групп керамики, таких, как гладкая с лощением (салтовского типа), крашенная охрой, а также других находок, эту группу памятников исследователи датируют X—XI вв.³⁴⁴

Археологические памятники типа Калфа имеют сходство с салтовскими памятниками Подонья главным образом в керамике и почти тождественны с аналогичными памятниками степной полосы Карпато-Дунайских земель³⁴⁵.

Памятники типа Ханска

Памятники типа Ханска обнаружены на юго-западе центральной лесостепной Молдавии, в Страшенском и Котовском районах. Первый планомерно и широко раскопанный памятник этого типа был найден в Ганчештских кодрах, около с. Ханска (Ганск) Котовского района МССР. Разведками в указанном районе республики были открыты свыше десятка таких памятников.

По имеющимся данным, для памятников типа Ханска характерны также сельские поселения.

Обитатели строили жилища земляночного и полуземляночного типа, столбовой или срубной конструкций. Отопительные сооружения отличались местным своеобразием. Так, на поселении Ханска только в двух из 34 землянок и полуземлянок были обнаружены печи-каменки, тогда как в остальных были очаги или очаги и большие круглые в плане глинобитные печи, выкопанные в одной из стенок жилища.

Керамика поселений типа Ханска отличается большим разнообразием. Так, на памятниках, кроме местной шероховатой керамики, в различных комплексах встречается гладкая с лощением керамика (салтовского типа), византийская, белоглиняная (крашенная охрой и поливная) посуда, византийские амфоры, а также красно-желтая золотоордынская керамика, бытовавшая в Молдавии только в первой половине XIV в. На основе датировки указанных групп керамики, а также датирующихся комплексов, в том числе с монетами, можно полагать, что поселения типа Ханска относятся к X—XIV вв.

Из форм посуды в керамике местного изготовления известны горшки, кувшины, миски, чашки, глиняные котлы. Привозная керамика представлена иными формами.

На поселениях типа Ханска из пяти отмеченных вариантов горшков преобладают горшки с отогнутыми венчиками, т. е. славянской формы

(около 60%) и частично встречаются (около 13%) сосуды с отогнутыми венчиками, у которых край утолщен (вероятно, салтовская, или болгарская, форма), а также горшки с отклоненными венчиками (12%). Остальные варианты — горшки с венчиками в виде валика, с пазом для крышки — составляют незначительный процент. В керамике памятников типа Ханска как в формах, так и в орнаментике ощущается значительное влияние или присутствие элементов восточнославянского гончарства. Так, из десяти форм глиняных изделий три являются традиционно восточнославянскими.

Находка среди керамики памятников указанного типа глиняных котлов в значительном количестве и других изделий, свойственных печенегам, половцам, позволяет предполагать, что на поселениях региона оседали степные кочевники.

На основании материалов двух могильников селища Ханска можно предполагать, что для поселений указанного типа был характерен обряд трупоположения в грунтовых ямах с разнообразными деталями местного христианского и пришлого языческого обрядов.

Памятники типа Петруха Памятники типа Петруха обнаружены на северо-востоке центральной лесостепной полосы Молдавской ССР, в Оргеевском, Каларашском и Резинском районах³⁴⁶. Известны около десяти памятников, из которых на четырех были проведены раскопки. Археологический материал, в таких поселениях, как Лукашевка V, Петруха, Бранешты XIII и другие, позволяет считать, что памятники типа Петруха датируются XI—XIV вв.³⁴⁷ В этом регионе обнаружены поселения сельского типа (неукрепленные), расположенные на берегах небольших рек и речушек, около массивов леса, на пригодных для обработки землях. На селищах обнаружены жилища в виде землянок и полуземлянок прямоугольной формы в плане. Из отопительных сооружений в жилищах встречаются только печи-каменки и очаги.

Значительным своеобразием отличается керамика поселений северо-восточного, лесостепного варианта балкано-дунайской культуры. Так, из групп керамики, отмеченных на вышеуказанных памятниках, на поселениях типа Петруха, кроме посуды местного изготовления, встречены: керамика с примесью слюды в тесте (характерная для восточнославянских городищ среднего Поднепровья Молдавии), амфоры из городов северного Причерноморья, а также красно-желтая посуда, характерная только для золотоордынских поселений Молдавии первой половины XIV в.

Формы местной посуды представлены горшками, кувшинами, мисками и чашками. Горшки подразделяются на пять вариантов по форме горловины или венчика. Варианты форм идентичны формам с поселений типа Ханска. Отличие заключается в преобладании тех или иных вариантов. Так, на поселениях типа Петруха преобладают (36%) горшки с венчиками в виде круглых валиков и сосуды славянской формы (30%), представленные фрагментами венчиков, а также горшки с утолщенными краями отогнутых венчиков (22%). Иные формы посуды и варианты

горшков встречены в значительно меньшем количестве или только в фрагментах. Горшки с венчиками в виде круглых валиков почти не известны и за пределами Молдавии. Это позволяет предполагать, что они, видимо, изготовлялись только в указанном регионе.

Около поселения Бранешты XIII, близ с. Бранешты Оргеевского района, был исследован грунтовой могильник, в котором найдено свыше ста захоронений, из которых три совершены по обряду трупосожжения, остальные — трупоположения. На поселении у с. Лукашевка того же района было обнаружено три захоронения обряда трупоположения. На основании этих данных можно предположить, что обитатели поселений типа Петруха практиковали в основном христианский обряд трупоположения.

Памятники типа Стынкауцы

Памятники этого типа обнаружены на северо-западе Молдавской ССР, в Попрутье (Рышканский район). Раскопки были проведены на поселениях Стынкауцы, Малаешты, другие были отмечены разведками. Для этих памятников также характерен сельский (неукрепленный) тип поселения. Жилища — земляночные и полуземляночные столбовой и срубной конструкции. Отопительные сооружения — очаги, расположенные в одном из углов жилища.

Керамика представлена только посудой местного изготовления, главным образом горшками. На этих поселениях преобладают сосуды с отклоненными (рис. 55), иногда фигурными в сечении венчиками, которые на памятниках остальных типов представлены в незначительном количестве или отдельными фрагментами (на памятниках типа Калфа). На поселениях типа Стынкауцы изредка встречаются фрагменты горшков с отогнутыми венчиками и загнутыми вовнутрь краями, характерные для древнерусской керамики времен монгольского нашествия.

Исследователь памятников типа Стынкауцы П. П. Бырня на основе стратиграфических данных и по аналогии с керамическим материалом, найденным на территории СРР в слое с монетами XIV в., пришел к выводу, что эти поселения также относятся к XIV в.³⁴⁸

Рис. 55. Сосуд с отклоненным венчиком с поселения Стынкауцы.

5. Составные элементы балкано-дунайской культуры

Этнокультурные черты

Вопрос об этническом составе носителей балкано-дунайской культуры является наиболее сложным и слабо изученным в археологии Молдавии. Он затронут в различных работах, где высказаны иногда противоположные мнения. Г. Б. Федоров и Г. Ф. Чеботаренко, например, утверждают, что

это культура Первого Болгарского царства и по основным признакам является прежде всего славянской³⁴⁹. Вместе с тем они отмечают, что в раннюю пору существования балкано-дунайской культуры в ней явно проступали и тюркские (салтовские) черты. Но наряду с этим имеются отдельные элементы, позволяющие предполагать, что в числе ее носителей могло быть и романизованное население бывших римских придунайских провинций.

По мнению же С. А. Плетневой, так называемая балкано-дунайская культура на территории Болгарии, Румынии и Днестровско-Прутского междуречья представляет собой «болгарский вариант салтовомаяцкой культуры»³⁵⁰.

М. И. Артамонов, в свою очередь, считает, что изучаемая культура — это культура тюрко-болгар или, как их называют болгарские историки, праболгар — народа, и по языку и по культуре отличающегося от славян. Это были тюрко-болгары, а не болгаро-славяне, и тем более не предки румынского народа³⁵¹.

Румынские исследователи считают, что основными носителями этой культуры на территории Карпатско-Дунайских земель были предки румын³⁵².

Археологические данные по Днестровско-Прутскому междуречью, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в состав этой культуры вошли три основных этнокультурных элемента: славянский, тюрко-болгарский и волошский (восточнороманский). На это впервые обратила внимание другой румынский археолог М. Компа³⁵³, изучая материалы Карпатско-Дунайских земель. Анализ балкано-дунайской культуры и ее сопоставление с восточнославянской и салтовской позволили выявить черты, вошедшие в ее состав из других культур.

О славянском этнокультурном элементе, вошедшем в состав балкано-дунайской культуры, свидетельствуют традиционные славянские черты: жилища земляночного или полуземляночного типов с печами (каменками или глинобитными)³⁵⁴, горшки с отогнутым венчиком и усеченно-коническим туловом; усеченно-конические миски с прямыми или слегка дугообразными стенками; кувшины с высоким вертикальным венчиком и высоким усеченно-коническим туловом; орнаментация керамики по плечикам, а иногда и тулову, полосой прямых, реже волнистых, углубленных линий, нанесенных инструментом в виде заостренной палочки (на плечиках линии расположены относительно часто, а на тулове расстояние между ними постоянно увеличивается)³⁵⁵.

О тюрко-болгарском (салтовском) этнокультурном элементе, вошедшем в состав балкано-дунайской культуры, говорит следующее: жилища полуземляночного типа с очагами в центре; горшки с отогнутым утолщенным венчиком и бочкообразным туловом; орнаментация керамики углубленными линиями, нанесенными вилчатым или гребенчатым инструментом с частыми зубьями; гладкая керамика с лощеным и углубленным орнаментом; захоронения в круглых ямах, скорченные захоронения в простых и круглых ямах, захоронения животных или их остатков³⁵⁶, а также некоторое сходство в антропологическом материале

могильника Лимбарь и могильников салтовской культуры районов Дона³⁵⁷.

О восточнороманском этнокультурном элементе, вошедшем в состав балкано-дунайской культуры, могут свидетельствовать жилища полуземляночного и наземного типов с очагами в одном из углов; полуземляночные жилища с очагами перед нишей-дымоходом; жилища с очагами перед печью; горшки с отклоненным венчиком, ленточной ручкой и усеченно-коническим туловом; горшки с крышками и усеченно-коническим или грушевидным туловом; усеченно-конические чашки.

Кроме указанных выше основных этнокультурных элементов, в балкано-дунайской цивилизации имеются материалы, свидетельствующие о том, что в нее вошли также некоторые черты, свойственные степным кочевникам: захоронения с меридиональной ориентировкой; глиняные котлы; лепные горшки с орнаментом, характерным для посуды кочевников.

Таким образом, анализ составных этнокультурных элементов балкано-дунайской цивилизации говорит о том, что в ее генезисе, имевшем место до X—XI вв., участвовали различные этнические группы населения со свойственными им чертами культуры.

В процессе развития балкано-дунайской культуры с X в. ее носители создали новые черты. К ним относятся одновременное бытование: жилищ с различными отопительными сооружениями (печами и очагами); жилищ земляночного или полуземляночного типов с двумя отопительными сооружениями — печью (каменной или глинобитной) и очагом; различных погребальных обычаев; трех типов горшков различного происхождения и т. д.

Эти черты как будто являются свидетельством смешения, симбиоза нескольких сильных, традиционных этнокультурных элементов, которые, сосуществуя на протяжении столетий, подвергались взаимному влиянию. В результате этого сложились новые черты.

Очевидно, за каждым из составляющих элементов можно усмотреть различные этнические группы людей, которые волею судеб оказались обитателями не только одной территории, но и одних и тех же поселений. Постоянный контакт и общение, а возможно, и вступление в брачно-родственные отношения представителей различных этнических групп на протяжении столетий, видимо, приводили к их слиянию. Этот процесс изучен слабо, так как наука располагает незначительными данными.

В балкано-дунайской культуре X—XIV вв. зародились некоторые черты, позже ставшие одними из основных элементов средневековой молдавской материальной культуры. К ним относятся прежде всего жилища полуземляночного типа с очагами и глинобитными печами. Такие жилища характерны для поселений балкано-дунайской культуры типа Ханска, с одной стороны, и для средневековых молдавских жилищ XV—XVI вв. — с другой³⁵⁸. Как и в жилищах балкано-дунайской культуры, так и в молдавских полуземлянках XV—

Зарождение молдавских этнокультурных элементов

XVII вв. обмазанные глиной очаги располагались в глубине, напротив входа, в центре или в одном из его углов задней стенки³⁵⁹. На селище у с. Ханска в одной из полуземлянок была обнаружена подковообразная сводчатая печь, сложенная из плитчатых камней на глиняном растворе. Ее под был обмазан глиной и сильно утрамбован. Отмеченное сооружение аналогично хлебным печам, сохранившимся до наших дней в селах Молдавии. На этом же поселении, которое просуществовало до XIV в., а может быть, и несколько позже, был открыт тип жилища с обогреваемой печью-лежанкой и очагом перед его устьем, над которым, возможно, существовал дымоход (хорн), характерный для старинных да и современных сел.

Такие же черты прослеживаются и в формах глиняной бытовой посуды. Так, горшки с крышками, которые начали изготавливать гончары на поселениях балкано-дунайской культуры типа Петруха и Ханска, стали основной формой молдавской средневековой керамики³⁶⁰. Из форм балкано-дунайской посуды в молдавской керамике сохранились также горшки с отогнутыми и отклоненными венчиками, кувшины с высокими вертикальными венчиками без ручек; кувшинчики, миски и чашки в виде усеченного конуса. Все разновидности орнамента, встречающегося на изделиях балкано-дунайской керамики, имеются и на молдавской средневековой посуде.

Отмеченные черты сходства между некоторыми элементами балкано-дунайской (X—XIV вв.) и молдавской (XIV—XVII вв.) культуры, несомненно, свидетельствуют о преемственности. Дальнейшее их изучение позволит решить вопрос о молдавской культуре вообще и на территории Днестровско-Прутского междуречья в частности. Для этого необходимо добыть новые материалы путем ведения широких исследований на поселениях балкано-дунайской культуры, особенно поздних, относящихся к XII—XIV вв.

ПАМЯТНИКИ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
ВРЕМЕНИ

(XIV в.)

Под властью
Золотой Орды

В первой половине XIV в. Днестровско-Прутское междуречье находилось под властью татаро-монгольских ханов. Появление татаро-монголов связано с событиями 1240—1242 гг., когда очередное нашествие их полчищ, направленное на Русь и Центральную Европу, сопровождалось разгромом половецких кочевий и поселений оседлого населения Северного Причерноморья. К началу XIV в., как показали Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, оформляется и укрепляется военно-феодалная система Золотой Орды и наблюдается подъем ее производительных сил³⁶¹, чему немало способствовало установление до середины XIV в. относительного покоя во внутривнутриполитической ордынской жизни³⁶². В этот период происходит довольно интенсивное заселение находившихся под властью Золотой Орды³⁶³ глубинных районов Днестровско-Прутского междуречья, за пределами зоны татаро-монгольских кочевий, располагавшихся южнее, в Буджакской степи. В результате в первой половине XIV в. центральная часть Днестровско-Прутского междуречья стала населенной и хозяйственно развитой областью с многочисленными поселениями земледельцев и значительными городскими центрами,

возникшими на северо-востоке и юге. У ее северо-восточного рубежа в укрепленной самой природой местности, в долине Нижнего Реута, у современного с. Требужены, на грани XIII—XIV вв. возникает поселение. К середине XIV в. оно превращается в большой город (впоследствии, в XV в. здесь появился молдавский город Старый Орхей)³⁶⁴. На юге, в долине р. Ботна, у современного с. Костешты Котовского района МССР, примерно в тот же период развивается еще одно городское поселение³⁶⁵.

Исследования, проведенные в последние годы, позволяют составить некоторое представление о населении центральной части Днестровско-Прутского междуречья в XIV в. Оно включало восточнороманский и славянский элементы³⁶⁶. Кроме того, в этот период наблюдается прилив значительных масс разноплеменного оседлого населения из Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья³⁶⁷. Население городов, нужно думать, было также очень пестрым в этническом отношении.

Татаро-монгольская кочевническая общественная организация ко времени своего появления в Юго-Восточной Европе уже носила в значительной мере феодальные черты, хотя и хранила еще остатки патриархальных родо-племенных отношений³⁶⁸. Значительную часть населения Золотой Орды составляло покоренное оседлое земледельческое и ремесленное население, разнородное по этническому составу. Оно обычно сохраняло свой общественный уклад, находясь в экономическом и политическом подчинении золотоордынских правителей³⁶⁹.

Археологические изыскания послевоенного периода показали, что в Днестровско-Прутском междуречье в XIV в. татаро-монголы владели землями, заселенными оседлым земледельческо-ремесленным населением. Здесь существовала неизвестная по письменным источникам и выявленная недавно в результате археологических работ еще одна область оседлой цивилизации с многочисленными поселениями и городами, входившая в пределы золотоордынского государства³⁷⁰. Население находилось в зависимости от местных феодалов, под экономическим и политическим давлением улусных ханов и центральной золотоордынской администрации. Как и в Волжской Болгарии, городах Нижнего Поволжья, областях Северного Кавказа, Крыму и Хорезме, здесь трудом покоренных татаро-монголами народов создавалась синкретическая золотоордынская культура³⁷¹.

Сами же татаро-монголы продолжали оставаться в основном кочевниками. Поэтому, говоря о развитии культуры, торговли и ремесел золотоордынского времени, мы имеем в виду материальную культуру, производительные силы народов, населявших области, подвластные джучидскому государству. Эти соображения касаются также непосредственно той части Днестровско-Прутского междуречья, которая в первой половине XIV в. входила в состав Золотой Орды.

Возникновение около середины XIV в. на восточных склонах Карпат Молдавского княжества и постепенный охват им всей территории меж-

ду Карпатами и Днестром сопровождалась ожесточенной борьбой с татарами-монголами. Успеху этой борьбы способствовали внутренние феодальные усобицы, с новой силой вспыхнувшие в Золотой Орде в 60—80 гг. XIV в., разгром ордынских войск в 1362 г. литовско-русскими дружинами Ольгерда и в 1380 г. русскими полками Дмитрия Донского.

1. Поселения

Топография и датировка

В Днестровско-Прутском междуречье выявлено значительное число археологических памятников XIV в. с характерной для них так называемой «красно-желтой ленточной» керамикой³⁷². Эти неукрепленные поселения обнаружены главным образом в центральной части этой территории, однако некоторые распространялись и за Прут, вплоть до средней части долины р. Бырлад (Продана)³⁷³.

Селища располагались в долинах рек. Обычное их местоположение — первая надпойменная терраса. По скоплению обломков обмазки, фрагментов керамики и костей животных иногда можно заметить остатки жилищ. Большинство поселений имеет очень слабый культурный слой, что может служить косвенным свидетельством их непродолжительного существования.

Датировка поселений облегчается находками на некоторых из них золотоордынских монет XIV в.³⁷⁴, хотя остается не совсем ясным конкретный предел появления этой культуры в Днестровско-Прутском междуречье. Наличие клейм на днищах некоторых сосудов связывает красно-желтую керамику с предшествующим столетием. Однако более веских оснований для ее датировки XIII в. пока нет. По-видимому, мы вправе отнести появление этой группы керамики в Днестровско-Прутском междуречье, а вместе с ней и поселений, для которых она характерна, к рубежу XIII—XIV вв. или даже к началу XIV в.

Эти поселения существуют до 60-х гг. XIV в. — рубежа, достаточно четко отмеченного монетными находками. На селище Лозово I обнаружен клад серебряных джучидских монет первой половины XIV в.³⁷⁵ Момент зарытия клада приходится на 60-е гг. XIV в., то есть, по-видимому, совпадает с гибелью поселения в это время. Находки золотоордынских монет в культурных слоях поселений, многочисленные для первой половины и особенно середины XIV в., обрываются на 60-х гг.³⁷⁶ В середине этого десятилетия многие поселения гибнут, о чем красноречиво свидетельствуют разрушения, пожарища, скелеты убитых и т. д.

Сельские поселения этого периода исследованы слабо. Небольшие раскопки были проведены только на селище Лозово I в 1960 г. И. А. Рафаловичем и Л. Л. Полевым, когда были открыты два гончарных горна, в которых обжигалась красно-желтая керамика³⁷⁷, и в 1963 г. В. С. Бейлекчи и Л. Л. Полевым там же была обнаружена часть землянки.

Поселение Лозово I

Селище расположено на восточной окраине нынешнего села Лозово Каларашского района МССР, в урочище Оанца, на склоне правого берега долины р. Быковец. С севера на юг селище разрезано на две части долиной ручья, в настоящее время протекающего по дну глубокого оврага, в обнажениях которого видны остатки сооружений. Площадь селища вытянута вдоль оврага, поперек склона — на 400 м, в ширину — примерно 300 м.

Жители поселения обитали в прямоугольных землянках. В одной из землянок были обнаружены обуглившиеся зерна пшеницы и ржи³⁷⁸. Наряду с земледелием было развито скотоводство (найлены кости лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец). Подсобным промыслом являлась охота, о чем можно судить по найденным во время раскопок костям кабана, волка, благородного оленя, сайги, зубра, птиц³⁷⁹.

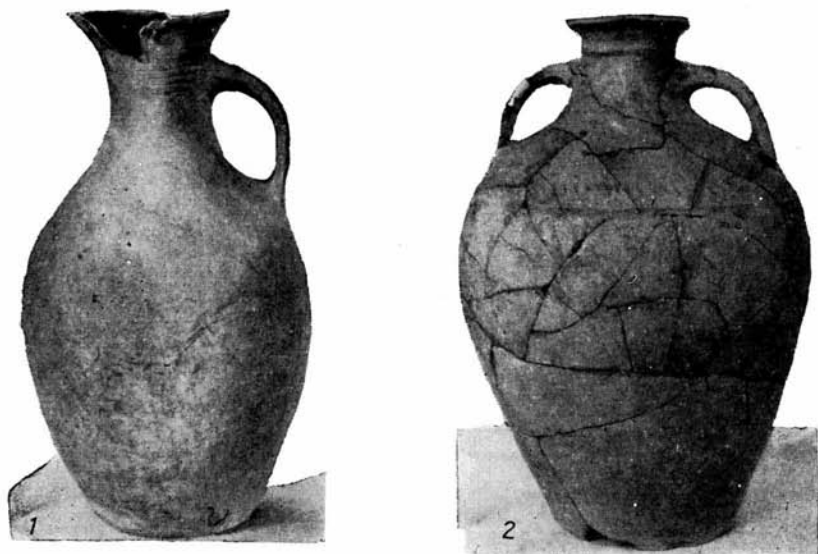
Комплекс из двух гончарных обжигательных горнов находился непосредственно на краю оврага, вблизи ручья. Исследованные горны оказались в прекрасной сохранности, позволяющей получить полное представление об их конструкции. Оба горна были оставлены загруженными. В обжигательных камерах найдены раздавленные кувшины³⁸⁰.

Помимо красно-желтой керамики, преобладающей в собранном материале (рис. 56), на поселении найдены фрагменты неполивной и поливной городской посуды, известной по раскопкам городов центральной части Днестровско-Прутского междуречья XIV в.³⁸¹

Поселения XIV в. с красно-желтой керамикой появляются в цен-

Рис. 56. Формы сосудов сельской красно-желтой керамики:

1 — кувшин (Лозово); 2 — двуручный амфоровидный сосуд (Костешты).

тральной части Днестровско-Прутского междуречья рядом с существовавшими там поселениями, в культуре которых прослеживаются восточнороманские и славянские традиции³⁸². В бассейне р. Реут селища с красно-желтой керамикой располагаются в непосредственной близости с одновременными им галицко-русскими. На поселении Бранешты III красно-желтая керамика найдена в комплексах с керамикой галицкого типа³⁸³. В Высоких кодрах на поселениях с красно-желтой керамикой часть материала представляет собой посуду, изготовленную по местным традициям³⁸⁴. Поселения с красно-желтой керамикой имели контакт с поселениями балкано-дунайской культуры, на которых часто встречается эта керамика и золотоордынские монеты середины XIV в.³⁸⁵

В культурных слоях поселений XIV в. с красно-желтой керамикой помимо посуды, изготовленной по местным традициям, встречаются материалы более отдаленных параллелей — Подунавья и восточных склонов Карпат в районах романо-славянского расселения³⁸⁶.

2. Города

В первой половине XIV в. в центральной части Днестровско-Прутского междуречья, как и в ряде других областей Золотой Орды³⁸⁷, появились и быстро выросли в значительные ремесленно-торговые центры городские поселения. Возникновение и расцвет городов здесь, несомненно, связан с подъемом сельскохозяйственного производства, прежде всего земледелия, выделением ремесла в товарную отрасль производства, сопровождавшимися развитием товарно-денежного обращения и формированием местных рынков³⁸⁸. В то же время быстрый рост городов связан не только с объективно сложившимися экономическими условиями, но также в значительной степени являлся следствием насильственного заселения и протекционистской политики золотоордынских правителей, превративших их в военно-административные опорные пункты полукошевого джучидского феодализма XIV в.³⁸⁹

Костешты

Один из городов XIV в. центральной части Днестровско-Прутского междуречья возник в пойме долины р. Ботна у юго-восточной границы области кодр, близ нынешнего с. Костешты Котовского района МССР (рис. 57). Он появился, по-видимому, на месте предшествовавших ему сельских поселений, остатки одного из которых (землянки с красно-желтой керамикой) прослежены в северо-западной части территории древнего города. Широкая долина и полноводная в те времена река служили путями сообщения, вдоль которых располагались многочисленные поселения.

Эпизодические обследования и раскопки на месте древнего города были произведены впервые в 1934 г.³⁹⁰ В послевоенное время на городище у с. Костешты проводили разведки Г. Д. Смирнов³⁹¹ и Г. Б. Федоров³⁹². Первые значительные археологические исследования памятника в 1956 г. принадлежат Э. А. Рикману³⁹³, которые затем были продолжены в 1957 и 1959 гг. Л. Л. Полевым³⁹⁴.

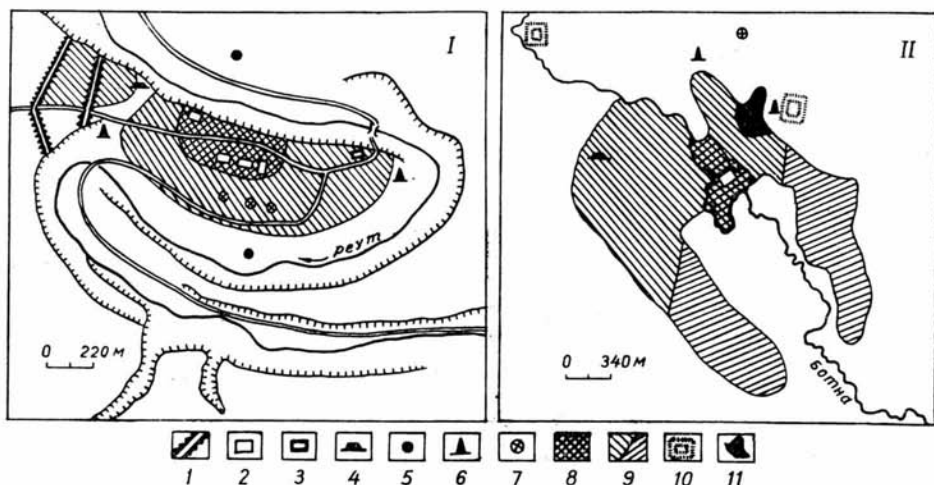

Рис. 57. Схематические планы городов XIV в. Старый Орхей (I) и Костешты (II): 1 — земляные валы; 2 — крупные каменные здания; 3 — баня; 4 — гробница; 5 — гончарные мастерские; 6 — кладбище; 7 — кузнечные мастерские; 8 — центральная часть города; 9 — примерная территория города; 10 — укрепления; 11 — гончарный квартал.

На поселении обнаружены следы обитания гетского времени IV—III вв. до н. э.; встречаются находки черняховской культуры III—IV вв. н. э.; слабые следы поселения, вероятно, относящегося к периоду XI—XIII вв., и, наконец, не особенно мощный (50—60 см, сооружения углублены в землю до 1,5 м), но чрезвычайно насыщенный находками культурный горизонт XIV в.; обнаружены находки более позднего, молдавского времени — XV—XVII вв.

Слой с сооружениями и керамикой, монетами и др. находками XIV в. соответствует площади наибольшего распространения поселения (свыше 4 кв. км), охватывавшего в ширину всю пойму реки и нижние части склонов долины (около 2 км), а в длину простиравшегося на 2,5 км вниз по течению р. Ботны от юго-восточной окраины современного с. Костешты.

Наиболее густозаселенной была центральная часть поселения. Здесь, в излучине реки, сосредоточивались кварталы городской знати: находилось большое, по-видимому, общественное, каменное сооружение (примерная площадь его остатков 30×20 м), южнее и западнее которого располагались каменные жилища³⁹⁵. Раскопана небольшая часть одного из таких жилищ, стоявшего на берегу р. Ботны. Весь его периметр выявить не удалось, поэтому план и размеры остались неясными. Стены этого дома были сложены из рваного известнякового камня.

В остальных частях поселения преобладают жилища, построенные из дерева, прутьев, глины, хотя изредка встречаются и каменные соору-

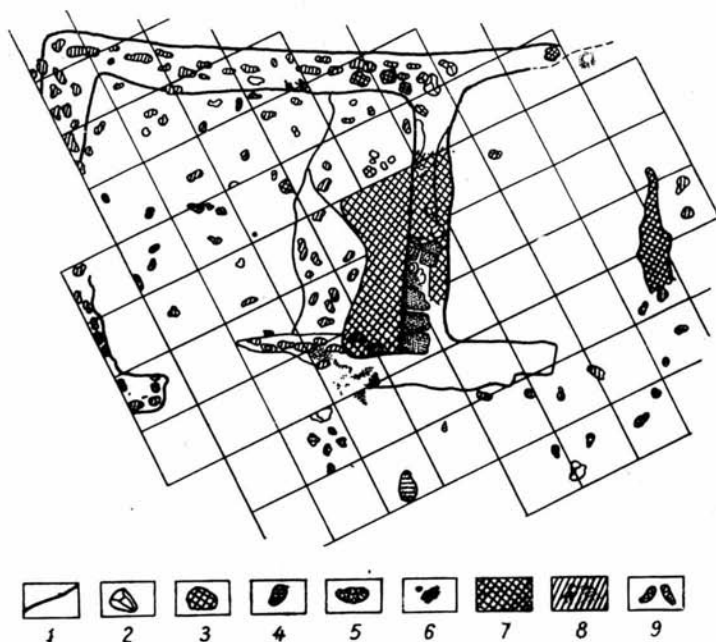

Рис. 58. Схема городского наземного жилища (Костешты):
 1 — контур стен; 2 — камни; 3 — необожженная глина; 4 — куски обожженной обмазки; 5 — необожженный кирпич; 6 — куски древесного угля; 7–8 — глиняная промазка; 9 — кости животных.

жения. Такое жилище было раскопано в северо-восточной части поселения (рис. 58). Жилище однокамерное, с примыкающим к нему хозяйственным помещением (хлев?). Конструктивно оба помещения были связаны между собой в одно сооружение, разделенное массивной перегородкой из сырцового кирпича и известняковых камней. Стены жилища были возведены из прутьев на столбах и обмазаны глиной. В юго-восточном углу жилого помещения находился тондир³⁹⁶.

Вероятно, существовали жилища, принадлежавшие средним слоям населения. В их конструкции применялись кирпич, а также камень и дерево³⁹⁷.

За пределами городской черты, примерно в 300 м выше по течению реки, непосредственно на ее левом берегу, находятся развалины очень крупного сооружения, погребенного под холмом, который местные жители называют «четате» — крепость. Возможно, это остатки феодальной резиденции военачальника, городского правителя³⁹⁸. На северной окраине города открыто два кладбища, в одном из которых погребенные, вытянутые на спине, ориентированы на север, в другом — на запад. На другой, юго-западной, окраине находились мусульманские гробницы, в конструк-

цию которых входили хорошо вытесанные известковые плиты с искусно вырезанными арабскими некротическими текстами³⁹⁹.

Также на северной окраине города, где оказалось месторождение гончарных глин, в изрезанной оврагом ложине, по дну которой течет ручей, были сосредоточены гончарные мастерские с обжигательными горнами.

Здесь, на склонах ложины, в XIV в. располагался гончарный ремесленный квартал древнего города. Помимо гончарства, хорошо представленного в материалах из раскопок Костешт, здесь существовали металлообрабатывающие и ювелирное ремесла, обработка кости, дерева, камня и т. д.

Топография города, многие черты его культуры (мусульманские гробницы, большие сосуды-хумы, копилка, подсвечники и др.) сближают Костешты с городами золотоордынского Поволжья и Востока⁴⁰⁰. В керамическом производстве четко прослеживается влияние Крыма и Закавказья (мастерские, ряд форм посуды и ее декор, особенно поливной, и т. д.), опосредствованное, по-видимому, пришедшими сюда армянскими и др. ремесленниками⁴⁰¹.

В синкретической культуре города на фоне господствующих черт, связанных с пришлым населением, прослеживаются также элементы, которые можно отнести к местным, традиционным (землянки, ряд форм неполивной посуды).

Старый Орхей Второй город XIV в. появился у северо-восточных пределов населенной центральной области Днестровско-Прутского междуречья, в излучине Реута, перерезающей Приднестровскую известняковую гряду. Обрывистые, скальные берега реки, окружавшей город с трех сторон, в сочетании с водной преградой представляли собой естественную крепость. Единственное непосредственно доступное место — узкий перешеек, соединяющий излучину с массивом гряды, — был пересечен от обрыва к обрыву дерево-земляным валом и рвом.

Городище Старого Орхей привлекло внимание археологов только в послевоенное время. Его систематические раскопки (с перерывами) велись начиная с 1947 г. Г. Д. Смирновым⁴⁰², а затем в 1969 г. были продолжены П. П. Бырней⁴⁰³.

В результате раскопок выявлены два культурных горизонта, соответствующих двум периодам существования города: золотоордынскому (XIV в.) и молдавскому (XV — первая половина XVI в.). В предшествующие тысячелетия, от эпохи палеолита до раннего средневековья, эта местность привлекала людей, остатки поселений которых найдены в разных местах городища. Многолетние археологические исследования позволили представить облик города XIV в., в известной мере его топографию и разные стороны культуры.

Город занимал площадь около 2 кв. км. В центральной части находились крупные каменные сооружения, окруженные жилищами рядового населения, ремесленными мастерскими. От одного из этих каменных

сооружений сохранились основания стен толщиной 1,3 м, очерчивающих большой прямоугольник (57,7×51,5 м), примерно ориентированный по странам света, почти лишенный остатков внутренней планировки. Вход, находившийся на северной стороне, был обрамлен двумя пилонами. На одном из углов сооружения после его постройки была возведена шестиугольная башня. С юго-востока к зданию примыкала, по-видимому, гончарная мастерская с обжигательным горном⁴⁰⁴. Назначение постройки, условно названной «караван-сарая», пока остается невыясненным.

Северо-западнее, в районе более позднего феодального двора XV в., на краю обрыва к реке обнаружены развалины крупного кирпичного здания. От этого сооружения сохранились лишь три сильно углубленных в землю, сложенных из кирпича помещения, вероятно служивших погребам и впоследствии, уже в XV в., вошедших в конструкцию построенного на этом месте дворца правителя города.

Западная часть города была застроена жилищами и ремесленными мастерскими. По мере удаления от центральной части города возрастал удельный вес жилищ бедного люда. Ближе к центру раскопаны наземные жилища с деревянными стенами и одним или двумя помещениями. Системы отопления в этих домах представляли собой кирпичные лежанки с обогревательными каналами внутри, через которые проходил горячий воздух из небольшой одноярусной печи (восточные кань).

Недалеко от окраины города находились очень маленькие, примитивные однокамерные жилища, сооруженные из деревянных прутьев и глины. Фундаменты их были сложены из необтесанных известняковых камней разной величины (рис. 59). Там же открыты выложенные из камней круглые основания юрт.

В южной части города располагались также жилища и ремесленные мастерские (кузнечные, кирпичные). На восточной окраине, близ берега реки, открыты остатки большой каменной бани XIV в., состоявшей из двух отделений. Фундаменты и стены ее, в плане представлявшей удлиненный прямоугольник (38×23 м), были сложены из грубо обтесанного известняка. Хорошо тесаным камнем отделаны дверные проемы. В некоторых помещениях стены сохранились до высоты, превышающей 2 м. К одному из купальных помещений крестообразной формы примыкало пять других. Все они были оборудованы водопроводом из керамических труб, утопленных в нишах стен. Баня обогревалась системой центрального отопления по типу античного гипокауста. Некоторые помещения были отделаны мрамором, обломки которого найдены местами при

Рис. 59. План каменного основания наземного жилища в Старом Орхее (по Г. Д. Смирнову).

раскопках. Своим планом баня из Старого Орхее чрезвычайно напоминает восточную баню из Булгар на Волге, так называемую Красную палату⁴⁰⁵.

Невдалеке от бани — кладбище. В захоронениях с костяками в вытянутом на спине положении, ориентированными головой на запад, были найдены джучидские монеты середины XIV в. На склоне террасы, в западной части городища, раскопаны остатки мусульманской гробницы, сложенной из кирпича.

Так же, как и в Костештах, на северной окраине города, по-видимому, находился гончарный ремесленный квартал. Здесь раскрыт производственный комплекс: землянка-гончарная, мастерская и два обжигательных горна.

Наряду с ведущими дифференцированными отраслями ремесла XIV в. — обработкой металлов и керамическим — в городе существовали многие другие: обработка кости и рога, каменотесное и камнерезное дело, плотничье и столярное, хлебопекарное и др.⁴⁰⁶

Конструкция и планы капитальных сооружений (караван-сарай, баня, гробницы), наземных жилищ, оснований юрт и др. близки подобным постройкам в поволжских золотоордынских городах⁴⁰⁷. Распространенный в Старом Орхее в XIV в. способ обогрева жилищ в виде системы горизонтальных отопительных каналов в лежанках-канах также широко известен в Поволжье⁴⁰⁸, откуда, очевидно, он и привнесен пришедшим в Днестровско-Прутское междуречье населением.

В развалинах различных сооружений города найдены арабские лапидарные надписи XIV в. В быту жителей также употреблялись предметы поволжских типов: большие глиняные сосуды — хумы, копилки и др.⁴⁰⁹ Найдено также много фрагментов привозной поволжской поливной керамики. На городищах за время раскопок собраны большие коллекции джучидских серебряных и медных монет XIV в.

Наряду с поволжским, в культуре города, особенно в поливной керамике, ярко прослеживается влияние Крыма и Закавказья (тондиры, формы посуды, конструкции ряда сооружений и др.).

3. Занятия населения

Земледелие и скотоводство

Население, пришедшее в Днестровско-Прутское междуречье из Северного Причерноморья и Галицкой Руси, принесло с собой развитую культуру земледелия, сложившуюся в результате многовекового развития хозяйства⁴¹⁰. Само местоположение поселений в лесостепной зоне с относительно слабохолмистым и малопересеченным рельефом, значительными открытыми пространствами черноземных земель показывает, что основным направлением хозяйства являлось земледелие.

В 1963 г. в Старом Орхее был найден уникальный по размеру и набору железных предметов клад земледельческих орудий XIV в., в котором оказалось 68 лемехов, 42 чересла, скрепы деревянных частей плуга, соскребок, оковка лезвия деревянной лопаты, мотыга, коса, орудия типа

культиватора. Наконечники землепашных орудий XIV в. имеют уже довольно развитую форму и большие размеры. Это были усовершенствованные массивные рала, применявшиеся в экстенсивном лесостепном полеводческом хозяйстве с переложнозалежной системой земледелия, требовавшей постоянной вспашки больших площадей тяжелых, сильно задернованных или целинных земель.

Об этом же свидетельствует и набор полевых культур, найденных при раскопках поселений XIV в. в центральной части Днестровско-Прутского междуречья. На поселении Лозово I в землянке были обнаружены обугленные зерна ржи и карликовой пшеницы в равной пропорции⁴¹¹. В одном из сооружений Старого Орхее, относящемся к XIV—XV вв., в яме предполагаемой солодосушильни найдено около 200 л обугленного ячменя и в меньшем количестве карликовая пшеница, пшеница-полба и просо, а также следы мягкой пшеницы, ржи, овса, гороха⁴¹².

Обработка земли под посевы не ограничивалась вспашкой целины. Для рыхления пласта, по-видимому, употреблялись также найденные в орхейском кладе орудия типа культиватора.

Очень скудны данные об огородничестве и садоводстве на поселениях XIV в. в центральной части Днестровско-Прутского междуречья, ограничивающиеся пока находками железной оковки лезвия лопаты, мотыг, зерен гороха в Старом Орхее и садового ножа в Костештах.

Из-за отсутствия статистически представительных данных неясной пока остается и степень развития скотоводства. Его характеризуют в археологическом материале кости домашних животных (лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи). Подсобным промыслом являлась охота: найдены кости кабана, волка, сайги, зубра, птиц и др.⁴¹³

Ремесла В ремесленном производстве поселений XIV в. центральной части Днестровско-Прутского междуречья наиболее хорошо представлено и лучше всего изучено гончарство. Сельское гончарство уже выделилось в отрасль ремесла на базе применения новой техники — гончарного круга и специальных горнов, хотя продолжал существовать также домашний способ производства лепной посуды, обжигавшейся в бытовых печах. На некоторых поселениях гончарство стало одним из основных занятий части сельских жителей. Особенно ярко это выступает в материалах селища Лозово I, гончары которого снабжали своей продукцией население окрестных сел, расположенных в долине р. Быковец. Происходила концентрация гончарного производства в сельских ремесленных центрах, обслуживавших округу из нескольких сел.

При раскопках на поселении Лозово I открыты находившиеся рядом два гончарных горна, связанные между собой общей предтопочной ямой. По-видимому, они принадлежали одной мастерской с достаточно большим объемом производства. Круглые в плане (наибольший диаметр 1,7 м) горны были углублены в материковую глину, выше уровня которой выступала лишь верхняя часть свода обжигательной камеры. Высота горнов более 2,5 м. Двухъярусные по конструкции, они были

сделаны из глины, с горизонтальной перегородкой-подом между верхней обжигательной и нижней огневой камерами. В поде несколько отверстий-продухов для выхода раскаленного воздуха. Рядом с горнами была яма, заполненная керамическим браком. Оба горна погибли загруженными. В обжигательных камерах найдены фрагменты раздавленных красно-желтых кувшинов⁴¹⁴.

Красно-желтая керамика была распространена в XIV в. на всех поселениях центральной части Днестровско-Прутского междуречья. Ее находки также известны несколько западнее Прута, на поселениях близ г. Яссы (Хлинча и др.), Бырлад-Продана и др.⁴¹⁵ Эта керамика изготовлялась из плотного глиняного теста без видимых примесей в технике ленточной формовки на медленно вращавшемся круге. Обжиг такой посуды, обычно сквозной и равномерный, придававший ей различные оттенки — от красного до желтого цветов, производился в горнах, подобных тем, что раскопаны в Лозово I.

Ассортимент красно-желтой керамики невелик: большие двуручные амфоровидные сосуды, одноручные кувшины, большие двуручные горшки, малые горшки с одной ручкой и миски. Значительная часть этой керамики богато орнаментирована. Орнамент состоит из сочетаний концентрических горизонтальных полос-фестонов, наколов частым гребнем, одинарных или двойных волн, многорядных волн и т. д. Многие сосуды дополнительно покрыты красной краской и украшены вертикальным лощением⁴¹⁶.

Культурно-этническая интерпретация красно-желтой керамики связана с более или менее близкими параллелями, известными на Нижнем Дону, Нижней Волге, Северном Кавказе и в Крыму. Разумеется, не может быть речи о тождественности керамики на этом обширном пространстве от Поволжья до Днестровско-Прутского междуречья. Однако керамику отдельных областей оседлой цивилизации этой территории с разнотипным населением⁴¹⁷ сближают определенные общие черты. Эти черты прослеживаются в ассортименте, формах и особенно орнаментации⁴¹⁸.

Красно-желтая керамика относится к XIII—XIV вв., но в ней сильны традиции культур, распространенных, кроме западной части Причерноморья, примерно на той же территории в более ранний период⁴¹⁹. В красно-желтой керамике прослеживаются алаано-болгарские и другие традиции⁴²⁰. Это согласуется с соображениями, высказанными по поводу посуды Поволжья⁴²¹, близкой к днестровско-прутской керамике.

Красно-желтая керамика господствует в материалах подавляющего большинства селищ XIV в. центральной части Днестровско-Прутского междуречья, хотя на них также встречается керамика другой группы — городского производства. Причем замечено, что чем ближе расположено это поселение к одному из двух существовавших здесь городов, тем больше доля городской посуды⁴²². Производившаяся на первых порах в городах красно-желтая посуда уступает место более совершенной и разнообразной по ассортименту городской керамике.

Городское гончарство Молдавии XIV в. изучено в основном по мате-

риалам, добытым при раскопках гончарного квартала одного из городов того времени у нынешнего с. Костешты. Сконцентрированные на северной окраине города гончарные мастерские изготавливали в основном специализированную массовую, рассчитанную на рынок, продукцию, новый тип керамики, вытеснивший в городах сельский тип.

В Костештах в течение ряда лет (1954, 1957, 1959 гг.)⁴²³ при раскопках были обнаружены различные помещения гончарных мастерских, обжигательные горны, добыты значительные керамические материалы: готовые и полуфабрикаты, брак, бой, печной припас, характеризующие городское производство⁴²⁴. Гончарные мастерские XIV в. были открыты также при раскопках Старого Орхей.

В Днестровско-Прутском междуречье появляются большие специализированные мастерские — результат развития городского гончарства, обеспечивавшего массовое производство товара для рынка. Большие гончарные мастерские существовали в городах Поволжья⁴²⁵ и Закавказья⁴²⁶ XIV в.

В Костештах⁴²⁷ и других пунктах центральной части Днестровско-Прутского междуречья (Старый Орхей, Бравичены) открыты городские керамические обжигательные горны XIV в. Это двухъярусные грушевидные, овальные и прямоугольные в плане сооружения с расположенными одна над другой сложенными из кирпича топочной и обжигательной камерами, зарытыми в почву почти до верха обжигательной камеры. Эти горны были предназначены для обжига простой и одноцветной поливной керамики. Длина печей колебалась в пределах 2—3 м, высота более 2 м. Небольшие одноярусные глинобитные полусферические горны и в ряде случаев тондиры служили для обжига полихромной орнаментированной посуды. Городские сложенные из кирпича горны, в которых производился обжиг посуды и других бытовых изделий, вероятно, представляют собой модификацию глинобитных двухъярусных сельских гончарных горнов.

Крупные прямоугольные горны для обжига кирпича, открытые в Днестровско-Прутском междуречье (Костешты, Старый Орхей, Бравичены), имеют такую же конструкцию, как горны из Поволжья⁴²⁸, Западного Казахстана⁴²⁹, Воронежской области⁴³⁰ и Закавказья⁴³¹. Специализация керамического производства сопровождалась появлением обжигательных горнов различных конструкций⁴³².

Городская керамика XIV в. включала неполивные и поливные изделия (рис. 60). В сравнении с сельской, имевшей всего пять типов изделий, в городской керамике, предназначенной для более взыскательного покупателя, было 26 типов изделий: 15 неполивных и 11 поливных. Это — разнообразная кухонная посуда и керамическая тара, столовая поливная и неполивная посуда, строительная керамика (кирпичи, трубы и др.), гончарные приспособления, керамические бытовые предметы (осветительные приборы и др.)⁴³³. Поливная керамика, особенно посуда, украшена врезным орнаментом сграффито, расцвечена красками и покрыта поливой желтого, зеленого, голубого цвета или глазурью⁴³⁴ (рис. 61).

В городской керамике явственно выступает стандартизация определенных, наиболее массовых (кувшины, горшки, миски и др.) типов изделий. Она проявляется в сходных размерах, в однообразной формовке отдельных частей изделий, обеднении или исчезновении орнамента. В стандартизации части городской керамической продукции также сказывается ориентировка городского ремесла на товарное, рыночное производство⁴³⁵.

Прослеживаются типологические связи некоторых форм (кувшины, горшки) неполивной сельской и городской керамики. Вместе с тем существование ряда форм — результат культурных заимствований из Нижнего Подунавья, Причерноморья, Поволжья⁴³⁶. Поливная керамика Днестровско-Прутского междуречья XIV в. с орнаментом сграффито и подглазурной росписью в основном входит в круг крымской и закавказской керамики такого рода, связанной с ближневосточными традициями, хотя в ней заметны элементы также византийского влияния⁴³⁷.

Гончарство было одной из ведущих отраслей ремесла поселений XIV в. центральной части Днестровско-Прутского междуречья. Наряду с ним существовали другие ремесла, особенно многочисленные в городах. Однако они изучены значительно хуже керамического производства.

Обработка металлов, если не занимала более значительного места, чем гончарство, то во всяком случае не уступала ему. Свидетельство тому многочисленные находки, главным образом в городах, разнообразных изделий из железа, а также железные шлаки. Трудно сказать, существовало ли железоделательное производство в городах или туда

Рис. 60. Формы городской керамической посуды XIV в. (Костешты).

завозилось готовое кричное железо из сельской округи. На поселениях XIV в. в центральной части междуречья пока не найдены комплексы, связанные с производством железа. Шлаки скорее всего являются остатками кузнечной обработки металла.

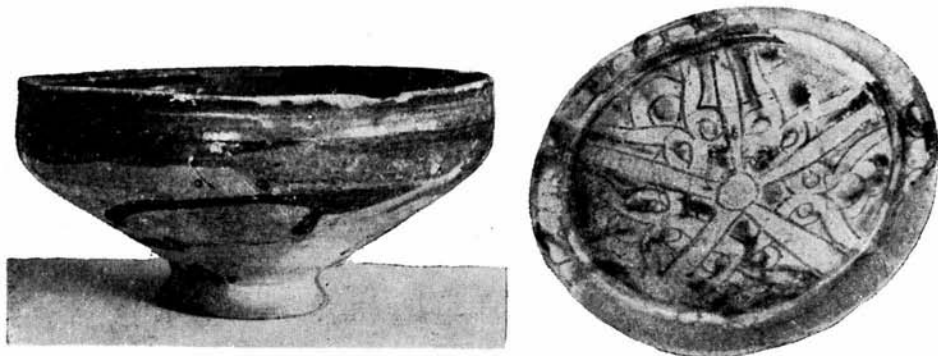
Сельское железообрабатывающее ремесло XIV в. мало изучено. Землянка с остатками, по-видимому, кузнечных горнов, горна для литья цветных металлов, железных и медных шлаков найдена на поселении Продана-Бырлад⁴³⁸. Зато городское ремесло представлено различными изделиями: орудиями труда и материалами (столярный, плотничий, сельскохозяйственный инвентарь, ювелирный инструмент, хозяйственные ножи, костыли, гвозди разных размеров и др.), бытовыми изделиями (подсвечники и железные светцы, дверные пробой и кольца, кресала, ключи для деревянных и железных полуавтоматических замков и др.), предметами вооружения (стрелы, возможно, доспехи) и многими другими. Здесь работали кузнецы, оружейники, замочники, гвоздошники и др.

Ювелирное дело также было развито в городах. При раскопках найден ювелирный инструмент, разнообразные готовые изделия местных мастеров: украшения (серьги, перстни), предметы быта (зеркала, бубенцы-пуговицы) и т. д.

Обработка рога и кости городскими мастерами хорошо представлена находками полуфабрикатов, отходов, носящих следы резки, отпиливания и шлифовки. Среди поделок — костяные ручки ножей, стрелы, накладки для лука и др. (рис. 62).

Развитие каменотесного и камнерезного дела было связано с большим каменным строительством. Хороший известняковый камень, вероятно, добывался, как и в настоящее время, у с. Милешты, в 8 км севернее Костешт. В Старом Орхее камень был на месте, в обрывах скалистых берегов Реута. Первичную обработку его производили каменотесы. Искусные руки резчиков придавали камню замысловатые формы архитектурно-декоративных деталей и наносили изящный рисунок арабских письмен.

Рис. 61. Поливные миска и тарелка с орнаментом сграффито и подцветкой красками (Костешты).

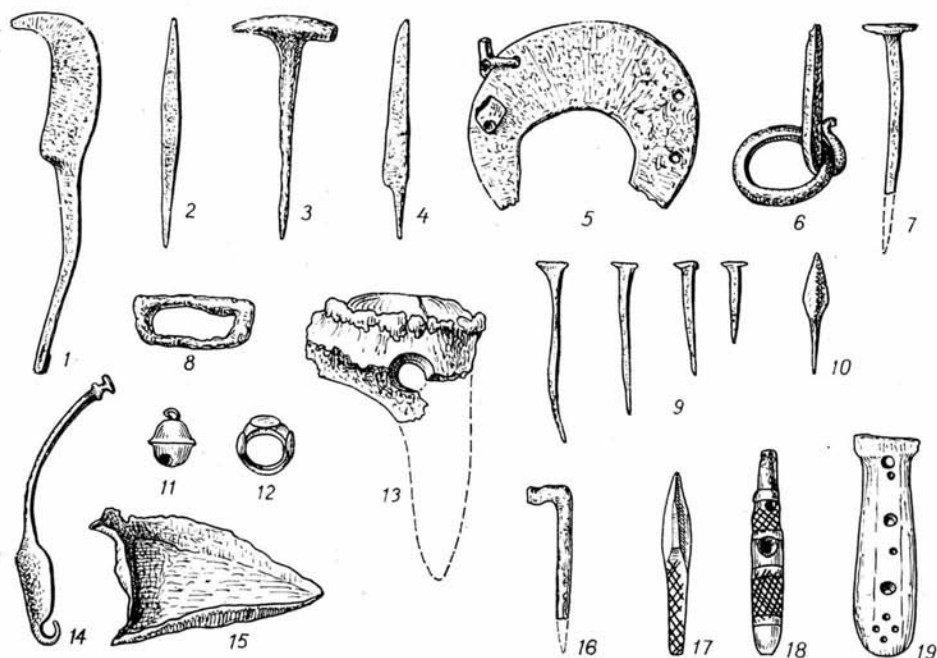

Рис. 62. Металлические и костяные предметы (Костешты):

Железные: 1 — садовый нож; 2 — пробойник; 3 — ювелирный молоточек; 4 — нож; 5 — подкова; 6 — дверное кольцо; 7 — большой гвоздь; 8 — кресало; 9 — гвозди; 10 — стрела; 14 — ключ; 15 — светильник; 16 — костыль. Медные: 11 — пуговица-колокольчик; 12 — перстень. Костяные: 13 — мотыга; 17 — стрела; 18—19 — накладки рукояток ножей.

В строительных работах большое место занимал труд мастеров по обработке дерева — плотников; в быту — столяров. Выделяется ряд других специальностей, среди которых такие сугубо городские, как хлебопекарное⁴³⁹.

Многие вопросы развития ремесленного производства поселений XIV в. ждут своего изучения. Однако уже сейчас нет сомнений в том, что особенно в городах оно достигло высокой для своего времени степени технического совершенства и специализации.

* * *

Появившаяся и погибшая в XIV в. культура городов и поселений центральной части Днестровско-Прутского междуречья связана с разнотническим населением. В этой культуре, наряду с местными традиционными, сочетались различные элементы, привнесенные с Балкан, из Юго-Западной Руси, золотоордынского Поволжья, Крыма, Закавказья. Однако ее облик в основном определялся близостью к областям юга Восточной Европы и Нижнего Подунавья.

Прослеживаются черты сходства топографии и культуры городов Днестровско-Прутского междуречья с городами XIV в. в Нижнем Поволжье⁴⁴⁰. Черты, близкие к культуре золотоордынских городов Поволжья, выделяются в строительстве (дворцовые сооружения, мечеть, гробницы, конструкции жилищ). Они отразились и в ассортименте керамики (копилки, хумы, подсвечники и др.), в наличии арабских лапидарных надписей.

Однако подавляющая часть поливной керамики по формам, технологии и декору входит в круг керамики, распространенной в Нижнем Подунавье, Крыму, Закавказье, Ближнем Востоке, Византии⁴⁴¹. Влияние культуры Закавказья заметно и в строительстве. (баня из Старого Орхеля). Она чрезвычайно сходна с так называемой «Красной палатой» из Поволжских Болгар и аналогичными памятниками Крыма (Карасу-Базар), Закавказья (Ани, Анберд), прототипы которых были выработаны армянской архитектурой⁴⁴². В городах XIV в. Днестровско-Прутского междуречья распространены земляные печи-тондиры, служившие для отопления и выпечки лепешек, широко известные в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Средней Азии.

Вместе с ярко выраженными внешними привнесенными элементами культура городов XIV в. Днестровско-Прутского междуречья отличалась самобытными чертами, а также элементами, сближающими ее с культурой Карпато-Дунайских областей. Это прежде всего некоторые типы жилищ простого люда (землянки) и часть форм неполивной обиходной керамики (горшки, ряд видов кувшинов, маркотцы и др.), связанной с местными древними традициями⁴⁴³ (рис. 63) или находящей параллели в керамике поселений Валахской равнины⁴⁴⁴.

Культура поселений XIV в. Днестровско-Прутского междуречья сыграла определенную роль в формировании культуры феодальной Молдавии. Однако следует оговориться, что, несмотря на ряд установленных заимствований молдавской средневековой культурой из культурного фонда поселений золотоордынского времени⁴⁴⁵, вопрос о наследии в социально-экономической области в основном, по-видимому, решается отрицательно. Так, появление подавляющей части городов Молдавского княжества связано с самостоятельными процессами при складывании молдавского феодализма⁴⁴⁶.

Не претендуя на всестороннее рассмотрение вопроса о вкладе культуры жителей золотоордынских поселений в молдавскую феодальную культуру, связанного с проблемой формирования последней, следует ука-

Рис. 63. Молдавский сосуд первой половины XIV в. (Костешты).

зять на некоторые предварительные наблюдения. Распространенная в Северо-Западном Причерноморье в XIII—XIV вв., в том числе в Костештах, Старом Орхее и Белгороде, поливная посуда, орнаментированная в технике сграффито, зачастую подглазурной росписью, продолжала бытовать в гончарстве Молдавии вплоть до недавнего времени. При раскопках Сучавы была раскрыта гончарная печь XV в., в которой оказались поливные миски с высоким поддоном и орнаментом сграффито, очень сходные по форме и стилю орнаментации с мисками городской керамики XIV в. из Днестровско-Прутского междуречья. Подобная керамика найдена во время раскопок слоев XV—XVII вв. в Сучаве, Яссах, Васлуе, Старом Орхее и других пунктах средневековой Молдавии. В керамическом материале из Сучавы встречаются поливные кувшины с узким горлом и одной ручкой, иногда украшенные сграффито, также близкие к поливным кувшинам XIV в. из Старого Орхоя, Костешт и других поселений Северо-Западного Причерноморья.

Раскопки поселения XVI в. у с. Русены Ново-Аненского района МССР выявили характерные в этом смысле керамические материалы. Типы посуды поселения чрезвычайно близки к некоторым формам городской керамики Днестровско-Прутского междуречья XIV в. Это — кувшины с узким горлом и носиком, миски с кольцевым поддоном и вертикальным бортиком. На других поселениях XVI—XVII вв. в центральной части междуречья также часты находки фрагментов поливных мисок с кольцевым поддоном, орнаментированных в технике сграффито и подглазурной росписью. Ряд традиционных для посуды XIV в. форм, техника орнаментации и колорит расцветки поливной керамики сохраняются в молдавском гончарстве и более позднего времени. Маркотцы, вероятно, можно считать предшественниками глубоких молдавских макитр. Форма молдавских узкогорлых кувшинов-бурлуев скорее всего заимствована из керамики городов золотоордынского времени. Для хранения монет продолжают употребляться и в быту жителей молдавских средневековых городов шарообразные копилки с донышком. В молдавской керамике также существуют распространенные в культуре золотоордынских городов тарелки, пиалобразные чашечки.

Формирование культуры феодальной Молдавии происходило при участии культуры городов и поселений XIV в. Днестровско-Прутского междуречья. Однако степень этого вклада предстоит выяснить, рассматривая не только традиции керамического производства, но также всю совокупность явлений и категорий материальной культуры.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ МОЛДАВАН

(XV—XVII вв.)

Датировка памятников

В результате археологических исследований, проведенных на средневековых поселениях как сельского, так и городского типа, в Днестровско-Прутском междуречье получен богатый материал, позволяющий осветить характер материальной культуры сельского и городского населения Молдавии в XV—XVII вв. Основным датировующим материалом на средневековых поселениях являются монеты. В тех случаях, когда на памятниках отсутствуют монеты, для датировки привлекаются аналогии датированной керамики с других поселений. Так, например, ряд поселений северной части МССР (Старые Малаешты, Стынкауцы, Варатик и др.) появляется в конце XIV в. и существует на протяжении XV, XVI и XVII вв. Керамика XIV в. на этих поселениях сходна с керамикой, найденной при раскопках крепости Шкея, близ города Сучава (СРР), которая датируется монетами времени правления Петра I Мущата (1373—1392)⁴⁴⁷. Сопоставление сходной по формам и способу изготовления керамики из Шкеи с керамикой поселений северной части МССР позволило определить, что нижней датой последних является конец XIV в. Более поздние материалы XV—XVI вв. определяются

также по керамическим аналогиям и находкам на памятниках монет.

В настоящее время не проведена четкая грань между материалами XV и XVI вв., так как пока трудно отличить керамику XV от керамики XVI в. Но уже можно отличить материал указанного периода от более позднего. Это стало возможным благодаря найденному в одной из ям селища Балцаты керамическому материалу вместе с серебряной монетой восточного происхождения, датируемой, по мнению В. Л. Янина, не ранее второй половины XV в.

Ко второй половине XV — началу XVI в. относятся также красные неполивные глиняные изразцы с поселений Старые Малаешты и Стынкауцы. Производство печных изразцов возникло в Днестровско-Прутском междуречье не ранее середины XV в. Это подтверждается материалами раскопок 1953—1955 гг. в Старом Орхее, где в гончарной мастерской по изготовлению изразцов была найдена венгерская монета Владислава II (1490—1516 гг.) и серебряная серьга конца XV в.⁴⁴⁸ Некоторые изразцы из Стынкауц и Старых Малаешт по форме и орнаменту на лицевых пластинах аналогичны орхейским, что позволяет отнести их вместе с керамикой, с которой они найдены, ко второй половине XV — началу XVI в. Аналогичные по форме и орнаменту изразцы найдены в Сучаве и относятся также ко второй половине XV в.⁴⁴⁹

Четко датируются поселения конца XVI—XVII вв. Для определения этого времени привлечен материал однослойного поселения Пояны, где найдены три монеты, дающие возможность определить время существования селища: серебряные солиды прусского короля Георга Вильгельма (1622 г.) и Сигизмунда III (1624 г.) и медный тернарий польского короля Сигизмунда III, чеканенный в Лобзенце в 1630 г.⁴⁵⁰ На этом поселении найдена посуда, изготовленная из белой глины, которая является датирующим материалом для других поселений этого времени. В городах и сельских поселениях Молдавии белоглиняная керамика, видимо, появилась в конце XVI в. и продолжала бытовать и в XVII в. Она обнаружена на ряде поселений в Молдавии (Стынкауцы, Лукашева V, Костешты, Старые Малаешты) и датируется также найденными на этих поселениях серебряными польскими монетами Сигизмунда III, отчеканенными в 1622—1630 гг. и серебряными монетами, чеканенными в 60-х гг. XVII в. на Сучавском монетном дворе при господре Дабиже-Водэ по типу шведских и польских монет⁴⁵¹.

Датировка жилых и производственных комплексов в молдавском городе установлена в Старом Орхее. Здесь определение датировки основывается на находках большого числа монет начиная от времени правления Александра Доброго (1400—1432 гг.) вплоть до Стефана V (1538—1540 гг.). В Старом Орхее, кроме молдавских, найдены венгерские, турецкие, польские и венецианские монеты XV—начала XVI в. Более поздний период (XVI—XVII вв.) представлен турецкими, венгерскими и польскими экземплярами.

1. Материальная культура сельского населения

Поселения

Молдавские поселения XV—XVII вв. в преобладающем большинстве располагались на берегах, террасах, в долинах рек, на склонах ложбин, образованных небольшими реками и ручьями. В более редких случаях — в защищенных оврагами и холмами местах. Немаловажную роль в выборе места для поселения играло наличие питьевой воды — грунтовых источников.

Расположение поселений в местах, где воды ближе подходили к поверхности, характерно для холмистых районов. В этих районах поселения, как правило, располагались по балкам, на склонах холмов, где и в настоящее время можно найти колодцы, ключевые источники.

В средние века значительная часть территории Молдавии была покрыта лесами. Для основания поселений приходилось их вырубать, что в свою очередь давало обильный строительный материал для возведения сооружений. Многие поселения создавались на опушках, на подсеках или неподалеку от леса⁴⁵², то есть в таких местах, где лес мог служить надежной естественной защитой населения во время войн и набегов.

Некоторые поселения группировались близ сухопутных торговых путей⁴⁵³, а также близ городов⁴⁵⁴, что было вызвано развитием торгового обмена между городом и селом. Так, например, вокруг города Старый Орхей можно насчитать свыше десятка сельских поселений XV—XVIII вв., открытых археологическими разведками.

Выбор местности для поселений определялся различными географическими, экономическими и историческими условиями. Для сельских поселений Молдавии эпохи средневековья характерны прибрежный (который преобладает) и долинно-овражный типы заселений.

Судя по данным письменных источников, размеры поселений были различными в разные периоды. В XV в. известны села, насчитывающие десять — двадцать⁴⁵⁵ хозяйств. Во второй половине XVI — начале XVII в. размеры поселений увеличиваются до тридцати — сорока дворов⁴⁵⁶. В XVII в. и позже они состоят из сорока — шестидесяти и более хозяйств. Размеры поселений достигали от 2 до 15 га и насчитывали примерно от 50 до 300 и более жителей.

Самым древним типом планировки поселения на территории Молдавии является кучевое, или гнездовое село. Оно состояло из гнезд, включающих несколько хозяйств. Эта планировка характерна для молдавских сел, состоящих из нескольких патронимных поселков-кутов. Дальнейшая эволюция поселений привела к появлению нового типа планировки — линейному или рядовому, когда дома располагались рядами. Эта планировка в XV—XVII вв. существовала наряду с гнездовой и уже преобладала. Появление этого типа застройки поселений вполне закономерно, так как с дальнейшим развитием феодальных отношений, видимо, каждый хозяин стал владельцем своего двора-усады, которая являлась

составной частью линии домов, в отличие от предшествующего периода, когда все застройки были собственностью общины.

Первая попытка установить планировку села была предпринята при раскопках Поянского поселения. Это большое село приречного типа расположено на первой и второй надпойменных террасах и в пойме Днестра. На поселении было вскрыто 4000 кв. м. При раскопках исследовано пять жилищ, сооруженных на склоне второй надпойменной террасы в два ряда, тянувшихся вдоль склона. Ниже по склону и террасам прослежены отдельные, плохо сохранившиеся пятна с остатками древесного угля, глиняных печей, что свидетельствует о том, что ниже по склону проходили новые ряды жилищ. Характер рельефа, на котором находилось поселение (склон, терраса), был таков, что другая планировка, кроме линейной, была невозможна.

Аналогичное явление прослежено и на поселении Русены (XV—XVI вв.), расположенного на первой надпойменной террасе р. Бык. На поверхности поселения были прослежены остатки 18 жилищ, вытянутых тремя рядами вдоль террасы. Расстояние между рядами достигает 10 м. Русенское и Поянское поселения — приречного типа, и для них характерна линейная планировка. В данных случаях зачастую тип планировки зависит от рельефа местности, на которой находилось поселение. Молдавские поселения XV—XVII вв. в преобладающем большинстве приречные, и в силу физико-географических условий наиболее удобным типом планировки для этих поселений является рядовой или линейный.

Позже, с началом развития земледелия и с перемещением ряда поселений из пойм на коренной берег Днестра, примерно с конца XVII — начала XVIII в., появляется улично-квартальный тип застройки поселений, который сохранил древнюю традицию кучевой планировки.

Жилища Усадьба молдавского феодала в средние века, судя по материалам грамот, состояла из жилого дома, хозяйственных построек, подвала, скотного двора, сараев, житниц для хранения хлеба. За пределами усадьбы, на берегу реки, находилась мельница, в лесу — пасека.

Крестьянская усадьба, судя по археологическим данным, кроме однокамерного жилища, состояла из внешней печи или очага, хозяйственных или зерновых ям, расположенных в самом жилище или за его пределами. Никаких подсобных помещений для зимнего содержания скота раскопками не обнаружено. Видимо, эти помещения были наземными, легкого типа, состоящими из столбового каркаса и плетенки, следы которых очень плохо сохраняются.

Население Молдавии в средние века проживало в наземных и углубленных в землю жилых сооружениях, котлованы которых были углублены в материковый грунт. Последняя группа жилищ в зависимости от глубины котлована подразделялась на две разновидности: земляночные и полуземляночные. Они известны по археологическим материалам поселений (Русены, Анены-Парк, Малаешты, Пояны и др.).

Рис. 64. Вид землянки с поселения Русены (графическая реконструкция).

Землянки представляли собой углубленные в землю сооружения, глубина котлована которых не требовала возведения наземных стен, и перекрытие его могло опираться на земную поверхность (рис. 64). Глубина котлована практически достигала от 1,5 до 2 м. На поселениях от землянок сохранились только следы котлованов, заполненные черноземом, углем, а также остатки печей или очагов. Землянки — прямоугольной формы, ориентировка их различна, но преобладает ориентировка восток-запад. Площадь жилищ варьирует от 9 до 36 кв. м. Пол, как правило, горизонтальный, состоит из утрамбованной материковой глины.

О жилищах подобного типа упоминал в своих записках французский миссионер и путешественник XVII в. Филипп Авриль (1689). Он писал, что в «восточной части (Молдавии. — П. Б.), граничащей с Татарией, крестьяне и все не живущие в укрепленных городах, вынуждены делать землянки под землей, чтобы избежать гнева неверных»⁴⁵⁷. Это сообщение Авриля подтверждается открытием в степной части МССР на более ранних поселениях XV—XVI вв. Анены и Русены жилищ, глубоко опущенных в землю — на 160—230 см от дневной поверхности. Исследования показали, что котлованы жилищ XV—XVI вв. этого типа. (Анены, Русены, Малаешты) глубже котлованов жилищ XVII в. (Пояны). Однако это не означает, что землянки совершенно исчезли. Они бытовали в Молдавии на протяжении всего средневековья и сохранились, правда в редчайших случаях, до начала XX века.

Полуземлянки представляли углубленные в землю жилые сооружения, незначительная глубина котлована которых требовала возведения наземных стен. Полуземлянки также прямоугольные, с различной ориентировкой. Но преобладала ориентировка север-юг. Площадь их была

невелика и достигала 12—14 кв. м. Пол горизонтальный. Глубина котлована полуземлянок была меньше глубины землянок и достигала немногим более 1 м. Следовательно, верхняя часть стен жилища выходила за пределы поверхности котлована.

Все жилища, углубленные в землю (землянки и полуземлянки), как правило, однокамерные. Несколько своеобразен план сохранившейся части жилища № 1 на поселении Анены-Парк. С западной стороны к жилищу сделана небольшая пристройка размерами 2,6×2 м, где были сооружены печь и подпольная яма. Это жилище, по сути дела, было однокамерным, но состояло из двух частей: жилой части и пристройки для хранения припасов. Здесь же находилась печь. Пристройка не отделена от жилого помещения перегородкой, и печь обогревала все помещение.

В двух случаях (Русены и Пояны) удалось обнаружить вход в жилище в виде пристройки-тамбура с пятью ступенями, вырытыми в грунте. Вход в жилище на селище Русены четко был обозначен столбовыми ямами по обеим сторонам дверного проема, а на поселении Пояны у входа в жилище № 1 прослежена яма от дверного столба.

Отопительные сооружения в жилищах этого типа были двух разновидностей: печи и очаги. Печи в плане были прямоугольные или овальные, сооружены из глины на материковой подставке высотой 20—25 см или врезаны в материк (Анены, Русены). По внешнему виду (сводчатой форме) они напоминают летние печи в современных крестьянских дворах. Размеры печей достигали 110×150 см. Поды печей состояли из плотно утрамбованной глины и достигали толщины от 3 до 13 см. Печи, как правило, располагались справа от входа. Иногда перед устьем печи сооружались шестки, размерами 30×60 и 55×80 см. Никаких следов дымоходов в жилищах не прослежено. Видимо, отопление производилось по-черному.

Очаги имели форму овалов и состояли из утрамбованной глины материкового происхождения, прокаленной докрасна. Диаметр очагов достигал от 40 до 150 см, толщина пода — 3—5 см. Очаги, как правило, располагались в центре жилища, напротив входа, или же в углу, у задней его стенки. Над очагами подвешивали котлы, в которых готовили пищу.

В редких случаях в жилищах этого типа можно встретить лежанки из материковой глины, размещенные рядом с отопительным сооружением. Они располагались во всю длину задней стенки жилища. Кроме лежанок, использовались деревянные нары, установленные также рядом с печью.

Наземные средневековые жилища оставили гораздо меньше следов, чем жилища, углубленные в землю. Эти следы можно определить по сохранившимся столбовым ямам от каркаса жилища, по поду печи, цвету грунта, остаткам горелого дерева, печины и обмазки, а иногда только в профилях стен раскопов. Остатки наземных жилых сооружений открыты лишь на некоторых сельских поселениях Днестровско-Прутского

междуречья. Эти жилища встречаются на тех же поселениях, где открыты и жилища, углубленные в землю.

Наземные жилища, как правило, были прямоугольной формы. Ориентировка их различна — север-юг или запад-восток с небольшими отклонениями. Размеры домов различны: длина — от 480 до 720 см, ширина — 260—400 см, площадь — от 16,5 до 38 кв. м. В отличие от углубленных в землю жилищ, где отклонения в размерах довольно велики (от 9 до 36 кв. м), в наземных домах подобные отклонения не наблюдаются. Полы наземных жилищ залегают в культурном слое на небольшой глубине — от 20 до 40 см от дневной поверхности.

Из остатков строительных материалов найдены обугленное дерево и куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Каркас, состоящий из вертикальных столбов, был обмазан слоем глины.

Многочисленные следы прутьев на обмазке стен жилищ свидетельствуют о том, что более распространенными были стены плетневой конструкции, обмазанные глиной. Благодаря этнографическим исследованиям, в последние годы в ряде сел обнаружены жилища с подобными стенами. Так, в с. Копанка сохранилось несколько домов, возведенных старым традиционным способом строительства в Молдавии. Эти дома сооружены без фундамента, на столбах, переплетенных прутьями, и обмазаны толстым слоем глины. При расчистке некоторых жилищ (Слободка, Пояны) были найдены куски глиняной обмазки стен, покрытой слоем извести.

По своей внутренней планировке наземные жилища делятся на однокамерные и двухкамерные. До настоящего времени открыто только одно двухкамерное жилище — в Поянах, остальные состоят из одной камеры. Видимо, в этот период в Молдавии преобладают однокамерные как углубленные в землю, так и наземные дома.

Двухкамерное жилище из Поян (рис. 65) состояло из сеней и жилого помещения. Дом был сооружен на поверхности из дубовых бревен, обмазанных изнутри толстым слоем глины, а затем побелен. Размеры его — 720×390 см. Стена, разделяющая жилище, сделана из дубовых плах, вбитых вертикально в землю⁴⁵⁸. Из сеней в жилое помещение ведет дверной проем шириной 100 см. Площадь сеней — 11,7 кв. м, а площадь жилого помещения — 14,3 кв. м. Судя по предметам, найденным в нежилом помещении (коса, точильные бруски, горшки), сени служили одновременно и кладовой для хранения инвентаря и припасов.

Справа от входа в жилище располагалась глиняная сводчатая печь. Перед устьем ее находился шесток. Над шестком был сооружен дымоход.

О внутреннем убранстве молдавского народного жилища сообщает путешественник Павел Аллепский: «Внутри домов сидения идут вдоль стен, а столы, как во франкских домах, расположены на подпорках посреди комнаты. Постельные принадлежности состоят из ковров и тканей, растянутых вдоль стен. В каждом доме есть печь, которая снаружи представляет четыре стены из обожженной глины, зеленой или красной, а у богатых — из изразцов, чтобы задерживать дым. Печи соору-

Рис. 65. Вид наземного двухкамерного жилища с поселения Пояны (графическая реконструкция).

жают на двух столбах с железной крышкой сверху, которая зовется на их языке каптур. От этого в доме бывает теплее бани»⁴⁵⁹. Из сопоставления этих сведений с материалами археологических исследований можно заключить, что внутреннее убранство в молдавских домах на протяжении веков сохранило свои древние традиции.

Молдавское народное жилище на протяжении столетий претерпело определенную эволюцию. В XV—XVII вв. преобладали однокамерные жилища, углубленные в землю, и наземного типа. Примерно в конце XVI—XVII вв. появляется жилище двухкамерного типа. С XVII—XVIII вв. преобладают уже наземные дома. Это дома, состоящие из двух помещений которые носят в настоящее время название «тиндэ» и «кэмарэ». Позже к двухкамерному дому пристраивается еще одно помещение, в результате чего возникает современный молдавский трехкамерный дом, состоящий из тиндэ и кэмарэ + «каса маре» (горница)⁴⁶⁰.

Хозяйственные сооружения При раскопках жилых сооружений на сельских поселениях обнаружены остатки внешних очагов и печей, хозяйственные и зерновые ямы, служившие своего рода кладовыми. Подобного рода кладовой служила яма в пристройке к жилищу № 1 на поселении Анены-Парк.

Остатки внешних печей открыты на двух поселениях — Бранешты V и Балцаты I. Печи, как правило, прямоугольной формы, от них сохранились лишь горизонтальные поды, сделанные из плотно утрамбованной глины, толщиной от 5 до 10 см. Внешние печи служили для приготовления пищи и выпечки хлеба в летнее время.

Следы внешних овальных очагов прослежены на поселениях Бранешты III и Балцаты I. Они углублены в грунт от 12 до 30 см. Форма

в плане овальная, дно овальное и ковшеобразное. Толщина пода — 4—10 см. Назначение очагов, по-видимому, то же, что и у внешних печей.

К хозяйственным сооружениям следует отнести и колодцы. Колодцы неоднократно упоминаются в средневековых грамотах как ориентиры при установлении границы села, или как собственность феодалов.

Единственный колодец археологически прослежен на поселении Балцаты I. Он имел цилиндрическую форму. Глубина от древней дневной поверхности 240 см. Стенки его отвесные, диаметр 170 см. Обнаруженная возле устья колодца насыпь, состоящая из чернозема, пещины и древесного угля, и найденный в ней гвоздь позволяют предположить, что это был колодезный деревянный сруб.

К хозяйственным постройкам следует отнести и обнаруженные на поселениях ямы. В преобладающем большинстве случаев ямы находились за пределами жилищ (Русены, Пояны, Балцаты, Старые Малаешты, Стынкауцы и др.), но в одном случае (Анены-Парк) яма была обнаружена внутри жилища. По своему назначению ямы подразделяются на две группы: зерновые и хозяйственные.

Зерновые ямы известны на поселениях Анены-Парк, Пояны. Яма на поселении Анены-Парк была вырыта в пристройке к жилищу № 1 возле печи. Стенки и дно были обожжены. Глубина ямы — 80 см, диаметр — 160×120 см. Яма на поселении Пояны — цилиндрической формы, обожжена, стенки ее обмазаны глиной, дно выложено камнями. Глубина — 135 см, диаметр устья и дна — 155 см, 160 см.

Хозяйственные ямы по форме делятся на четыре группы: цилиндрические, усеченно-конические, сегментообразные и овальные. Глубина варьирует от 20 до 150 см. Диаметр устья различен — от 120×80 до 240×180 см. Некоторые из ям, судя по их большим размерам и предметам, найденным в их заполнении, могли служить кладовыми.

Основным занятием сельского населения было животноводство.

Занятия населения

Остеологический материал раскопок поселений Балцаты, Русены, Пояны, Гура-Быкулуй и др., определенный доктором биологических наук В. О. Цалкиным, дает представление о составе скота на этих поселениях. Здесь найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади.

Из сведений путешественников, посетивших Молдавию, также видно, какую огромную роль в хозяйстве страны играло разведение скота. Венецианец Донадо де Лецце (XV в.) отмечает, что «Молдавия благоприятная страна, богатая скотом, волами и хорошими лошадьми»⁴⁶¹. Другой путешественник, Матвей Стриковский, указывает, что провинция Бессарабия изобилует стадами овец»⁴⁶². Во многих средневековых документах упоминаются лошади, воны, коровы, быки, буйволы, овцы, свиньи и др.

Об орудиях труда, применяемых в этой отрасли хозяйства, пока мало сведений. О стойловом содержании скота свидетельствуют находки

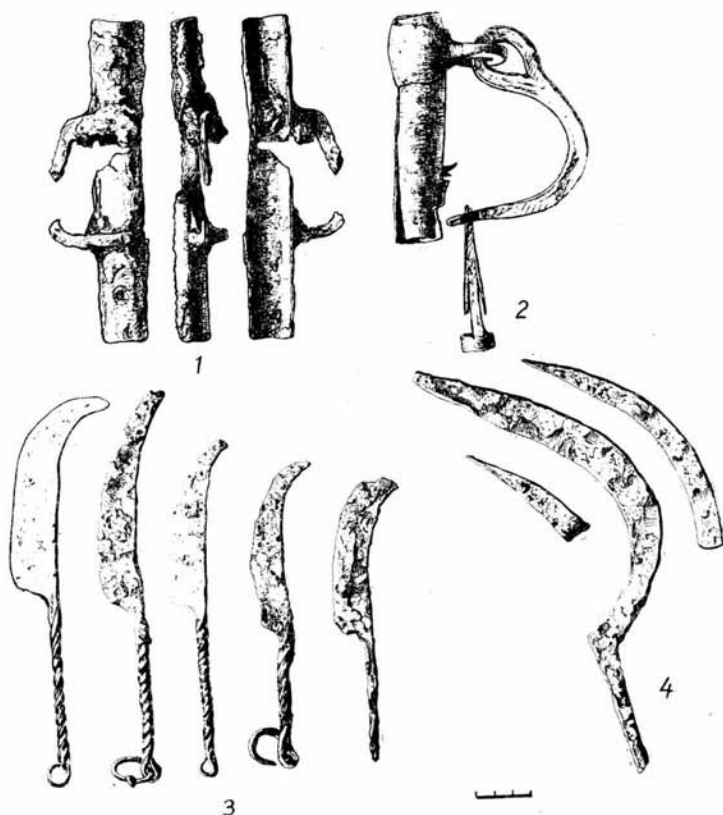

Рис. 66. Изделия из железа с поселений XV—XVII вв.: 1 — железная скребница; 2 — трубчатый замок; 3 — раскроечные ножи; 4 — серпы (и их обломки).

скребницы (рис. 66), пятки косы на поселении Анены-Парк (XV—XVI вв.) и косы из жилища № 5 на поселении Пояны (XVI—XVII вв.).

В XV — начале XVI в. преобладал тип косы-горбуши, применявшейся для скашивания травы в лесу и на лесных полянах, покрытых мелким кустарником. Примерно на рубеже XVI—XVII вв. в связи с дальнейшим развитием производительных сил, увеличением площади пойменных лугов появляется новый тип косы, близкий по форме к современной.

О развитии земледелия в Молдавии этого периода свидетельствуют записи путешественников. Они отмечали, что в крае много пашен, что с полей собирают богатый урожай пшеницы, овса и проса⁴⁶³, а пшеницу производят только для своих нужд, чтобы хватило до следующего уро-

жая, и сеют ее после 1 апреля. Сведения о производстве пшеницы находим в ряде молдавских грамот⁴⁶⁴.

Данные о составе возделываемых культур археологически получены пока только при раскопках селища XV—XVI вв. Стынкауцы. На этом поселении возле пода печи одного из жилищ найдены обугленные зерна ржи, ячменя, пшеницы-двузернянки (полбы) и мягкой пшеницы. Данные грамот отмечают и возделывание других культур: гороха, гречихи, фасоли и др.

Большое значение для определения уровня развития средневекового хозяйства имеет изучение земледельческих орудий труда и в первую очередь инвентаря для обработки почвы. Пахотный инвентарь делится на две группы: ручной и тягловый. К первой группе относятся сапы и заступы. Заступы, как правило, были деревянными, и лишь рабочая их часть была из металла. Они применялись не только для обработки участков под огороды и сады, но также для вскапывания почвы под пашню.

Для поднятия целины и залежей использовались пахотные орудия второй группы — тягловые. К ним относятся деревянные плуги с железными симметричными и асимметричными лемехами и череслами. Найденные на сельских поселениях лемехи и чересла позволяют допустить, что в рассматриваемый период в Молдавии основным пахотным орудием был деревянный плуг, снабженный колесным передком, череслом и отвальной доской. В молдавском сельскохозяйственном инвентаре известен и специальный плуг, приспособленный только для воловьей упряжки⁴⁶⁵. Иногда волы заменялись буйволами, которых специально разводили для этой цели жители степей⁴⁶⁶.

Орудия уборки урожая представлены целыми серпами и обломками, найденными на поселениях Малаешты, Стынкауцы, Новые Русены, в Старом Орхее. Об уборке колосовых серпами говорят и некоторые грамоты, где идет речь о жатве⁴⁶⁷.

Зерно хранилось в основном в зерновых ямах. Эти ямы открыты на поселениях Пояны, Стынкауцы и др. Ямы имели цилиндрическую или грушевидную форму. Чтобы зерно находилось постоянно в сухом состоянии, стенки зерновых ям иногда обмазывали глиной и обжигали, а днища выкладывали камнями.

Помол хлеба производился на ручных мельницах, которые, вероятно, были почти в каждом хозяйстве. Обломки жерновов найдены на некоторых жилищах поселений (Старый Орхей, Стынкауцы). В крупных феодальных хозяйствах помол хлеба производился на мельницах, в большинстве случаев сооруженных на Пруте, Реуте, Чугуре и др.

Значительное место в экономике Молдавии в XV—XVII вв. занимало виноградарство и виноделие. На это обратили внимание и иностранные путешественники. Иопекурт, например, отмечает, «...что страна богата вином, которым обеспечиваются Подолия и соседние страны»⁴⁶⁸. Виноградники располагались на песчаных или глинистых склонах холмов, освещенных большую часть дня солнцем.

В Днестровско-Прутском междуречье в рассматриваемый период были развиты такие промыслы, как пчеловодство, рыболовство и охота.

В XV—XVII вв. пчеловодство в Молдавии было пасечным. Большое количество пасек, особенно в XV в., располагалось в холмистой лесостепной части — в кодрах. Расположение пасек в этих районах междуречья было вызвано в основном тем, что здесь леса изобиловали нектароносными деревьями. Сады являлись дополнительным источником, где добывали нектар, особенно весной. На пасеках сооружали землянки-подвалы, где в зимнее время находились ульи.

Полученный мед хранился в бочках, а воск прессовался в специальной форме, которая и являлась мерой воска. Она называлась «камнем воска» или «каманой».

О другом промысле — рыболовстве — известно как из грамот, так и по данным археологических источников. В XV—XVII вв. широкое развитие в Днестровско-Прутском междуречье получил рыбный промысел на Днестре, в устьях его притоков Быка и Ботны и на озерах Захорна и Леонта, а особенно в нижнем течении реки Прут, у места впадения его в Дунай.

Кроме естественных рыбных водоемов, на участках крупных землевладельцев, особенно монастырей, на реках и более мелких ручьях сооружались искусственные водоемы-запруды, в которых разводилась рыба⁴⁶⁹. Для сооружения новых запруд и ухода за старыми использовался труд зависимых крестьян.

При раскопках поселения XVI в. у с. Гура-Быкулуй Ново-Аненского района МССР, расположенного на Днестре, в 1964 г. были найдены рыболовные орудия. В заполнении одного из жилищ на этом поселении, кроме рыбьих костей и чешуи, найдены целые кованые из железа крючки, а также обломки от них. Очень интересна находка железных крючков, видимо, от самолова. Кроме крючков, в жилище найдена также небольшая железная кованая блесна, которая применялась для ловли хищных рыб, вероятнее всего щуки или окуня.

Об охотничьем промысле свидетельствуют находки железных наконечников стрел и срезней на всех раскопанных поселениях (рис. 67). Во время археологических раскопок на ряде поселений XV—XVII вв. найдены кости благородного оленя (Старый Орхей, Русены, Пояны), косули (Старый Орхей, Стынкауцы, Малаешты), дикого кабана (Пояны) и зайца (Малаешты)⁴⁷⁰.

Археологические материалы позволяют изучить продукцию ремесленников, представленную различными предметами в домашнем обиходе.

О кузнечном ремесле свидетельствуют находки шлаков, бесформенные куски железа — отходы кузнечного производства, а также находки железных предметов, производство которых, видимо, не требовало сложных технических приемов и высокой квалификации.

При раскопках поселения Старые Малаешты было открыто жилище, в заполнении которого найдено много кусков шлака, а также большое количество обломков железа — отходы кузнечного производства. Подобными обломками и кусками шлака был насыщен и слой близ жилища. Все это позволяет заключить, что это было жилье кузнеца, а мастерская, видимо, находилась где-то рядом. Из кузнечных инструментов найдены слесарное зубило и пробойник (Старые Малаешты).

Следует отметить находку в заполнении жилища № 5 на поселении Пояны — донную часть глиняного горшка с железистыми остатками на стенках. На дне посуды лежала подушка толщиной в 2,5 см, состоящая из мелко просеянного затвердевшего песка, пропитанного железом, отчего песок приобрел красный цвет. Судя по более ранним подобным находкам в Москве⁴⁷¹, Старой Рязани⁴⁷², Болгарах⁴⁷³ и по объяснению этих находок Б. А. Колчина, горшок использовался как тигель для цементации железа при изготовлении стали⁴⁷⁴.

Деревоотделочный инструмент представлен одним целым топориком (Старые Малаешты) и обломками лезвий топоров (Стынкауцы, Пояны), а также находками железных спиральных сверл (Стынкауцы, Бранешты III).

Универсальный инструментарий известен по находкам на поселениях железных ножей, ножниц, бритв, шильев, игл и др. Ножи — это наиболее распространенный тип этого инструментария. На поселениях ЛукашевкаV, Балцаты, Русены, Анены-Парк, Пояны, Старые Малаешты и др. найдены свыше 60 целых и обломков ножей.

Хозяйственный и домашний инвентарь, изготовленный кузнецами, широко представлен на поселениях. К нему следует отнести висачие

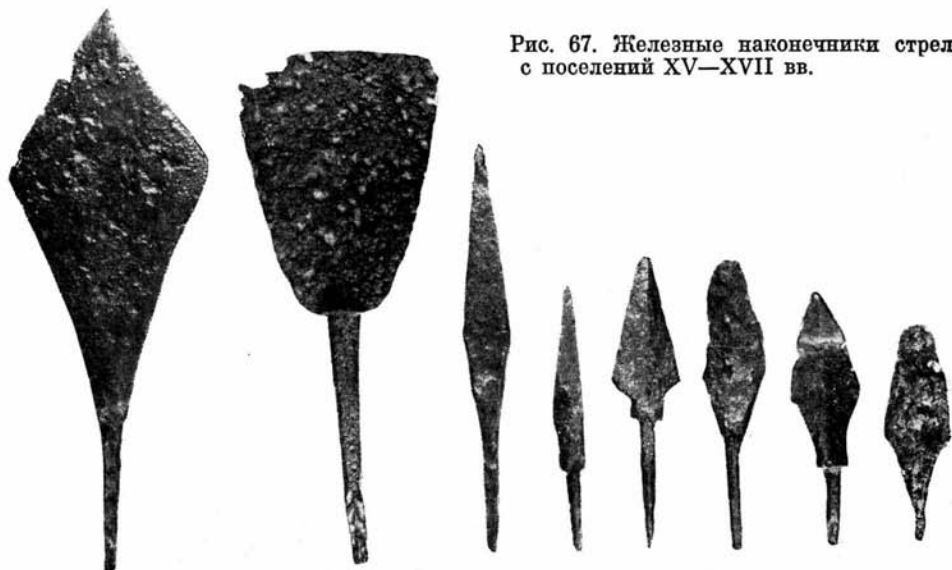

Рис. 67. Железные наконечники стрел с поселений XV—XVII вв.

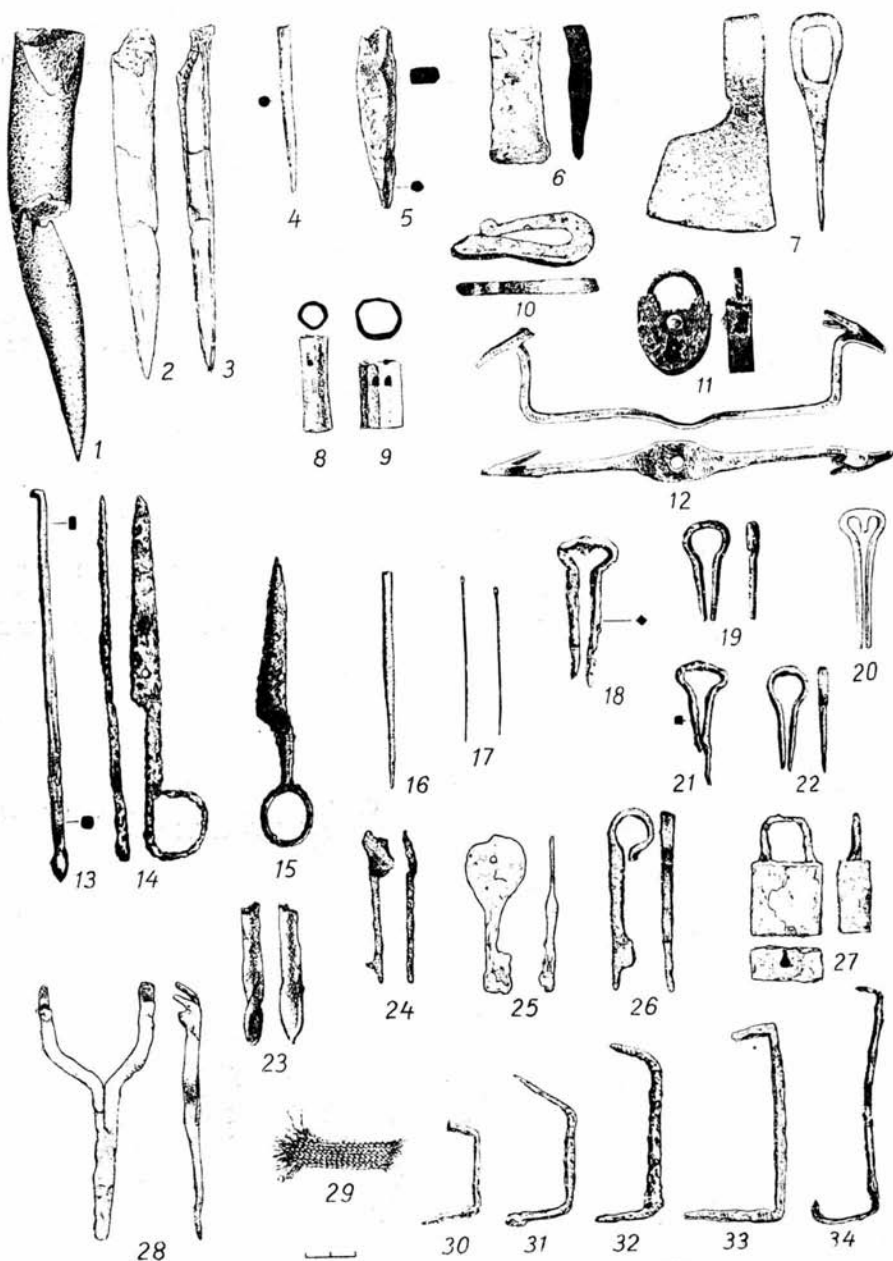

Рис. 68. Вещи, найденные на сельских поселениях XV—XVII вв.:

1—4 — костяные проколки; 5 — пробойник; 6 — долото; 7 — топор; 8—9 — костяные юрки; 10 — обломки кресала; 11, 27 — железные замки; 12, 28 — светцы; 13, 23 — сверла; 14—15 — шарнирные ножницы; 16 — шило; 17 — иглы; 18—22 — варганы; 24—26 — ключи; 29 — тесьма; 30—34 — крепежные скобы.

Рис. 69. Керамика с поселений XV—XVI вв.

и пружинные замки, ключи, кресала, светцы, железные скребки и др.

Кроме упомянутых железных инструментов, на поселениях найдены и другие предметы, изготовленные, вне сомнения, сельскими кузнецами. Это — подковы для лошадей, гвозди, скобы-скрепы, варганы-дрымбы (рис. 68) и др.

Изучение гончарного дела возможно только по материалам археологических исследований. В культурных слоях сельских поселений найдено большое количество керамики. Раскопки селищ Пояны, Балцаты I, Анены-Парк, Русены, Стынкауцы дали богатый керамический материал, позволивший изучить формы и типы керамических изделий.

Изделия сельских гончаров представлены посудой различных форм, фрагменты которой найдены в большом количестве на поселениях. Это — горшки, кувшины, миски, кружки, крышки, копилки, печные изразцы и др. (рис. 69—70). Вся посуда изготовлена на быстровращающемся круге. Об этом свидетельствуют симметричность форм посуды, следы среза ниткой на днищах при снятии готового изделия с круга, а

также равномерные линии на внутренней стороне стенок посуды в виде вмятины от пальцев гончара во время их формовки. В глиняное тесто добавлена примесь песка, реже известняка.

На поселениях открыты остатки гончарных горнов двух типов: двухъярусные (Гура-Быкулуй) и одноярусные (Старые Малаешты). В них производился обжиг посуды. Иногда применялся окислительный обжиг, в результате которого посуда приобретала красный цвет. Преобладающее большинство изделий обжигалось восстановительным способом и было серого или черного цвета. Посуда серого и красного цветов характерна для поселений XV — первой половины XVI в. Во второй половине XVI — начале XVII в. наряду с вышеупомянутой посудой появляется белоглиняная керамика, представленная в большей степени горшками и реже тарелками.

Поливная керамика появляется в основном во второй половине XVI—XVII в. Поливой покрывалась чаще всего белоглиняная посуда и реже керамика красного цвета. Полива была зеленой и коричневой. Ею покрывалась внутренняя часть посуды, а снаружи — только верхняя часть.

В XV—XVI вв. господствовал рифленый орнамент, нанесенный на плечики горшков, или углубленный прорезной орнамент в виде волны и параллельных горизонтальных линий. Во второй половине XVI—XVII вв. в связи с появлением белоглиняной керамики наносится расписной орнамент, чаще всего краской красного и коричневого цвета в виде волны, широких параллельных полос и др.

Керамические изделия изготавливались в городах, слободах и в ряде сел, откуда развозились по стране на распродажу или на торги.

О сапожном ремесле в селе свидетельствуют находки кожевенно-сапожного инструмента. Он представлен в основном раскrojными ножами с полулунным лезвием, с витым железным черенком и загнутым в кольцо краем.

На поселении Пояны были вскрыты остатки наземного сооружения, видимо, мастерской сапожника. В заполнении найдены раскrojный нож, обломок точильного бруска, медная и железная иглы, обломок железной подковы, а также сапожный гвоздь.

Рис. 70. Керамика с поселений XVI—XVII вв.

Обработка кости представлена отдельными проколками, костяными рукоятками для ножей, набалдашниками рукояток ножей, а также костяными цилиндриками-юрками, применявшимися в ткачестве.

Животноводство, будучи одним из основных и наиболее развитых отраслей сельского хозяйства Молдавии в средние века, было главной сырьевой базой для домашних ремесел. Сырьем, кроме шерсти, служила и конопля. Поэтому в рассматриваемый период были широко развиты в молдавском селе такие домашние производства, как прядение и ткачество.

В каждом крестьянском доме женщины занимались прядением и ткачеством. О прядении свидетельствуют находки заготовок для пряслиц (Лукашевка V, Бранешты III и др.), сделанные из стенок сосуда. До настоящего времени еще не найдено ни одного готового подобного пряслица, а только отдельные заготовки. Это позволяет сделать вывод, что заготовки или ломались при сверлении, или же глиняные пряслица к этому времени просто были вытеснены целыми деревянными веретенами, которые могли изготавливаться на токарном станке.

Ткань в рассматриваемый период производилась на горизонтальном ткацком станке. Об этом свидетельствует найденный костяной юрок, применявшийся при ткачестве на горизонтальных станках.

Кроме ткани, в рассматриваемое время производили тесьму. Об этом говорит шерстяная тесьма из Балцатского клада конца XVI в., к которой были прикреплены шарообразные серебряные пуговицы. Тесьма была изготовлена способом плетения на «вилочке» и окрашена в желтый и бордовый цвета.

2. Материальная культура городского населения

Топография городов

В 1946 г. был открыт один из важнейших ремесленно-торговых центров средневековой Молдавии в Поднестровье — Старый Орхей, который продолжает исследоваться и в настоящее время. В 1953 г. были проведены разведывательные работы на территории средневекового города Лапушна, в результате которых были получены первые стратиграфические и вещевые материалы. В 1970 г. И. Г. Хынку проводились раскопки на территории средневекового города Тигин (современные Бендеры), где были вскрыты остатки жилищ XV—XVI вв. и установлено, что Бендерская крепость, построенная турками в XVI в., перекрывала более ранний средневековый слой.

Освещение материальной культуры городского населения Днестровско-Прутского междуречья рассматриваемого периода можно изложить пока в основном по материалам, полученным при раскопках Старого Орхея.

Молдавские средневековые города располагались, как правило, на берегах рек, на сухопутных торговых трактах, идущих с севера на юг и с запада на восток. Так, через город Лапушну, расположенный на

реке Лапушна, и Тигин — на Днестре, проходил молдавский торговый путь, идущий на Белгород и Каффу. Старый Орхей находился на торговом пути, который вел из Львова по правому берегу Днестра через Тигин на Каффу.

Города располагались на высоких местах, служивших в определенной мере естественной защитой. На мысах, как правило, располагались феодальные укрепления, а низменные участки были заняты посадом.

Особый интерес представляет топография Старого Орхей, расположенного между сс. Бутучены и Требужены в Оргеевском районе. Мыс, на котором находился город, образован излучиной р. Реут с высокими обрывистыми берегами. И лишь западная сторона защищена искусственными сооружениями в виде двух линий рвов и валов.

На западной части мыса, над обрывистым берегом Реута, было воздвигнуто феодальное укрепление — дворцовое сооружение, видимо, пыркалаба — военного наместника господаря и правителя цинута. Это сооружение состояло из многих помещений. Дворец и внутренний двор были обнесены мощными каменными стенами, укреплены четырьмя круговыми башнями по углам и тремя полукруглыми башнями, примыкающими к западной, южной и восточной стенам. Северная стена этой цитадели, возвышающаяся над обрывистым берегом Реута, была укреплена двумя контрфорсами трапезиевидной формы. Въезд в укрепленный двор, образованный двумя полукруглыми каменными пилонами, четко очерчивающими проем ворот, был в южной стене.

На территории городища обнаружены остатки каменных фундаментов двух церквей XV—XVI вв. Одна из них располагалась на расстоянии не более десятка метров от восточной стены цитадели, рядом со средневековым кладбищем. Вторая церковь, от которой сохранился лишь фундамент, располагалась в средней части города. Рядом было кладбище второй половины XVI в. К югу и к востоку от цитадели размещался посад Старого Орхей, где были обнаружены многочисленные остатки жилых, производственных и др. сооружений городского населения.

Жилища

О характере жилых и хозяйственных сооружений молдавского средневекового города можно судить также только по материалам Старого Орхей. До настоящего времени известны в основном жилища земляночного типа и жилища наземные, сооруженные чаще всего на развалинах больших каменных построек (дворцы, бани, караван-сарай и др.) с использованием стен этих сооружений. Так, при раскопках цитадели были обнаружены остатки более древних жилищ. В жилищах наземного типа была использована вымостка пола из отесанных плит, а также различные архитектурные детали (каменные карнизы, обломки тесаного камня с резьбой) ранее существовавшего первоначального здания. При строительстве жилищ и мастерских были использованы стены частично развалившихся бань золотоордынского времени.

В домах, сооруженных на развалах больших каменных построек, пол, как правило, был из утрамбованной глины или же использовался

старый пол из каменных плит, скрепленных известковым раствором. Площадь — от 9 до 16 кв. м. Входы в наземные жилища различны, в одних домах есть небольшие тамбуры, в других — дверные проемы.

Отопительные сооружения наземных домов различны: очаги-ямы круглой формы, вымощенные камнями, и сводчатые, прямоугольные в плане печи из камня или глины. Сооружались они напротив входа или справа, или слева от него.

Количество жилищ земляночного типа, судя по данным раскопок, в городе, как правило, преобладает. Их котлованы всегда углублены в материковый грунт от 140 до 275 см. Все сооружения этой группы, как правило, прямоугольной формы, иногда со слегка округленными углами. Площадь их различна и варьирует от 6 до 28 кв. м. Пол горизонтальный из утрамбованной глины и зачастую обмазан, стены прямые.

Заполнения котлованов домов, особенно тех, которые носят следы пожара, позволили установить, что постройки были меньше по площади, нежели первоначальные ямы. В основании котлованов прослежены как обугленные, так и полуистлевшие остатки столбов и ям от них. Столбы были обшиты снаружи деревянными плахами или досками. К жилым сооружениям снаружи вели ступенчатые тамбуры-входы. Четко обозначены дверные проемы двумя ямами для столбов, а также вход из тамбура в жилье. На некоторых стенах обнаружены следы и остатки штукатурки из извести с большой примесью песка.

Отопительными сооружениями служили очаги без определенной формы, обнаруженные лишь по сильному прожогу в центре жилища, а чаще всего печи, расположенные справа или слева от входа. Они сооружались из плотной утрамбованной глины на материковой подставке высотой 20—30 см. Снаружи печи имели прямоугольную форму высотой 40—70 см, шириной 70—140 см, длиной 130—160 см, а внутри были сводчатыми, устья были тоже сводчатой формы. Часто встречаются печи, выкопанные в стене полуземлянки, справа или слева от входа в виде ниши. Они овальной формы, иногда обложены камнем. Поды печей были сделаны из очень плотно утрамбованной глины.

Хозяйственные сооружения Кроме жилых домов, на территории средневекового города открыты в небольшом количестве и хозяйственные сооружения, расположенные неподалеку от жилищ. К ним можно отнести кладовые, погреба и хозяйственные ямы.

Кладовые сооружены по типу жилищ, углубленных в землю, они прямоугольной формы, площадью около 16—18 кв. м, столбовой конструкции. Стены обшиты мощными плахами. К ним пристраивались из дерева тамбуры, очерчивающие ступенчатые входы. Пол горизонтальный. В заполнении кладовых найдены различные бытовые предметы, такие, как железные ножи, металлические замки, пластинчатые шпоры, железный скобель, ключи, сверла, удила; в большом количестве керамика (в основном целые сосуды) и др.

Такой же конструкции были и погребы, только глубже (около 300 см). Они были прямоугольной формы столбовой конструкции, обшиты досками. В одном погребе из Старого Орхья найдены обугленные остатки двух бочек, деревянных клепок, виноградной лозы и железный наконечник деревянной лопаты.

Судя по имеющимся материалам, можно заключить, что хозяйственные постройки в усадьбах городского населения по форме и конструкции не отличались от жилых. В них отсутствуют лишь очаги.

Хозяйственные ямы были различной глубины и формы: цилиндрические, усеченно-конические, грушевидные. Последние чаще всего были предназначены для хранения зерна.

Необходимо отметить, что в XV—XVII вв. сельские жилые и хозяйственные помещения по размерам, форме и конструкции почти не отличались от городских.

Занятия населения

Во время раскопок найдены орудия труда, кости домашних животных, обугленное зерно различных культур, свидетельствующие о том, что городское население занималось сельским хозяйством. О хлебопашестве говорят находки железных соскребов в форме лопаты, которыми очищалась от земли отвальная доска плуга. Они надевались на деревянный черенок. Из ручных пахотных орудий известны заступы и мотыги. Основа заступов деревянная, а наконечник был изготовлен из железа. Наконечник имел овальную форму. Они употреблялись для вскапывания почвы и для обработки огородов и садов. В огородном хозяйстве горожан использовались мотыги, близкие по форме к треугольнику с массивным обухом.

Орудия уборки урожая колосовых культур представлены многочисленными находками целых железных серпов. Зерно хранилось в деревянных амбарах — складах и зерновых ямах грушевидной формы.

Помол хлеба в городе производился на ручных мельницах в усадьбах самих горожан или же на водяных мельницах, сооруженных близ Старого Орхья, на Реуте. О них упоминают средневековые грамоты.

Для обработки садов и виноградников служили кривые пожи-косари с загнутым концом, найденные в Старом Орхее. Их форма сохранялась без изменений до настоящего времени в с. Требужены, на территории которого в средние века находился посад Старого Орхья.

О занятии скотоводством свидетельствует и большое количество костей домашних животных. Разводили крупный и мелкий рогатый скот: свиней, лошадей, домашнюю птицу. Кроме костей, найдены металлические путы с замком для стреножения лошадей и обломки скребниц.

Рыболовство представлено находками рыболовных крючков различных размеров, блесны для крупных рыб, многочисленных костей рыб.

В средневековом городе, каким был Старый Орхей, ремесленное производство было основным занятием населения и достигло высокого уровня специализации. Большое число находок железных орудий труда, изделий и предметов быта, а также сопел свидетельствует о широко развитом железоделательном производстве. Кроме глиняных сопел, при-

менявшихся для поднятия температуры при выплавке железа, найдены глиняные льячки и каменные формы для литья различных поделок. Кроме литья, большое место в городском производстве занимало кузнечное ремесло. В одном из помещений бани в Старом Орхее найдены остатки кузнечного горна, заготовки железных изделий и шлак. Наряду с указанными ремеслами, найденные предметы и орудия свидетельствуют о существовании слесарного, оружейного и ювелирного производств. Широкое развитие этих ремесел позволяет говорить об узкой специализации при обработке железа и цветных металлов.

Большой удельный вес в городском производстве в средние века составляло гончарное дело. В рассматриваемый период при изготовлении посуды широко применялся быстрый ножной круг. Керамика изготовлялась из глины с большой примесью мелкого песка, обжигалась в горнах. Горны были двух типов: одноярусные, в одной камере которых находилось как топливо, так и посуда, подвергаемая обжигу, и двухъярусные. В двухъярусных горнах топочная камера находилась внизу и, как правило, была выкопана в земле, а над ней находилась обжигательная камера. В поде были проделаны отверстия-продухи, через которые горячий воздух попадал в обжигательную камеру. Посуда обжигалась в основном восстановительным обжигом.

Керамические изделия городского гончарного производства представлены различными формами посуды. Основную группу керамики составляют горшки. По форме они близки к перевернутому усеченному конусу, стройные, наиболее широкие у плечиков и равномерно сужающиеся ко дну. Они бывают как без ручек, так и с одной ручкой. На плечики горшков нанесен различный орнамент: зубчатый, рифленый и в виде каннелюров.

Кроме горшков, в городах изготовлялись и другие виды посуды: одноручные кувшины серого цвета с лощеной и шероховатой поверхностью, маркотцы — глубокие миски с прямыми или слегка наклоненными стенками, немного расширяющиеся в верхней части, изредка имеющие налевой валик с пальчатыми вдавлениями; разложистые миски с косыми стенками и широким венчиком, а также высокие миски с прямым утолщенным и закругленным по краю венчиком; конические крышки, предназначенные для сосудов первого типа, имеющие на внутренней стороне ложбинку, в которой помещался край крышки (рис. 71).

К основным типам посуды следует отнести также такие глиняные изделия, как небольшие кубки с широким устьем и узкой цилиндрической нижней частью, глиняные воронки, светильники и т. д.

Небольшой процент в городской керамике занимает поливная посуда, представленная горшками и тарелками. Поливка на внутренней стороне, цвет коричневый и зеленый.

К концу XVI — началу XVII в. появляется керамика из каолина — белой глины. Это в основном одноручные горшки с расписным орнаментом красного и белого цветов. Процент белоглиняной керамики невелик.

Особняком в гончарном производстве стоит изготовление глиняных печных изразцов. В Старом Орхее была раскопана большая гончарная

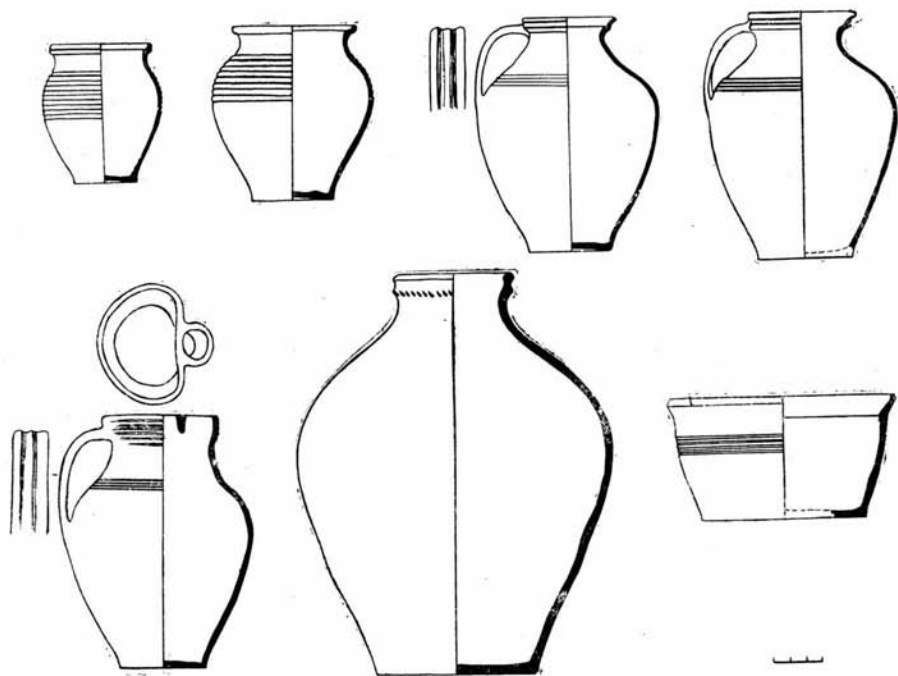

Рис. 71. Керамика XV—XVI вв. (Старый Орхей).

мастерская по изготовлению печных изразцов, обшитая бревнами, площадью около 80 кв. м. К ней примыкали подсобные помещения и горн для обжига изделий. Здесь изготавливались неполивные изразцы различных форм в виде горшков, квадратных и прямоугольных мисок, а также декоративные детали к печам. Форма изразцов способствовала сохранению высокой температуры печи, а подобные печи обладали большой теплоотдачей⁴⁷⁵. Мастерская относится ко второй половине XV в.

Большое место в городском производстве занимало строительное дело. В Старом Орхее местными мастерами-каменщиками были сооружены такие капитальные каменные здания, как дворец пыркалаба, цитадель, церкви. Широко применялся труд плотников, которые срубили мастерские, амбары-склады, жилища, погреба и др. Помимо строителей-ремесленников, были известны бочары, колесники и др. Найденные в большом количестве раскромочные ножи говорят о широком развитии в городах сапожного дела. При раскопках обнаружены также различные предметы из рога и кости: стрелы, рукоятки для ножей и их заготовки, свидетельствующие о костерезном деле.

Высокий уровень городского производства в средние века способствовал развитию торговли. Находки монет и привозной керамики говорят о налаженных торговых связях с городами Северного Причерноморья и со странами Западной Европы — Чехией, Венгрией и Польшей.

МОНЕТА И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(IV в. до н. э.—XVII в.)

1. Античные монеты

Домонетный период. Появлению монеты в Днестровско-Прутском междуречье предшествовал длительный период натурального обмена. Торговые сделки в те времена совершали обменивая непосредственно один товар на другой, а на определенной ступени развития — с помощью какого-нибудь (наиболее распространенного) товара-посредника, адекватного по стоимости эквиваленту. Такими эквивалентами, выполнявшими на различных этапах роль примитивных денег, являлись скот, зерно, металлы⁴⁷⁶. Первыми монетами, с которыми ознакомились фракийские племена, населявшие в V—IV вв. до н. э. Днестровско-Прутское междуречье, были монеты малоазиатской и причерноморских древнегреческих колоний — Кизика, Истрии и Тиры, с которыми эти племена вели обмен и торговлю.

Монеты г. Кизика. Древнейшими монетами, найденными на самой южной окраине Днестровско-Прутского междуречья, являются электровые статеры малоазиатского города Кизика. Крупный клад таких монет, игравших в VI—IV вв. до н. э. роль своеобразной международной валюты, был обнаружен в с. Орловка неподалеку от озера

Кагул⁴⁷⁷. Это единственная известная до сего времени находка монет г. Кизика на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Отличительными признаками кизикинов являются: изображение тунца на лицевой стороне и наличие вдавленного квадрата на оборотной.

К концу IV в. до н. э. кизикские электровые статеры были вытеснены из обращения золотыми монетами Александра Македонского, буквально наводнившими рынки древнего мира.

Монеты Истрии. Важную роль в экономической жизни Причерноморья играла в IV в. до н. э. западнопонтийская греческая колония Истрия. Она занимала ведущее место в монетной чеканке городов Причерноморья и вела торговлю с гетскими и скифскими племенами, населявшими Поднестровье.

Об экономических связях этих племен с Истрией свидетельствует клад серебряных истрийских драхм, найденный в среднем Поднестровье⁴⁷⁸, а также ряд находок отдельных серебряных и бронзовых монет.

Монеты Истрии имеют на лицевой стороне изображение Диоскуров, а на оборотной — изображение орла над дельфином.

Такие монеты имели некоторое хождение на территории края во второй половине IV — начале III в. до н. э.

Монеты Тиры. Наряду с монетами Истрии в Днестровско-Прутском междуречье встречаются серебряные драхмы и медные монеты автономного периода древнегреческой колонии Тиры, имевшей в то время тесные экономические связи с гетскими и скифскими племенами Поднестровья.

На лицевой стороне серебряных драхм Тиры изображена голова богини плодородия и земледелия Деметры, а на оборотной стороне — изображение бодающего быка. На некоторых медных экземплярах монет Тиры изображена голова речного бога Тираса, на других — Деметры, а на оборотных сторонах — соответственно голова взызданного коня и скачущая лошадь.

Монеты Тиры имели хождение на территории края наряду с истрийскими монетами во второй половине IV — начале III в. до н. э.

Монеты македонских монархов. В связи с приближением границ Македонии к Дунаю в конце IV — начале III в. до н. э. в Днестровско-Прутском междуречье появляются золотые монеты македонских монархов.

Наряду с единичными находками на территории края обнаружено также и несколько крупных кладов золотых статеров времен правления Филиппа II (359—336), Александра III (335—323) и Филиппа Арридея (323—317). Такие клады были найдены в сс. Анадолие⁴⁷⁹, Сарата-Галбенэ, Ларгуца⁴⁸⁰.

Статеры Филиппа II имеют на лицевой стороне изображение головы Аполлона, а на оборотной — фигуру крылатой богини Победы Нике в колеснице с парой скачущих лошадей.

На лицевой стороне монеты времени Александра III и Филиппа Арридея изображена голова Афины-Паллады в коринфском шлеме, а на обороте — богиня Нике.

Кроме этих монет, на территории края встречаются как в составе кладов, так и в числе единичных находок золотые статеры фракийского царя Лизимаха (306—281), повторявшие тип монет Александра Македонского.

Золотые монеты времен эллинизма имели широкое распространение на рынках древнего мира и являлись крупным платежным средством в IV—III вв. до н. э. Вместе с этим небезынтересно отметить, что в отличие от территории между Карпатами и Прутом, где находки серебряных и бронзовых монет македонских монархов эпохи эллинизма довольно часты⁴⁸¹, в Днестровско-Прутском междуречье таковые пока не найдены.

«Варварские» подражания македонским монетам. В северных районах Молдавии найдено несколько экземпляров монет, представляющих собой грубые имитации серебряных македонских тетрадрахм Филиппа II. На лицевой стороне эти монеты имеют искаженное изображение головы Зевса, а на оборотной — неуклюжую фигуру всадника. На всех монетах видны следы глубоких прорезей, проходящих по радиусу сквозь толщу монетного диска, причем нанесены они со стороны реверса каким-то рубящим инструментом.

Относительно происхождения подобных монет мнения исследователей расходятся. Одни, полагая, что монеты такого типа (но без прорезей) чеканились кельтскими племенами (поскольку ареал обращения этих имитаций совпадает в основном с районом археологических находок кельтской культуры), называют их «кельтскими монетами»⁴⁸², другие считают, что та часть подобных монет, которая обращалась на территории Дакии, представляет собою самостоятельный чекан гето-дакийских племен, называя их соответственно «гето-дакийскими монетами»⁴⁸³.

Монеты такого типа, по-видимому, стали чеканиться «варварскими» племенами в связи с прекращением притока серебряных тетрадрахм Филиппа II⁴⁸⁴ и ощущавшейся потребностью обращения на внутреннем рынке эквивалентной монеты⁴⁸⁵. Возможно, «варварские» подражания македонским монетам находились в обращении на территории к востоку от Карпат до второй половины III — середины II в. до н. э., проникая в это время и в Днестровско-Прутское междуречье, а в связи с передвижением бастарнских племен стали постепенно исчезать из обращения, тезаврируясь и переплавляясь в различные серебряные изделия.

Первый безмонетный период. Монеты периода конца III в. до н. э. и вплоть до самого рубежа нашей эры на территории Днестровско-Прутского междуречья пока не обнаружены. Возможно, что это явление отчасти связано с последствиями, вызванными передвижением бастарнских и иных пришлых племен⁴⁸⁶ и их войн с гетами⁴⁸⁷.

Римские монеты. На рубеже нашей эры процесс денежного обращения в Днестровско-Прутском междуречье возобновился. В связи с экспансией Рима и его продвижением к берегам Дуная здесь стали появляться первые римские монеты. Вначале сюда проникали республиканские серебряные денарии, находки которых довольно малочисленны, в отличие от территории, расположенной к западу от р. Прут, где они зафиксированы в большом количестве и во многих местах⁴⁸⁸, а затем,

Рис. 72. Античные монеты:

1 — истрийская драхма IV в. до н. э. (с. Дороцкое); 2 — тирская драхма IV в. до н. э. (с. Дороцкое); 3 — «варварское» подражание III в. до н. э. (с. Забричены); 4 — римский сестерций II в. н. э. (с. Требужены).

после завоевания Дакнии, сюда хлынул поток монет почти всего императорского периода⁴⁸⁹. На лицевой стороне последних обычно изображен император, а на обороте — различные фигуры.

Территория Днестровско-Прутского междуречья относится к тем районам юго-запада СССР, где находки римских монет наиболее часты⁴⁹⁰. Однако следует отметить, что в условиях только зарождавшегося товарного хозяйства внутреннее денежное обращение занимало у черняховских племен, по всей вероятности, еще довольно скромное место в общем процессе торговли и меновых отношений⁴⁹¹.

В I в. н. э. поступление римских монет в Днестровско-Прутское междуречье было еще весьма незначительным. Во втором столетии приток их резко возрос, особенно во времена правления Антонина Пия (138—161) и Марка Аврелия (161—180). В III в. в связи с общим экономическим и политическим кризисом Римской империи и, возможно, также из-за вторжения готов в Северное Причерноморье поступление их чувствительно сократилось. В IV в. приток римской монеты снова возрастает, притом в весьма заметных размерах⁴⁹².

Основную часть римских монет, поступивших в I—IV вв. н. э., составляли серебряные денарии. Бронзовые монеты, имевшие обычное хождение во внутреннем денежном обращении, появляются в большом количестве только в IV в.⁴⁹³, т. е. во времена наивысшего развития черняховской культуры. Небезынтересно отметить, что в ареале последней на территории СССР находки римских бронзовых монет сравнительно редки, за исключением Днестровско-Прутского междуречья, где они составляют не менее 35% от общего числа находок римских монет⁴⁹⁴. Что касается золотых монет, то они, по-видимому, поступали сюда в ограниченном количестве.

Анализируя данные о находках римских монет на территории края, следует отметить, что 75% находок происходят из состава кладов. Эти данные могут служить свидетельством значительной имущественной дифференциации в среде черняховских племен, обитавших здесь в первых веках нашей эры⁴⁹⁵.

По времени зарытия клады римских монет распадаются на две хронологические группы⁴⁹⁶. Первая группа, содержащая монеты I—III вв., была зарыта во второй четверти III в., вероятно, в связи с вторжением готов. Вторая группа, состоящая из монет только IV в., была, по-видимому, закопана в конце третьей — начале последней четверти IV в. в связи с нашествием гуннов.

Сравнение состава кладов каждой из этих групп позволяет судить о характере денежного обращения в то или иное время⁴⁹⁷. Так, например, в составе кладов первой группы имеются монеты I, II и III вв., что свидетельствует об анахроническом обращении монет I и II вв. наряду с монетами III столетия. Вероятно, это явление может быть объяснено тем, что в связи с ощущавшейся в III в. острой нехваткой монеты (вызванной резким сокращением ее притока из-за переживаемого Римом глубокого кризиса) в ход были пущены монеты из числа поступлений прежних лет.

Имеющиеся данные о монетных находках дают основание считать, что поступление римской монеты в Днестровско-Прутские земли прекратилось почти полностью в последней четверти IV в. Вероятнее всего, это явление связано с последствиями гуннского нашествия 376 г. Обнаруженный близ с. Будей Оргеевского района клад денариев времен Констанция II (337—361) является, по сути дела, самым поздним кладом римских монет на территории СССР⁴⁹⁸.

Единственная находка монет рубежа IV—V вв. представлена у нас редким кладом золотых позднеримских и ранневизантийских монет, обнаруженных близ с. Кириллы Лазовского района МССР. Монеты относятся к периоду от начала правления Грациана (367—383) и до царствования Гонория (395—423) включительно.

Этот редкий клад представляет особый интерес и является наиболее поздней находкой переходного периода на территории Днестровско-Прутского междуречья. После гибели черняховской культуры и в связи с продолжавшимся процессом миграции народов дальнейшее нормальное развитие экономической жизни края прервалось.

2. Средневековые монеты

В связи с происходившими социально-экономическими, политическими и этническими изменениями в жизни края начиная с V и вплоть до начала второй четверти XIV в. процесс денежного обращения неоднократно прерывался.

Нумизматические находки этого периода представлены здесь тремя небольшими группами монет: византийской, куфической и западноевропейской.

Византийские монеты. Группа византийских монет состоит из двух четко прослеживающихся хронологических подгрупп⁴⁹⁹.

Первая подгруппа охватывает период от середины V до середины VII в. В ее состав входят монеты почти всех императоров — от времен правления Маркиана (450—457) до начала царствования Константина IV Погоната (668—685).

Поскольку эта подгруппа содержит монеты V в., то последние дают, в известной мере, некоторое основание полагать, что и в V в. население края вступало в определенные экономические связи с Византией, хотя точно датированные поселения этого времени на территории междуречья продолжают и донныне оставаться неизвестными.

Второй безмонетный период. Время от середины VII до второй четверти X в. характеризуется в Днестровско-Прутских землях полным отсутствием монетных находок.

По-видимому, это явление следует связать не только с вторжением аспаруховых болгар и образованием Первого болгарского царства (приведших к временной изоляции Византии от славянских земель и преградивших путь поступления византийских монет на земли к северу от Дуная⁵⁰⁰), но также и с тем глубоким экономическим и политическим кризисом и военными неудачами, которые переживала в те времена Византийская империя.

Вероятно, меновые операции в безмонетный период могли осуществляться в порядке натурального обмена либо посредством какого-нибудь эквивалентного заменителя монеты.

Вторая хронологическая подгруппа. Эта подгруппа состоит из монет второй четверти X — конца XII в., начиная с милитарисия Константина VI Багрянородного, Романа I Лакапина и его сыновей Стефана и Христофора и кончая номисмами Исаака II Ангела.

Небезынтересно отметить, что при всей малочисленности находок византийских монет (что характеризует вялость процесса денежного обращения) подавляющее их большинство составляют бронзовые монеты, которые, как известно, имели хождение обычно только во внутреннем денежном обращении.

Вместе с этим следует также отметить, что большая часть находок византийских монет происходит из южной окраины междуречья; в центральной части этой территории находки монет единичны; в северных районах они пока отсутствуют.

Куфические монеты. Эта группа состоит из серебряных дирхемов конца IX — середины X в., чеканившихся на громадной территории Арабского Востока и широко распространенных в восточно-славянских землях⁵⁰¹.

В числе монет, найденных при раскопках древнерусских городищ Алчедары и Екимоуцы Резинского района, имеются саманидские дирхемы времен правления Исмаила-ибн-Ахмеда (892—907), Насра II (914—

943), а также несколько подражаний саманидским куфическим дирхемам⁵⁰². Саманидские дирхемы (в соответствии с канонами мусульманской веры) имели на обеих сторонах только надписи с указанием имени правителя, чеканившего их, а также даты и места их эмиссии.

На подавляющем большинстве монет имеются сквозные отверстия, что свидетельствует об их использовании в качестве украшений⁵⁰³. Аналогичные находки известны также и во многих других местах древней Руси, где они нередко вторично пускались в обращение⁵⁰⁴.

Саманидские дирхемы, сменившие в первой половине X в. куфические монеты Омайядов и Абасидов в денежном обращении древней Руси⁵⁰⁵, по-видимому, могли попасть в славянские центры Поднестровья через Киев или другие крупные города древней Руси, куда они поступали из Булгара вследствие его экономических связей со Средней Азией⁵⁰⁶.

В последней четверти X в. приток куфических монет на Русь резко сократился⁵⁰⁷, что, вероятно, вызвало появление подражательной чеканки⁵⁰⁸. Очевидно, подобные имитации куфических дирхемов попали в Алчедары и Екимоуцы не ранее конца X в., пройдя путь из Волжской Булгарии (где их изготовляли)⁵⁰⁹ в Киев, откуда впоследствии направлялись в Поднестровье.

Наряду с дирхемами на Екимоуцком городище была найдена серебряная литая гривенка того типа, который появляется на Руси не ранее начала XI в.⁵¹⁰ Эта находка позволяет предположить, что в денежном обращении края этого периода имели хождение также и гривны южнорусского типа⁵¹¹.

Находки куфических дирхемов и гривенки дают возможность проследить некоторые экономические связи славянских центров Поднестровья с землями Древней Руси.

Западноевропейские монеты. Эта группа монет представлена только уникальной находкой большого клада раннесредневековых западноевропейских брактеатов, обнаруженных случайно в конце 80-х гг. прошлого столетия на самой северной окраине Днестровско-Прутского междуречья, недалеко от Хотина⁵¹².

Клад, насчитывавший не менее 1000 монет, состоял в основном из германских брактеатов: саксонских (особенно мейссенских), тюринген-гессенских и фризархских XII — начала XIII в.

Самая ранняя монета клада — венгерский денарий Саломона (1063—1074), самые поздние — чешский денарий Пржемысла I (1197—1230) и несколько экземпляров германских брактеатов⁵¹³. Следует отметить, что находки чешских монет XII—XIII вв. вообще редки⁵¹⁴, что же касается германских брактеатов этого времени, то их присутствие отмечено в составе трансильванских кладов⁵¹⁵. В денежном обращении Трансильвании и Венгрии фризархские монеты сыграли видную роль с конца XII в. до начала 40-х гг. XIII в.⁵¹⁶, т. е. до нашествия татаро-монголов.

Таким образом, Хотинский клад по своему составу, по-видимому, примыкает к трансильванским и венгерским монетнымкладам⁵¹⁷. Воз-

Рис. 73. Средневековые монеты:

1 — византийский фоллис VI в. (с. Иванча); 2 — саманидский дирхем X в. (с. Екимовцы); 3 — пражский грош XIV в. (Старый Орхей); 4 — червонорусский денарий XIV в. (Старый Орхей); 5 — джучидский дирхем XIV в. (Старый Орхей).

можно, что эти монеты попали в Поднестровье, следуя в Каффу по важному торговому пути, проходившему через Венгрию, Поднестровье и Белгород⁵¹⁸.

Клад западноевропейских монет из Хотина «не только подтверждает значение Днестра для торговых связей Юго-Западной Руси в предмонгольское время, но и в согласии с летописью... и археологическим материалом свидетельствует об экономических связях Поднестровья с Венгрией и Чехией»⁵¹⁹. Он является пока единственным известным крупным кладом западноевропейских монет предмонгольского периода на территории СССР⁵²⁰.

Третий безмонетный период. Пронесшиеся в начале 40-х гг. XIII в. бурные лавины монголо-татарских полчищ оборвали и без того слабое развитие экономической жизни немногочисленного населения Днестровско-Прутского междуречья⁵²¹. Создавшаяся в крае тяжелая обстановка, очевидно, привела к резкой перемене экономических и общественных отношений и к падению потребностей населения в денежном обращении. Об этом свидетельствует отсутствие находок монет XIII столетия в Днестровско-Прутском междуречье⁵²².

Аналогичное положение наблюдается и на большинстве русских земель, где монетные находки этого времени также совершенно отсутствуют⁵²³. XIII в. вошел в историю денежного обращения края как безмонетный период.

Золотоордынские (джучидские) монеты. К концу XIII — началу XIV в. жизнь в Днестровско-Прутском междуречье постепенно нормализуется. После длительного перерыва возобновляется здесь процесс денежного обращения⁵²⁴.

Наряду с многочисленными археологическими находками об этом свидетельствуют и значительное число находок золотоордынских монет, охватывающих период от Узбека (1313—1339) до Абдуллаха включительно (1362—1369)⁵²⁵.

Подавляющее большинство джучидских монет обнаружено при раскопках памятников балкано-дунайской культуры и городов золотоордынского времени близ с. Костешты Котовского района и у с. Требужены Оргеевского района, а также в Белгороде-Днестровском и других местах. На остальной территории междуречья находки джучидских монет довольно ограничены.

Основную часть находок золотоордынских монет составляют медные монеты, это свидетельствует об интенсивном характере внутреннего денежного обращения и развитии местной мелкой торговли⁵²⁶.

С. А. Янина, изучая медные джучидские монеты из Костешты и Орехи, выявила, что среди них имеется довольно значительная группа пуллов, которые за пределами Днестровско-Прутского междуречья обычно не встречаются. Это позволило сделать весьма интересное предположение о том, что подобные монеты, по-видимому, чеканились на месте⁵²⁷.

Серебряные золотоордынские монеты-дирхемы встречаются обычно на территории Днестровско-Прутского междуречья главным образом в составе кладов⁵²⁸. Такие клады найдены в Лозово Ниспоренского района, Рашково Каменского района, Незавертайловка Слободзейского района, а также в г. Белгороде-Днестровском⁵²⁹. Что касается единичных находок джучидских серебряных монет, то численно они довольно ограничены.

К концу 60-х гг. XIV в. в связи с поражениями, нанесенными Золотой Орде⁵³⁰, джучидские монеты, по-видимому, прекращают свое хождение в денежном обращении Днестровско-Прутского междуречья⁵³¹.

3. Монеты периода независимого Молдавского феодального государства

Принято считать, что в 1359 г. было образовано независимое Молдавское феодальное государство⁵³². Вероятно, к этому времени следовало бы отнести и появление первых молдавских монет⁵³³. Однако в среде исследователей до сих пор нет еще единого мнения относительно времени начала их чеканки⁵³⁴.

Так, одни полагают, что появление первых молдавских монет должно отнести ко времени правления господаря Богдана I (1359—1365), несмотря на то, что монеты времени его правления пока не обнаружены⁵³⁵; другие считают, что первые молдавские монеты стали чеканиться лишь в начале последней четверти XIV в., во времена правления господаря Петра I Мушата (1373—1392), признавая условно 1377 г. годом несомненного присутствия молдавской монеты во внутреннем денежном обращении Молдавского феодального государства⁵³⁶. Большинство исследователей придерживается последней точки зрения.

Рис. 74. Молдавский грош Петра I Мущата. (Сучава).

Следует отметить, что в отличие от земель, расположенных к западу от р. Прут (где находки молдавских монет последней четверти XIV столетия довольно часты), на территории Днестровско-Прутского междуречья (за исключением Белгорода-Днестровского) они пока полностью отсутствуют. Этот факт наводит на мысль, что земли, лежащие к востоку от р. Прут, были, по-видимому, освоены Молдавским княжеством только лишь к началу XV в.

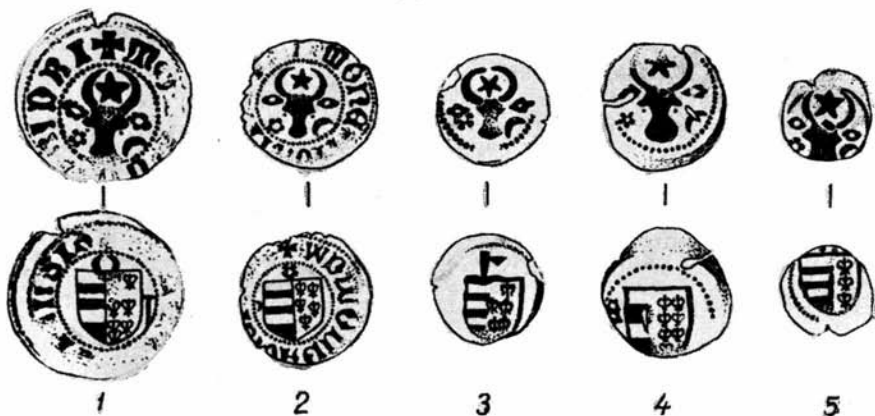
Монеты, чеканенные при Петре I Мущате, — единственные из известных до сих пор на территории Днестровско-Прутского междуречья находок первых молдавских монет конца XIV в. Они были обнаружены во время археологических раскопок Э. Р. Штерна в Белгороде-Днестровском в 1912 г.⁵³⁷

Принято считать, что не позднее 1377 г. были отчеканены первые молдавские монеты — серебряные гроши средним весом 0,97 г, диаметром 18—20 мм.⁵³⁸

На лицевой стороне эти монеты имеют изображение герба Молдавского княжества — голову зубра с пятиконечной звездой между рогами, слева солнце, справа полумесяц и круговая латинская легенда. На оборотной стороне — изображение расчлененного щита, в первом поле которого изображены три-четыре геральдические балки, а во втором поле — от одной до семи лилий (включительно) и круговая латинская легенда.

Рис. 75. Молдавские монеты Александра I (Старый Орхей):

1 — двойной грош; 2 — грош; 3—5 — полугроши.

Расположение атрибутов зубра на лицевых сторонах монет встречается в различных сочетаниях и вариантах, а также и с некоторыми дополнительными элементами⁵³⁹. По-видимому, варьирующее число лилий на реверсах в сочетании с разными позициями атрибутов зубра и дополнительными элементами на лицевых сторонах монет указывают не только на различные монетные штемпеля, но соответствуют также и различным эмиссионным сериям монетного чекана.

Следует отметить, что наряду с добротными и полноценными серебряными монетами встречаются также и значительное число субэратных и бронзовых экземпляров этих грошей, чеканенных, вероятно, в конце периода правления Петра I Мушата.

Добротные серебряные молдавские гроши времен Петра I Мушата являлись в конце XIV в. не только средством обращения на внутреннем рынке Молдавского княжества, но стали также, в известной мере, и средством межгосударственного товарно-денежного обращения. Такие монеты найдены на территории Добруджи, Валахии, Сербии, Подолии, Литвы и Польши⁵⁴⁰.

Вслед за единичными находками грошей этого времени на территории междуречья следует значительная группа молдавских монет начала первой четверти XV в., начиная с периода Александра I (1400—1432) и кончая временем правления Штефаница IV (1517—1527).

Монеты периода правления Александра I. Принято считать, что в период его долголетнего правления в Молдавии (1400—1432) чеканились три номинала монет⁵⁴¹:

двойной грош (средний вес 1,36 г, диаметр 20—23 мм);

грош (средний вес 0,92 г, диаметр 18—20 мм);

полугрош (средний вес 0,40 г, диаметр 14—16 мм).

Все монеты, чеканенные во времена правления Александра I, были как из серебра, так из биллона либо бронзы. Тип этих монет аналогичен типу монет времен Петра I Мушата и состоит в основном из тех же геральдических элементов; на некоторых экземплярах встречаются и другие добавочные элементы, как-то: цветок, корона, шлем, ключи, буквы и пр. Легенды обычно имеются только на монетах достоинством в два гроша и грош; монеты же номиналом в полгроша, как правило, аэпиграфы (без надписей).

По ряду формальных признаков геральдического, стилистического и эпиграфического характера оформления внешнего типа молдавские монеты периода правления Александра I подразделяются на шесть эмиссионных серий⁵⁴².

Подавляющее большинство находок молдавских монет этого времени на территории Днестровско-Прутского междуречья относятся ко второму и третьему десятилетиям XV в. Статистика монетных находок показывает, что в этот период основное место в денежном обращении края принадлежит молдавским монетам⁵⁴³. Молдавские монеты времен Александра I встречаются на территории края как в составе кладов, так и в числе единичных находок.

Рис. 76. Молдавские монеты Ильяша I (Старый Орхей):

1 — двойной грош; 2 — грош.

Монеты, чеканенные при преемниках Александра I. На территории Днестровско-Прутского междуречья найдено небольшое число молдавских монет, чеканенных при Ильяше I (1432—1433), Стефане II (1433—1435), а также в период их совместного правления (1435—1442).

Подавляющее большинство монет этой группы принадлежит к традиционному молдавскому типу с различными его разновидностями. Но вместе с этим встречается изредка в составе этой группы совершенно необычный для молдавских монет тип с изображением всадника на лицевой стороне и какой-то странной фигурой, напоминающей по своим очертаниям перевернутую греческую букву «ω», на оборотной стороне⁵⁴⁴. Все изображение выполнено грубо, причем голова всадника не то собачья, не то волчья. Монеты такого типа достоинством в грош отчеканены только из бронзы, при этом на них полностью отсутствуют какие-либо геральдические элементы молдавского герба. Есть предположения, что подобный тип молдавских монет чеканился по заказу Ильяша I во время его пребывания в Литве осенью 1434 либо весной 1435 гг.⁵⁴⁵

Незначительную группу составляют находки молдавских монет, чеканенные во времена правления Александра II (1449, 1452—1454)⁵⁴⁶.

В составе этой группы имеются экземпляры традиционного молдавского типа, но на которых впервые встречается легенда на славянском языке. Предполагается, что, стремясь завоевать симпатии боярства, знакового только со славянской письменностью, Александр II приказал чеканить монеты со славянской надписью⁵⁴⁷.

Такие монеты на территории Днестровско-Прутского междуречья найдены пока лишь в Старом Орхее.

Монеты периода правления Стефана III. Наиболее значительную группу монетных находок составляют монеты времен правления Стефана III (1457—1504). При Стефане III молдавские монеты чеканились в соответствии с монетной реформой, проведенной его предшественником Петром III Ароном в 1455—1457 гг.⁵⁴⁸

С целью повышения курса обесцененной молдавской монеты Петр III начал чеканку полноценных монет из высокопробного серебра⁵⁴⁹. В 1455—1457 гг. начали чеканиться только два номинала монет: грош (средний вес 0,60 г, диаметр 14—16 мм) и полугрош (средний вес 0,30 г, диаметр 12—13 мм)⁵⁵⁰.

Рис. 77. Молдавские гроши Стефана III (Старый Орхей).

Чеканенные из серебра высокой пробы молдавские гроши и полу-гроши этого периода состоят из двух типов⁵⁵¹. Первый тип имеет на лицевой стороне герб молдавского феодального княжества, а на оборотной стороне — рассеченный щит, в первом поле которого изображен прямой равносторонний крест над розеткой и во втором поле — три геральдические балки⁵⁵². Этот тип состоит из двух эмиссионных серий, отличающихся друг от друга различным расположением атрибутов зубра, и датируется первым периодом правления Стефана III (1457—1476)⁵⁵³.

Второй тип монет Стефана III имеет такое же изображение на лицевой стороне, а на оборотной — геральдический щит, в центре которого изображен двойной крест⁵⁵⁴. Этот тип монет состоит из четырех эмиссионных серий и относится ко второму периоду правления Стефана III (1480—1504).⁵⁵⁵

Монеты каждой серии обоих типов встречаются в различных вариантах и разновидностях.

Большинство молдавских монет времен правления Стефана III, найденных на территории Днестровско-Прутского междуречья, относятся к третьей четверти XV в., и только небольшая их часть приходится на последнюю четверть XV в. либо на самое начало XVI в.⁵⁵⁶

Монеты времен правления Богдана III и Штефаницы IV. При преемнике Стефана III Богдане III (1504—1517) прекратился выпуск монет, чеканившихся в соответствии с монетной реформой, осуществленной Петром III Ароном. В годы правления Богдана III выпускались монеты типа двойного креста достоинством в грош и полугрош, но изготовленные из низкопробного серебра и бронзы. Монеты номиналом в грош имели славянскую надпись, полугроши же были анепиграфными⁵⁵⁷. При Штефанице IV (1517—1527) продолжался выпуск монет дореформенного образца. Они отличались наличием щита на лицевой стороне. Находки этих монет малочисленны.

Находки молдавских монет, датированных позднее конца двадцатых годов XVI в., на территории междуречья единичны⁵⁵⁸.

Порабощение Молдавии Османской Портой в начале XVI в. нарушило нормальное развитие экономической жизни княжества. Основным средством обращения и платежа в денежном хозяйстве края становится иноземная монета, господствовавшая здесь вплоть до освобожде-

Рис. 78. Молдавские монеты начала XVI века:

1 — грош Богдана III (с. Сесены); 2 — грош Șтефаницэ IV (Старый Орхей).

ния края от трехсотлетнего ига султанской Турции и его воссоединения с Россией.

Пражские гроши. Около середины XIV в. наряду с джучидскими монетами в денежном хозяйстве края появились большие серебряные монеты, имевшие на лицевой стороне изображение трехзубчатой короны, а на обороте — льва, стоящего на задних лапах. Такие монеты, чеканившиеся в Чехии с начала XIV в., котировались довольно высоко на европейских рынках вплоть до конца XV в., выполняя своеобразную роль межгосударственных денежных знаков⁵⁵⁹. В историко-нумизматической литературе эти монеты получили общераспространенное наименование пражских грошей.

Находки пражских грошей на территории Днестровско-Прутского междуречья зарегистрированы как в составе кладов⁵⁶⁰, так и в числе единичных находок⁵⁶¹ в основном в северных и центральных районах, причем граница их распространения не заходит южнее Старого Орхей⁵⁶².

Наиболее ранняя, малочисленная группа монет относится ко времени правления Иоанна I (1310—1346), наиболее поздняя и довольно значительная по своей численности датируется периодом Вацлава III (1378—1419).

Аналогичные находки встречаются в значительных количествах на пространствах Галицко-Волынского княжества⁵⁶³, что свидетельствует об экономических связях края с землями юго-западной Руси⁵⁶⁴, имевших в те времена много общих черт в денежном хозяйстве⁵⁶⁵. После середины XV в. поступление пражских грошей на территорию края прекращается⁵⁶⁶.

Червоноруссские монеты. Почти одновременно с пражскими грошами в денежном обращении Днестровско-Прутских земель с середины XIV до середины XV в. имели хождение серебряные и медные монеты Червоной Руси.

Такие монеты (имевшие обычно на лицевой стороне начальную букву правителя, а со времен Владислава Ягелло польский герб — орел, и на оборотной стороне территориальный герб Червоной Руси — льва на задних лапах) чеканились во Львове со времен правления Казимира III (1333—1370) до середины второго десятилетия XV в.⁵⁶⁷

Несмотря на то, что их эмиссии носили в основном региональный характер, эти монеты имеют довольно широкий ареал и на соседних

территориях. Так, их присутствие в денежном обращении зарегистрировано на Волыни, Киевщине, в Подолии и Польше. По-видимому, на земли Днестровско-Прутского междуречья эти монеты попадали вследствие экономических связей со Львовом и Червоной Русью⁵⁶⁸.

В числе находок, зафиксированных на территории края, имеются медные денары Казимира III, серебряные полугроши времен Людовика Венгерского (1370—1382), Владислава Опольского (1372—1378) и Владислава Ягелло (1386—1434).

Ареал находок червонорусских монет на территории Днестровско-Прутского междуречья совпадает с районом распространения пражских грошей и не заходит также южнее Старого Орхья.

Большинство червонорусских монет были обнаружены в составе кладов. Единичные же находки на территории края встречаются в довольно ограниченном числе. Обычно они сопровождаются польскими грошами Владислава Ягелло, молдавскими монетами времен Александра I и пражскими грошами Карла I (1346—1378) и Вацлава III (1378—1419).

К середине XV столетия обращение червонорусских монет в Днестровско-Прутском междуречье окончательно угасает.

Прочие иноземные монеты. В результате экономических связей Молдавского княжества с другими землями на территории Днестровско-Прутского междуречья наряду с молдавскими монетами обращалось также и значительное число различных иноземных монет⁵⁶⁹. Анализ состава находок последних позволяет выделить в их обращении на территории края три хронологические группы.

К первой группе, охватывающей конец XIV—первую половину XV в. (помимо пражских грошей и червонорусских монет), относится небольшое число монет золотоордынских ханов Тохтамыша (1377—1396), Тимура-Кутлу (1396—1399), Шадибека (1399—1408), Пуллада (1407—1413) и Мухаммеда-ибн-Тимура (1428...), а также генуэзско-крымские аспры с именем герцога Филиппа-Марии Висконти (1421—1435) на лицевой стороне и Мухаммеда-Хана (1417—1436) — на оборотной. В эту же хронологическую группу входит также и небольшое число находок польских полугрошей времен правления Владислава Ягелло (1386—1434).

Во вторую хронологическую группу, охватывающую вторую половину XV в., входят крымско-татарские монеты Хаджи-Гирея (1440—1466), турецкие аспры султана Мухаммеда II (1451—1481), а также значительное число венгерских динаров времен правления Матьяша Хуняди (1458—1480).

К третьей хронологической группе, охватывающей конец XV — начало XVI в., относятся турецкие акче султанов Баязида II (1481—1512) и Селима I (1512—1520), венгерские динары Владислава II (1490—1516), а также и польско-литовские гроши времен правления Александра I Ягеллончика (1492—1506).

Таким образом, если в конце XIV — начале XV в. (при безраздельном господстве во внутреннем денежном обращении Днестровско-Прутских земель XV в. молдавской монеты) имели также хождение чешские, червонорусские, золотоордынские, генуэзско-крымские и польские монеты, то во второй половине XV — начале XVI в. наиболее значительный приток иноземных монет приходится на долю венгерских и турецких монет.

Относительно венгерской монеты следует отметить, что находки первой половины XV в. на территории края совершенно неизвестны. Дело в том, что выпускавшиеся с XI в. венгерские серебряные динары с самого начала считались монетами с низкой стоимостью, причем качество их непрерывно ухудшалось, особенно в первой половине XV в.

После монетной реформы, осуществленной в 1468 г. правителем Венгрии Матвеем Корвином, венгерская монета начинает проникать на территорию Молдавского княжества.

Первые турецкие аспры, появившиеся в междуречье в первой половине XV в., были полноценными высокопробными серебряными монетами. Хотя в молдавских документах они упоминаются в более позднее время, первые их находки на территории края датируются второй четвертью XV в.⁵⁷⁰

Самыми высокими номиналами в денежном хозяйстве Молдавского княжества в XV — начале XVI в. считались золотые венгерские флорины и золотые венецианские дукаты. В молдавских документах второй четверти XV в. обращение первых засвидетельствовано термином «угорски злоти»; вторые же именованы «татарскими злотами»⁵⁷¹. Последние считались главным средством платежа при крупных денежных расчетах, и обычно им отдавалось предпочтение при различных актах купли-продажи земли и недвижимого имущества.

Находки «угорских» и «татарских злотых» XV в. на территории Днестровско-Прутского междуречья пока неизвестны, но факт их участия в денежном обращении края засвидетельствован рядом документов времени.

Перечисленные выше группы монет дают некоторое представление об общем характере денежного обращения в крае и позволяют проследить некоторые экономические связи Днестровско-Прутских земель с другими районами в середине XIV — начале XVI в.

4. Монеты периода турецкого владычества

Денежное обращение в XVI в. Установившаяся к середине XVI в. фактически полная зависимость Молдавского княжества от Османской Порты оказала пагубное воздействие на развитие экономики страны⁵⁷². Попытки отдельных господарей укрепить молдавскую монетную систему путем проведения различных денежных реформ были обречены на провал.

Рис. 79. Монеты XVI века:

1 — литовский полугрош (Старый Орхей); 2 — польский тройной грош (Старый Орхей); 3 — венгерский динар (с. Сесены); 4 — русская копейка (с. Онешты); 5 — турецкий аспр (с. Сесены).

Чеканка молдавской монеты в XVI в. в условиях господства на внутреннем рынке иноземных монет становилась бессмысленной; местная монета неуклонно обесценивалась, и к началу XVII в. ее выпуск был почти полностью прерван; к тому же казна испытывала острую нехватку серебра. В этих условиях денежное обращение в стране обслуживалось в основном иноземными монетами, источником поступления которых являлся экспорт товаров в соседние страны⁵⁷³. Отсутствие находок молдавских монет, отчеканенных после первой четверти XVI в. на территории к востоку от Прута, наводит на мысль, что после времен правления Штефаницэ IV их поступление на Днестровско-Прутские земли, по-видимому, почти прекратилось.

Все денежные находки XVI в. на территории междуречья представлены исключительно иноземными монетами.

Статистика находок показывает, что начиная со второй четверти XVI столетия в денежном хозяйстве края преобладают турецкие аспры времен правления султанов Сулеймана II (1520—1566) и Селима II (1566—1574). После денежной реформы 1584 г., уменьшившей содержание серебра в монете, турецкие аспры к концу XVI в. обесцениваются.

Второе место по численности находок монет второй и третьей четвертей XVI в. приходится на долю венгерских динаров времен Фердинанда I (1524—1564), Максимилиана (1564—1576) и Рудольфа II (1576—1608).

С последней четверти XVI в. в денежном хозяйстве края явно начинают преобладать польско-литовские монеты времен правлений Сигизмунда I (1506—1548), Сигизмунда II (1548—1572), Стефана Батория (1575—1586) и Сигизмунда III Ваза (1586—1632). Особенно резко возрос поток этих монет после денежной реформы Стефана Батория

(1573—1580), достигнув своего апогея в период весьма обильной монетной чеканки долголетнего правления Сигизмунда III.

Подавляющее большинство находок монет последних двух правителей Речи Посполитой составляют «тройки» — монеты достоинством в три гроша, чеканенные из хорошего серебра, именуемые молдавскими документами «потрониками»⁵⁷⁴.

Помимо вышеназванных иноземных монет, в денежном хозяйстве края встречаются (как в составе кладов, так и в числе единичных находок) золотые венецианские и угорские дукаты середины восьмидесятых годов XVI в.⁵⁷⁵ Примерно к этому же времени относится появление первых крупных серебряных монет — испанских, нидерландских и саксонских талеров второй половины XVI в., сыгравших видную роль в истории денежного обращения края⁵⁷⁶.

Среди монетных находок XVI в. вместе с турецкими аспрами и венгерскими динарами середины столетия встречается также и небольшое число русских серебряных копеек Ивана IV (чеканенные в период до 1547 г.), обращение которых на территории Молдавского княжества засвидетельствовано рядом документов⁵⁷⁷.

Следует отметить, что в составе ряда кладов XVI в. имеются также монеты второй половины предыдущего столетия, что позволяет признать факт их анахронического обращения, — явление вполне обычное для тех времен. В связи с этим можно предположить, что присутствие в составе клада ранних монет отнюдь не может служить достаточно веским доказательством длительного периода его накопления (в течение жизни одного или нескольких поколений), поскольку явление анахронизма подтверждает факт обращения ранних монет наравне с наиболее поздними.

Денежное обращение в XVII в. В условиях господства феодальной Турции экономика страны в XVII в. развивалась медленно⁵⁷⁸. Как и в предыдущем столетии, несмотря на отдельные попытки некоторых молдавских господарей чеканить эпизодически свою монету, основным средством денежного обращения в междуречье продолжала оставаться иноземная монета.

Основное место в денежном хозяйстве края первой четверти XVII в. принадлежало польско-литовским и венгерским монетам. Подавляющее большинство находок монет Речи Посполитой сконцентрировано вокруг первых двух десятилетий XVII в., после чего наблюдается резкое сокращение потока их поступления на территорию края. Это явление было вызвано глубоким застоем, наступившим в конце первой четверти XVII в. в монетном деле Речи Посполитой, прекратившей почти полностью производство мелкой разменной монеты в последнем пятилетии правления Сигизмунда III и еще более усугубившемся при Владиславе IV (1633—1648)⁵⁷⁹. Только лишь во времена правления Яна Казимира (1648—1668) наблюдается кратковременный довольно ограниченный приток польской монеты, после чего ее поступление в Днестровско-Прутское междуречье окончательно затухает.

Рис. 80. Монеты XVII века:

1 — испанский талер (с. Кобуска-Веке); 2 — нидерландский талер (с. Кобуска-Веке); 3 — данцигский орт (с. Кобуска-Веке); 4 — шведский шиллинг (Старый Орхей).

Что касается венгерской монеты, то к концу первого десятилетия XVII в. ее поступление на территорию края резко обрывается, и лишь изредка сюда проникает весьма ограниченное число обесцененных динаров времен правлений Матьяша II (1608—1618) и Фердинанда II (1618—1637).

Со второй четверти XVII в. видную роль в денежном хозяйстве Днестровско-Прутских земель стали играть монеты Швеции и ее прибалтийских владений, отчеканенные в монетных дворах городов Риги и Эльбинга. Поступление этих монет, начавшееся в конце периода правления Густава II Адольфа (1611—1632), достигло своего апогея при Кристине (1632—1654) и окончательно угасло во времена Карла XI (1660—1697).

В числе этих монет имеется значительное количество подделок, массовое производство которых было налажено тайно в монетных дворах городов Сучава⁵⁸⁰ и Четатя-Нямцулуй в период правления Евстратия Дабижа (1661—1665) и продолженное вплоть до начала XVII в.

В монетном дворе города Сучава еще со времен господаря Еремия Мовилэ (1595—1600) в широких масштабах практиковалась тайная подделка польских и пемецких монет, захлестнувших рынки многих европейских стран и вызвавших многочисленные жалобы в Порту, которая в начале семидесятых годов XVII в. окончательно запретила молдавским господарям чеканку монет.

Важной категорией иноземных монет, сыгравших значительную роль в истории денежного обращения края XVII в., являлись золотые дукаты и серебряные талеры. С середины второй четверти XVII в. на-

блюдается довольно интенсивный приток нидерландских и венгерских дукатов, а также и большого числа нидерландских и немецких талеров и их подразделений — полуталеров и ортов.

Из талерных монет особой популярностью в крае пользовались нидерландские талеры, отчеканенные из добротного серебра и весьма охотно принимавшиеся населением. Благодаря изображению льва на оборотной стороне монеты, эти талеры стали называться «леями». Со временем этим термином стали именовать и все прочие монеты талерного типа.

Обращение турецких монет в крае в XVII в. в отличие от предыдущего столетия было совершенно незначительным, причем в ходу были только мелкие, но полноценные номиналы, отчеканенные до начала восьмидесятых годов XVI в. К началу последнего десятилетия XVII в. аспры почти полностью обесценились и ничем не отличались от обычной медной монеты.

В связи с широким распространением талерных монет европейских стран, а также из-за непрекращающегося обесценивания аспра в конце восьмидесятых годов XVII в. в Порте начали чеканить и крупные серебряные монеты талерного типа — «куруш» и их половины — «игирмилик». Оба эти номинала появились в денежном хозяйстве края в очень незначительном числе только лишь в самом конце XVII в.

Для завершения общей картины характера денежного обращения края XVII в. следует отметить, что в отличие от предыдущих столетий в XVII в. явно преобладают незначительные по размерам клады, содержащие главным образом монеты небольших номиналов, причем турецкая монета XVII в. составляет в них совершенно ничтожную долю.

Иноземная монета продолжала выполнять на территории края основные функции денег до начала XIX в., когда Днестровско-Прутские земли были освобождены от многовекового турецкого ига и навсегда присоединены к России.

- ¹ *Страбон. География VII, 3, 18. Граков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 11—12.*
- ² *Шелов Д. Б. Царь Атей. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика, 2. Киев, 1965, с. 16.*
- ³ *Страбон. География, VII, 3, 2. Сведения Страбона основаны на источнике IV в. до н. э.*
- ⁴ *Страбон. География, VII, 3, 14.*
- ⁵ *Фурманская А. И. Античный город Тира. М., 1963, с. 40.*
- ⁶ *Карышковский П. О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища. — МАСП, 1966, вып. 5, с. 149.*
- ⁷ *Латышев В. В. Указ. соч., с. 88.*
- ⁸ *Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 1962, 115, с. 114.*
- ⁹ *Смирнов Г. Д. Скифское городище и селище «Большая Сахарна». — КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 93—96.*
- ¹⁰ *Смирнов Г. Д. Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока). — «Изв. МФ АН СССР», 1955, № 5 (25), с. 117—121.*
- ¹¹ *Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного среднего Подпестровья. — МИА, 1958, № 64. Ее же. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг. — «Изв. МФ АН СССР», 1955, № 5 (25), с. 51.*
- ¹² *Розенфельдт Р. Л. Алчедарские курганы. — «Изв. МФ АН СССР», 1955, № 5 (25), с. 121.*
- ¹³ *Никитин А. Н., Левин В. И. Раскопки погребений в каменных ящиках у с. Алчедар в 1963 г. — КСИИМК, 1965, вып. 103, с. 75.*
- ¹⁴ *Мельниковская О. Н. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. — КСИИМК, 1954, вып. 56, с. 69.*
- ¹⁵ *Смирнов Г. Д. Археологические разведки в нижнем течении Реута. — МИАЭ МССР, 1964, с. 248.*
- ¹⁶ *Мелюкова А. И. Памятники VIII в. до нашей эры на территории лесостепной Молдавии. — «Изв. МФ АН СССР», 1956, № 4 (31), с. 39.*
- ¹⁷ *Лапушнян В. Л. Раскопки памятников культуры фракийского галштата в Молдавии. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 88—100.*
- ¹⁸ *Пассек Т. С. Раскопки на много-*

- слоином поселении у Голеркан в 1954 г. — «Изв. МФ АН СССР», 1956, № 4 (31), с. 30.
- 19 Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Поднестровье. — КСИА, 1963, вып. 94, с. 64.
 - 20 Никулицэ И. Т. Исследование гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 134; Его же. Исследование гетского могильника Ханска Лутэрия. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии, с. 105; Его же. Раскопки гетских поселений у с. Ханска. — АО, 1971. М., 1972, с. 451.
 - 21 Златковская Т. Д. Городище Метеуцы. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 220.
 - 22 Лапушнян В. Л. Новые находки раннего железного века из села Метеуцы. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии, с. 128.
 - 23 Чеботаренко Г. Ф. Раскопки Днестровской экспедиции. — АО 1971. М., 1972, с. 449.
 - 24 Шмаглый Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. — МАСП, 1970, вып. 6, с. 65—66; Их же. Археологические исследования в зоне строительства Нижнеднестровской оросительной системы. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с. 37—38; Алексеева И. А., Черняков И. Т., Шмаглый Н. М. Исследования в Нижнем Подунавье. — АО, 1971. М., 1972, с. 325; Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглый Н. М. Курганы у с. Огородное. — МАСП, 1970, вып. 6, с. 134, 138, 151—152.
 - 25 Гудкова А. В. Скифское погребение с конем из Нижнего Подунавья. — АО 1969. М., 1970, с. 240.
 - 26 Сергеев Г. П. Скифский кинжал из Олонештского района МССР. — ЗОАО, 1960, 1 (34), с. 262.
 - 27 Чеботаренко Г. Ф. Городище Калфа (по материалам раскопок 1959 г.). — МИАЭ МССР, 1964, с. 197.
 - 28 Сальников А. Г. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). — МАСП, 1966, вып. 5, с. 176.
 - 29 Синицын М. С. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957—1958 гг. — ЗОАО, 1960, 1(34), с. 189—196; Дзис-Райко Г. А. Археологические исследования городища у села Надлиманское. — МАСП, 1966, вып. 5, с. 163—175.
 - 30 Мелюкова А. И. Поселение IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка. — КСИА, 1967, вып. 109, с. 54.
 - 31 Дзис-Райко Г. А. О раскопках древнего могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. — КСО ГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 59.
 - 32 Материал хранится в краеведческих музеях городов Кагула и Измаила.
 - 33 Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, № 1, с. 57.
 - 34 Никулицэ И. Т. Геты в IV—III вв. до н. э. Автореф. дисс. на соиск. степени канд. ист. наук. М., 1971.
 - 35 Мелюкова А. И. Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 39.
 - 36 Археология Украинской ССР, т. II, Киев, 1971, с. 8. Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории бронзового века Северного Причерноморья. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 7.
 - 37 Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). — СА 1953, XVIII, с. 49.
 - 38 Материал хранится в Одесском археологическом музее.
 - 39 Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины, с. 116.
 - 40 Черняков И. Т. Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одессине. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г., вып. III. Киев, 1971, с. 138, рис. 3, 4.
 - 41 Раскопки Г. Ф. Чеботаренко 1968 г.
 - 42 Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглый Н. М. Указ. соч., с. 133, рис. 4, 5, 6.
 - 43 Там же, с. 151—152, рис. 7, 2, 17, 1—14.
 - 44 Черняков И. Т. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 139, рис. 1.
 - 45 Головкин Н. Д., Бондарь Р. Д., Загинайло А. Г. Археологические исследования у с. Орловка Болградского

- района Одесской области.—КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 68.
- ⁴⁶ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 37. Его же. Этногеография Скифии. — «Учен. записки ЛГУ», 1949, № 2 (85).
- ⁴⁷ Мелюкова А. И. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, № 1, с. 57.
- ⁴⁸ Смирнов Г. Д. Скифское городище и селище «Большая Сахарна», с. 93; Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного среднего Подпестровья, 76.
- ⁴⁹ Мельниковская О. Н. Указ. соч., с. 69.
- ⁵⁰ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного среднего Подпестровья, с. 80.
- ⁵¹ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 96, рис. 61, с. 158; рис. 106, с. 182.
- ⁵² Gallus S. et Horvath T. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Budapest, 1939, с. 56.
- ⁵³ Morinz S. Quelques probleme concernant la periode ancienne du Hallstatt an Bas—Danube a la lumiere des fouilles de Babadag. Dacia. N. S., VIII, 1964, с. 101—132.
- ⁵⁴ Вязьмитина М. И., Покровська Е. Ф. Поселения VII—VI ст. до н. э. в околищах с. Жаботина. — АП, 1956, VII, с. 38.
- ⁵⁵ Vulpe A. Zur mittleren Halstattzeit in Rumanien (Die Basarabi—Kultur); Dacia, N. S., IX, 1965, с. 125 (карта, рис. 1).
- ⁵⁶ Мелюкова А. И. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии, с. 30; Лапушнян В. Л. Раскопки памятников культуры фракийского галштата в Молдавии, с. 88—100.
- ⁵⁷ Vulpe A. Zur mittleren Halstattzeit in Rumanien (Die Basarabi—Kultur); Dumitrescu V. La necropole tumulaire du premiere age du fer de Basarabi. Dacia. N. S., XII, 1968, с. 261—304.
- ⁵⁸ Мелюкова А. И. Работы Западнороссийской экспедиции. — АО 1969. М., 1970, с. 242.
- ⁵⁹ Гудкова А. В. Скифское погребение с конем из Нижнего Подунавья, с. 240.
- ⁶⁰ Раскопки В. А. Дергачева 1970 г.
- ⁶¹ Мелюкова А. И. Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э. — АО 1968. М., 1969, с. 279; ее же. Работы Западнороссийской экспедиции, с. 241.
- ⁶² Граков Б. И. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МАИ, № 115, 1962; с. 56; Березовец Д. Т. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу в с. Кут. — АП, IX. Київ, 1960, с. 39.
- ⁶³ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. СПб., 1908, с. 130.
- ⁶⁴ Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. Курганский могильник у с. Борисовки. — МАСП, 1970, вып. 6, с. 65—66; Алексеева И. Л., Черняков И. Т., Шмаглий М. Н. Указ. соч., с. 325.
- ⁶⁵ Мелюкова А. И. Исследование гетских памятников в степном Подпестровье, с. 67.
- ⁶⁶ Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 35.
- ⁶⁷ Мелюкова А. И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. — КСИИМК, 1955, вып. 56, с. 65.
- ⁶⁸ Никулицэ И. Т. Раскопки гетского могильника у с. Ханска. — «Учен. записки ЛГУ. Историческая серия». Кишинев, 1968. Его же. Исследования гетского могильника Лутэрия у с. Ханска, с. 134.
- ⁶⁹ Нудельман А. А., Рикман Э. А. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. — «Изв. МФ АН СССР», 1959, № 4 (31), с. 129.
- ⁷⁰ Сергеев Г. П. Погребение скифского воина, с. 138, рис. 2, 3.
- ⁷¹ Мелюкова А. И. Исследование гетских поселений в степном Приднестровье, с. 70.
- ⁷² Страбон. География, VII, 3, 14 и VII, 3, 17.
- ⁷³ Дион Хризостом, XXXVI.
- ⁷⁴ Славин Л. М. Древний город Ольвия. Киев, 1951; Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра. — В кн.: Древние фракийцы

- в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 119.
- ⁷⁵ Страбон. География, VII, 3, 2.
- ⁷⁶ Славин Л. М. Указ. соч.
- ⁷⁷ Скимн Хиосский, 798.
- ⁷⁸ Квирт Гораций Флак. Оды, III, 24.
- ⁷⁹ Страбон, VII, 3, 11.
- ⁸⁰ Арриан. Об охоте. 23, 2.
- ⁸¹ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья. — МИА, 1960, с. 17—25.
- ⁸² Vulpe. R. Săpăturile de la Poieniști din 1949. — MAC, vol. I, 1953, с. 310—474.
- ⁸³ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка. — В кн.: Древние фракцийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, рис. 1; Ее же. Позднегетские поселения Молдавии. — КСОГМ, 1961, 1963, с. 26; Ее же. Раскопки в Бранештах в 1962 г. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 37—42.
- ⁸⁴ Teodor S. Contribuții la cunoașterea ceramicii din secolele III—II î. e. n. din Moldova. — SCIV, XVIII, 1967, 1, с. 25—43.
- ⁸⁵ Vulpe R. Le probleme des Bastarnes a lumiere des decouvertes archeologiques en Moldavie. Bucarest, 1955.
- ⁸⁶ Мачинский Д. А. К вопросу о хронологии, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. — В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1965.
- ⁸⁷ Федоров Г. Б. Указ. соч., с. 17.
- ⁸⁸ Романовская М. А. Население Карпато-Днестровского района во II—I вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1968.
- ⁸⁹ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка, с. 84, рис. 1.
- ⁹⁰ Романовская М. А. Раскопки в Бранештах в 1962 г., с. 38, рис. 13.
- ⁹¹ Романовская М. А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка, с. 89—91 и примечания 35—40.
- ⁹² Полибий. IV, 38.
- ⁹³ Дион Кассий. Римская история. XXI; 19. — ВДИ, 1948, № 2, с. 277.
- ⁹⁴ Сохранившиеся книги «Истории». Книга XXXI, 2, 13. — ВДИ, 1949, № 3, с. 303.
- ⁹⁵ Страбон. География. VII, 3, 17. — ВДИ, 1947, № 4, с. 200.
- ⁹⁶ Плиний. Естественная история. Книга IV, 82. — ВДИ, 1949, № 2, с. 279.
- ⁹⁷ Птоломей. Географическое руководство, III, 5, 6; III, 5, 10; III, 10, 7; III, 5, 11. — ВДИ, 1948, № 2, с. 242.
- ⁹⁸ Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Киев, 1899, с. 26.
- ⁹⁹ Müller K. Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888.
- ¹⁰⁰ Lowmianski H. Poczatki Polski. Warszawa, Państwowe, wydawnictwo naukowe, 1963, с. 81.
- ¹⁰¹ Туханова М. А. Готы в причерноморских степях. — В кн.: Очерки истории СССР, М., 1958, с. 132.
- ¹⁰² Diaconu Ch. Despre sarmați la Dunărea de Jos în lumina descoperirilor de la Tirgușor. — SCIV, 2, anul XIV, 1963, с. 341.
- ¹⁰³ Moroșanu N. N. Preistoria regiunii Copanica. — „Buletinul Institutului de cercetări sociale al României”, v. II, 1938, Chișinău, 1939, с. 248—254.
- ¹⁰⁴ Федоров Г. Б. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. — «Изв. МФ АН СССР», 1956, № 4 (31), с. 49—65.
- ¹⁰⁵ Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э. — МИА, 1960, № 89, с. 86.
- ¹⁰⁶ Рикман Э. А. Отчет об археологических работах 1961 г. — Архив АН МССР, с. 48—51.
- ¹⁰⁷ Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР). — СА, 1962, № 1.
- ¹⁰⁸ Сергеев Г. П. Археологические исследования музея в 1958 г. — «Труды ГИМ МССР», 1961, с. 129—136. Кетгару Н. А., Рикман Э. А. Новые данные о памятниках первых веков нашей эры на территории Молдавии. — «Изв. МФ АН СССР», 1960, № 4 (70), с. 3—21.
- ¹⁰⁹ Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. М., 1964; Его же. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. — СЭ, 1966, № 1.
- ¹¹⁰ ОАК за 1913—15 гг. Петроград, 1918, с. 201. Зарисовки предметов, которые хранятся в Государственном Эрмитаже, автору любезно предоставил К. Ф. Смирнов.

- 111 *Фурманська А. І.* Фібули с розкопок Ольвії. — «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, с. 88. *Амброс А. К.* Фібулы юга европейской части СССР. II. в. до н. э. — IV в. н. э. — САИ, 1966, Д 1—30, с. 25, 38, 41, 29, 53, 59.
- 112 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. п. э., с. 86.
- 113 *Федоров Г. Б.* Позднесарматский могильник у с. Криничное. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 249.
- 114 *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Б. Н.* Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 50—54.
- 115 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. п. э., с. 117. *Великанова М. С.* К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. п. э. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 60.
- 116 *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Оленешты (Молдавской ССР), с. 193—208.
- 117 *Рикман Э. А., Хынку И. Г.* Погребение II в. н. э. у с. Первомайск (Молдавия). — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 35—37.
- 118 *Раскопки Г. Б. Федорова 1968 г.*
- 119 *Федоров Г. Б.* Древние славяне и их соседи в Молдавии. — УЗ ИИЯЛ МФ АН СССР (серия историческая), 1957, т. VI, с. 237.
- 120 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. п. э., с. 257.
- 121 *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник. — МИА, 1960, № 82.
- 122 *Рикман Э. А.* Вопросы датировки импортных вещей в памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. — СА, 1972, № 4, с. 84—101.
- 123 *Федоров Г. Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре. — СА, 1958, № 3.
- 124 *Рикман Э. А.* О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 178—188.
- 125 *Великанова М. С.* Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии: «Антропологический сборник». III: «Труды Института этнографии АН СССР», 1961, т. 71, с. 32—34.
- Ее же. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 59—61.
- 126 *Птоломей.* Географическое руководство, III, 5, 6; III, 5, 8—11; III, 10, 7.
- 127 *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 97.
- 128 *Баран В. Д.* Раннеславянские памятники на Западном Буге. — «Slo-wenska Archeologia», 1965, XIII, 2, с. 357.
- 129 *Рикман Э. А.* К вопросу «о больших домах» на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 3.
- 130 *Рикман Э. А.* Жилища Будештского селища. — МИА, 1960, № 82, с. 305.
- 131 *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии, 16. Сочинения в 2-х т. Т. I. Л., 1969, с. 360.
- 132 *Бибииков С. Н.* О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра. — СА, 1958, № 3.
- 133 *Цалкин В. И.* Хозяйство лесостепных племен раннего железного века в свете остеологических данных. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964, с. 47.
- 134 *Рикман Э. А., Янушевич Э. В.* Земледелие у племен черняховской культуры (по материалам памятников Днестровско-Прутского междуречья). — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966, с. 75—85.
- 135 *Фляксбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. — КСИИМК. 1940, VIII, с. 117.
- 136 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. п. э., с. 105.
- 137 *Сымонович Э. А.* Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. — СА, 1956, XXVI, с. 262.
- 138 Из раскопок Г. П. Сергеева.
- 139 *Полевой Л. Л.* Археологические сведения о растительном покрове и фауне млекопитающих Прутско-Днестровского междуречья. — «Охрана природы Молдавии», 1961, вып. 2, с. 101—102.

- 140 Определение этих костей произведено профессором М. А. Войцетвичем и доктором биологических наук И. М. Гапл.
- 141 *Цалкин В. И.* Хозяйство лесостепных племен раннего железного века в свете остеологических данных. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964, с. 46, 47.
- 142 *Цалкин В. И.* Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. — «Бюллетень Московского общества испытателей природы», (Отдел биологический), 1964, вып. 3, с. 27.
- 143 *Там же*, с. 28, 29.
- 144 *Брайчевская А. Т., Брайчевский М. Ю.* Раскопки в Леськах близ Черкасс. — КСИА АН УССР, 1959, вып. 8, рис. 2.
- 145 *Цалкин В. И.* Домашние животные Восточной Европы в раннем и железном веке, с. 29.
- 146 *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Указ. соч., с. 8—49.
- 147 Пакетный металл изготовлен кузнечной сваркой пескоплавных полос металла (железных или железных и стальных) или многократным перегибанием пластины при ковке. Такой металл обладает высокими механическими свойствами.
- 148 *Амброз А. К.* Указ. соч., с. 96.
- 149 *Семенов С. А.* Первобытная техника. — МИА, 1957, вып. 54, с. 103.
- 150 При анализе тканей автор получил консультацию заведующей отделом тканей ГИМ в Москве М. Н. Левинсон.
- 151 *Велишский Ф.* Быт греков и римлян. Прага, 1878. рис. 309.
- 152 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э., с. 154. Э. А. Сымонович предложил другое чтение: «Пей, да поживай с семьей». («Стеклянный кубок с надписью из-под Одессы». — ВДИ, 1966, 1, с. 108).
- 153 *Тизанова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4, с. 181.
- 154 *Левин Е. И.* Ольвийская агора. — МИА, 1956, № 50, с. 71.
- 155 *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана с. Олонешты (Молдавская ССР), с. 197, 199, рис. 2 (2).
- 156 *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кичинев, 1967.
- 157 *Федоров Г. Б.* Малаештский могильник. — МИА, 1960, № 82, с. 253—302.
- 158 *Рикман Э. А.* Отчет об археологических работах 1963—1964 гг. — Архив АН МССР.
- 159 *Никулицэ И. Т., Рикман Э. А.* Указ. соч.
- 160 Исчислено от общего количества труположений.
- 161 *Хвойко В. В.* Поля погребений в Среднем Поднепровье. — ЗРАО, СПб., 1901, XII, вып. I и II (новая серия), с. 184.
- 162 *Сымонович Э. А.* Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. — СА, 1961, № 1.
- 163 *Рикман Э. А.* Раскопки селища Собарь. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 452, 453.
- 164 *Скрябинская Е. Ч.* Комментарий к Иордану. — В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 200.
- 165 Там же, с. 71.
- 166 Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950, с. 384.
- 167 *Рикман Э. А., Рафалович И. А.* К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 42—58.
- 168 *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, с. 35—36.
- 169 *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины 1 тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 183—192.
- 170 *Borkowsky J.* Naistarsi slowanska keramika ze Strednich Cech. Památky archeologicke, Rocnik VI—VII. Praha, 1940. *Его же.* Staroslovanska keramika ve Stredni Europe. Praha, 1940.
- 171 *Bernat Wl.* Wczesnosredniowieczne chentlarzysko cialopalne w Miedzyborowie pod Warszawa. — Archeologiczne roshledy, 1955, VII, 3, с. 348.
- 172 *Nestor I.* La necropole slave de l'epoque ancienne de Sarata-Monteoru. Dacia, 1, 1957, с. 291.

- ¹⁷³ Березовец Д. Т. Поселения улочей на р. Тясмине. — МИА, М., 1963, № 108, с. 148—154.
- ¹⁷⁴ Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. — СА, 1961, № 3, с. 187.
- ¹⁷⁵ Рафалович И. А. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 123—126.
- ¹⁷⁶ Barnea I. L'incendie de la cite Dinogetia an VI secole. Dacia, X. București, 1966, с. 251—259.
- ¹⁷⁷ Teodorescu V. Despre cultura Ipo-tești—Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nordetul Munteniei. — SCIV, București, 1964, 4, с. 485—504.
- ¹⁷⁸ Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.
- ¹⁷⁹ Șantierul arheologic Suceava. — MSA, vol. VIII. București, 1962, с. 744, рис. 5.
- ¹⁸⁰ Werner I. Slawische Bügelfibeln des VII Jahrhunderts Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.
- ¹⁸¹ Там же.
- ¹⁸² Смирнов Г. Д., Рафалович И. А. Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхей. — «Изв. АН МССР», 1965, № 12.
- ¹⁸³ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 82, рис. 10.
- ¹⁸⁴ Минаева Т. М. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе. — КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 133, рис. 52.
- ¹⁸⁵ Артамонов М. П. Вопросы расселения восточных славян и советская археология, с. 35.
- ¹⁸⁶ Смирнов Г. Д. и Рафалович И. А. Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхей. — «Изв. АН МССР», 1968, № 12, с. 75.
- ¹⁸⁷ Рикман Э. А., Рафалович И. А. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 42.
- ¹⁸⁸ Рикман Э. А. и Сергеев Г. П. Селище первых веков нашей эры у села Кобуска-Веке. — МИАЭ МССР, 1964, с. 232; рис. 3.
- ¹⁸⁹ Рафалович И. А. Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 126.
- ¹⁹⁰ Рафалович И. А. Раннеславянское поселение у с. Реча. — В кн.: Материалы и исследования по археологии, этнографии и искусствоведению МССР. Кишинев, 1968.
- ¹⁹¹ Рафалович И. А. Поселение VI—VII вв. у с. Ханска. — КСИА, 1968, вып. 113.
- ¹⁹² Петров В. П. Стецовка, поселение третьей четверти 1 тысячелетия н. э. — МИА, 1963, № 108, с. 221.
- ¹⁹³ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в 1 тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 66.
- ¹⁹⁴ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, с. 180—192.
- ¹⁹⁵ Рафалович И. А. Поселение VI—VII в. у с. Ханска; Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в 1 тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 94.
- ¹⁹⁶ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, Е4—4. М., 1962, с. 38.
- ¹⁹⁷ Чалань Д. Византийские монеты в аварских находках. — Acta Archaeologica, t. II. Budapest, 1952, с. 235—250.
- ¹⁹⁸ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР, с. 49.
- ¹⁹⁹ Русанова И. П. Славянские памятники второй половины 1 тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 166—182.
- ²⁰⁰ Рафалович И. А. Карта раннеславянских поселений VI—IX вв. на территории Прутско-Днестровского междуречья. — «Труды III конференции молодых ученых Молдавии», 1963, вып. III, с. 84.
- ²⁰¹ См.: Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках писателей по VII в. — ВДИ, 1941, № 1, с. 253.
- ²⁰² Кучера М. П., Драчук В. С. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС. — КСИА, 1962, вып. 12, с. 102.
- ²⁰³ Березовец Д. Т. Поселения улочей на р. Тясмине, с. 197.
- ²⁰⁴ Русанова И. П. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. — МИА, 1963, № 108, с. 39.
- ²⁰⁵ Комша М. Новые сведения о расселении славян на территории РНР. — Romanoslavica, IX. București, 1963, с. 516.

- 206 *Хвольсон Д. А.* Известия о каза-рах, бургусах, болгарях, мадьярах и руссах Абу-Али Бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 32—33.
- 207 *Рафалович И. А.* Земледелие у славян VI—IX вв. в Молдавии. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 75—103.
- 208 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э. — МИА, 1960, № 89, с. 204.
- 209 *Там же*, с. 204.
- 210 *Хавлюк П. И.* Славянские поселения VIII — начала IX в. на Южном Буге. — «Археологический сборник. Государственный Эрмитаж», 1962, вып. 4, с. 120.
- 211 Определения костей животных произведены В. О. Цалкиным и А. И. Давидом.
- 212 *Рафалович И. А.* Раннеславянское селище Хуча VI—VIII вв. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 124.
- 213 *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии, с. 239—241.
- 214 *Смирнов Г. Д., Рафалович И. А.* Раннеславянские находки VI—VII вв. из Старого Орхоя. — «Изв. АН МССР», 1965, № 12, с. 75—76.
- 215 *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в 1 тыс. н. э., с. 211.
- 216 *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, с. 170.
- 217 *Хавлюк П. И.* О технологии изготовления раннеславянской керамики. — «Археологический сборник. Государственный Эрмитаж», 1965, вып. 7, с. 37—41.
- 218 *Русанова И. П.* Поселение у с. Корчак на р. Тетерева, с. 46.
- 219 *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчицы. — МИА, 1963, № 108, с. 334.
- 220 *Березовец Д. Т.* Поселения улицей на р. Тясмине, с. 174.
- 221 *Рафалович И. А.* Раннеславянское селище Хуча VI—VII вв. — КСИА, 1965, вып. 105, с. 126.
- 222 Данные Л. Л. Полевого и В. С. Бейлекчи получены при анализе керамики из селища Хуча методом водопоглощения.
- 223 Процентное отношение дано по немногим полным формам сосудов и отражает лишь приблизительное соотношение форм.
- 224 *Березовец Д. Т.* Поселения улицей на р. Тясмине.
- 225 *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти 1 тысячелетия н. э.
- 226 *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчицы, с. 320—350.
- 227 *Там же*.
- 228 *Бідайля В. У.* Зализоплавильні горни середини 1 тис. н. е. на Південному Бузі. — «Археологія», 1963, XV.
- 229 *Березовец Д. Т.* Слов'яни й племена салтівської культури. — «Археологія», 1965, т. XIX, с. 62—63.
- 230 *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины 1 тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии, с. 184.
- 231 *Баран В. Д.* Ранньослов'янські пам'ятники Верхнього Подністров'я і Південно-Західної Волині. — МДАПВ, 1964, вып. 5, с. 108.
- 232 *Barnea I.* L'incendie de la cite Dinogetia an VI-e siecle, Dacia, X, Bucuresti, 1966, с. 251—259, рис. 12, 13.
- 233 *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда. — В кн.: Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 54—55.
- 234 *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966, с. 247.
- 235 *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук. М., 1966, с. 16.
- 236 *Даниленко В. Н.* Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. — КСИА, 1962, вып. 12, с. 23—27.
- 237 *Плетнева С. А.* Работа Северо-Донецкого отряда, с. 54—55; *Barnea I.* L'incendie de la cite Dinogetia an VI-e siecle, с. 251—259.
- 238 *Рафалович И. А.* К вопросу о вариантах раннеславянской культуры VI—VII вв. в Молдавии. — В кн.: Работы молодых ученых Молдавии, Кишинев, 1967.
- 239 *Morintz S.* Săpăturile de pe Dealul Ciurel. — MCA, VII.
- 240 *Leanu V.* Raport asupra săpăturilor efectuate în București. București, 1962, с. 40—43.
- 241 *Zirra V. și Cazimir Gh.* Unele rezultate ale săpăturilor arheologice de pe „Cîmpul Boja”. — Militari. — Ip.: Cercetări, с. 63—69.

- 242 *Constantiniu M. și Panait P. I.* Săpăturile la București-Noi din 1960. — In: *Cercetări*, c. 84—98.
- 243 *Nestor I. și Zaharia E.* Săpăturile de la Sărata—Monteoru. — *MCA*, VII, c. 513, 517.
- 244 *Constantiniu M.* Elemente romano-bizantine în cultura materială a populației autohtone din partea centrală a Munteniei în secolele VI—VII e. n. — *SCIV*, 4, București, 1966, c. 665—677.
- 245 *Teodorescu V.* Despre cultura Iro-tești—Cindești în lumina cercetărilor arheologice din nord-estul Munteniei. — *SCIV*, 4, București, 1964, c. 485—504.
- 246 *Брайчевский М. Ю.* Работы на Пастерском городище. — *КСИИМК*, 1951, вып. XXXVI. Его же. Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастерском городище. — *КСИА*, 1959, вып. 8.
- 247 *Teodorescu V.* Despre cultura Iro-tești—Cindești, c. 485—504.
- 248 *Русанова И. П.* Славянские памятники второй половины 1 тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии, c. 184.
- 249 *Баран В. Д.* Ранньослов'янські пам'ятники Верхнього Подністрів'я і Південно-Західної Волині, стор. 104.
- 250 *Vana Zdenek.* Misy v zapadneslovanske keramiké Památky archeologické (PA), číslo I. Praha, 1958, c. 185—247.
- 251 *Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы. История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967, c. 60.
- 252 *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья, 1901, вып. IV, табл. V, № 165—167.
- 253 *Petre A.* Contribuția atelierelor romano-bizantine la geneza unor tipuri de fibile „digitate” din veacurile VI—VII e. n. — *SCIV*, 2, 1966.
- 254 *Werner J.* Slawische Büelfibeln des VII Jahrhunderts, Reineke Festschrift. Mainz, 1950. Его же. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin, 1961.
- 255 *Книпович Т. Н. и Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки. — *МИА*, 1941, № 4, c. 55—56.
- 256 *Георгиева С.* Средневекового селище над развалините на античния град Арбитус. — «Известия на Археологическия институт», 1961, XXIV, c. 9—36, рис. 30—31.
- 257 *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, c. 189.
- 258 *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти 1 тысячелетия н. э., c. 233.
- 259 *Брайчевский М. Ю.* Исследование Пастырского городища в 1955 г. — *КСИА*, 1957, вып. 7, c. 94—96.
- 260 *Минаева Т. М.* Кераміка балці Канцирка в світі археологічних досліджень на Північному Кавказі. — «Археологія», 1961, XIII. *Брайчевська А. Т.* Разкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. — «Археологія», 1965, XIII.
- 261 *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Петрушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия. — *МИА*, 1941, № 4, c. 24. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — *МИА*, 1952, № 25, c. 100.
- 262 *Белов Г. Д. и Якобсон А. Л.* Квартал XVII. — *МИА*, 1953, № 34, c. 119, 362.
- 263 *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., c. 100, рис. 120. *Histria. Monografia Arheologica*, I. București, 1954, c. 455—458, рис. 383.
- 264 *Barnea I.* L'incendie de la cite Dinogetia an VI-e siècle, c. 251—259, fig. 12—13.
- 265 *Constantiniu M.* Elemente romano-bizantine în cultura materială a populației autohtone din partea centrală a Munteniei în secolele VI—VII e. n. — *SCIV*, 1966, 4.
- 266 *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси, c. 165.
- 267 *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа, — *МИА СССР*, 1961, № 104, c. 268, рис. 118 (2).
- 268 *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая — *МИА СССР*, № 108, *МИА СССР*, 1963, № 108, c. 299, рис. 10 (1).
- 269 *Petrescu-Dimbovița M.* Șantierul arheologic Hlincea—Iasi. — *SCIV*, 1954, 1—2, c. 235—240.
- 270 *Въжарова Ж.* Славянски и славянобългарски селища. София, 1965, c. 240.
- 271 *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, c. 280.
- 272 *Nestor I. și Zaharia E.* Săpăturile de la Sărata—Monteoru. — *MCA*, 1961, vol. VII, c. 513.

- 273 *Русанова И. П.* Раскопки курганов на Волыни. — В кн.: Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 278.
- 274 На памятнике Селиште исследован комплекс, состоящий из разновременных могильников и поселений. См.: *Рафалович И. А. и Лапушнян В. Л.* Раскопки поселений и могильников у с. Селиште. — АО 1969, М., 1970, с. 352.
- 275 *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 82.
- 276 Повесть временных лет, т. 1. М.-Л., 1950, с. 14.
- 277 *Шахматов А. А.* Повесть временных лет, т. II, 1916, с. 374.
- 278 Повесть временных лет, т. I, с. 20—21.
- 279 *Шахматов А. А.* Указ. соч., т. II, с. 373.
- 280 Повесть временных лет, т. I, с. 33.
- 281 *Федоров Г. Б.* Городище Екимовцы. — КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 110, 112—113.
- 282 *Его же.* Посад Екимовского поселения. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 272.
- 283 *Его же.* Городище Екимовцы, с. 105.
- 284 *Его же.* Древнерусское поселение на севере Молдавии. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1972.
- 285 *Его же.* Посад Екимовского поселения, с. 272—273.
- 286 *Его же.* Древнерусское поселение на севере Молдавии, с. 145—146.
- 287 *Кириянов А. В.* Земледелие Киевской Руси (IX—XI вв.). — В кн.: Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 194—195.
- 288 *Федоров Г. Б.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 81—83.
- 289 *Его же.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции. — КСИА, 1960, вып. 81, с. 40.
- 290 *Его же.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг., с. 78—81.
- 291 *Его же.* Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1966, с. 21. *Его же.* Население Юго-Запада СССР в I — начале II тысячелетия н. э. — СЭ, 1961, № 5, с. 102.
- 292 *Хынку И. Г.* Керамика славян Поднепровья в X—XII вв. — «Изв. АН МССР», Серия общественных наук, 1971, № 2.
- 293 *Федоров Г. Б.* Городище Екимовцы, с. 123.
- 294 *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, с. 39.
- 295 *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М., 1936, табл. 1, 2, 6, 7.
- 296 *Динка-Геппенер Н.* Копиевский клад. — «Археология», 1948, вып. VI.
- 297 *Федоров Г. Б.* Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг., с. 87—88.
- 298 *Его же.* Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г., с. 90—93.
- 299 Определение В. И. Цалкина.
- 300 *Федоров Г. Б.* Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры юго-запада СССР. — КСИА, вып. 105, 1965, с. 29—30. *Хынку И. Г.* Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1969, с. 56—58.
- 301 *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. — МИА, 1958, № 62, с. 151—226.
- 302 Documente privind istoria României (C. Transilvania), v. 1, с. 275.
- 303 *Литаврин Г. Г.* Власти византийских источников X—XII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 102—103.
- 304 *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 5.
- 305 *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 114.
- 306 *Хынку И. Г.* Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев, 1968, с. 17. О датировке шиферных пряслиц см.: Розенфельд Г. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц. — СА, 1964, № 4, с. 223.
- 307 *Хынку И. Г.* Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии, с. 34—36.
- 308 *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища. Керамика и стекло древней Тмутаракани (см. далее: Средневековая керамика...), М., 1963, с. 53.
- 309 *Хынку И. Г.* Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии, с. 33—36.

- 310 Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч.
- 311 Хынку И. Г. Поселения X—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Раскопки автора 1964—1973 гг.
- 312 Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 58.
- 313 Ляпушкин И. И. Днепроовское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 91.
- 315 Ляпушкин И. И. Городище Ново-троицкое. — МИА, СССР, 1958, № 74, с. 196—197.
- 316 Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968. См. жилища Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Швейцарии, Австрии, юга Швеции, Норвегии, Финляндии.
- 317 Народы Европейской части СССР, том I, М., 1964.
- 318 Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. См. жилища Югославии, Албании, Греции, Франции, Италии, Испании.
- 319 Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в., с. 92.
- 320 Хынку И. Г. Керамика славян Поднестровья в X—XII вв. — «Изв. АН МССР» (Серия общественных наук), 1971, № 2, с. 90.
- 321 Плетнева С. А. Средневековая керамика..., с. 20, рис. 11—12.
- 322 Хынку И. Г. Молдавская народная керамика. Кишинев, 1969, с. 82—83.
- 323 Там же, с. 64—66.
- 324 Плетнева С. А. Средневековая керамика..., с. 18, рис. 9—9.
- 325 Хынку И. Г. Керамика славян Поднестровья в X—XII вв., с. 86, рис. 4.
- 326 Плетнева С. А. Средневековая керамика..., с. 31.
- 327 Хынку И. Г. Керамика славян Поднестровья в X—XII вв., с. 87.
- 328 Barnea I. Meșteșugurile în așezarea feudală de la Garvan — (sec. X—XII). SCIV, N 1—2. București, 1955, с. 105—106.
- 329 Хынку И. Г. Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии, с. 100, рис. 7.
- 330 Там же, с. 67, 75, 95, 100, 112.
- 331 Хынку И. Г. Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии, с. 67, рис. 13—3.
- 332 Хынку И. Г. Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. в Молдавии. Кишинев, 1973.
- 333 Хынку И. Г. Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV веков в Молдавии. Кишинев, 1970, с. 65—66.
- 334 Там же, с. 52—62.
- 335 Великанова М. С. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. — СЭ, 1965, № 6, с. 73.
- 336 Хынку И. Г. Кэпрэрия — памятник культуры X—XII вв. в Молдавии.
- 337 Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957, с. 27, 42.
- 338 Marianu S. Inmormântarea la Romîni. București, 1892, с. 414—420.
- 339 Anda T. Recherches archeologiques sur la pratique medicale des Hongrois a l'epoque de la conquite du pays. — „Acta archeologica“, I. Budapest, 1951, с. 315.
- 340 Памятники типа Калфа названы по первому из них, раскопанному у с. Калфа Ново-Аненского района.
- 341 Чеботаренко Г. Ф. Городище Калфа. Кишинев, 1973.
- 342 Исключение составляет поселение Калфа, на котором обнаружены валы и рвы.
- 343 Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч.
- 344 Федоров Г. Б. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры юго-запада СССР. — КСИА, 1965, № 105, с. 27—28; Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч.
- 345 Чеботаренко Г. Ф. Указ. соч.
- 346 Тип памятников назван по наименованию поселения Петруха.
- 347 Хынку И. Г. Поселения XI—XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии.
- 348 Бырня П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 34—35.
- 349 Федоров Г. Б. и Чеботаренко Г. Ф. Культура Первого Болгарского царства в Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских землях. — «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года» (см. далее: «Тезисы докладов Всесоюзной сессии...»). Кишинев, 1967, с. 28.
- 350 Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 7—9, 12, 187, рис. 50, с. 188.
- 351 Артамонов М. И. К вопросу о карпато-дунайской культуре. — «Тези-

- сы докладов Всесоюзной сессии..., с. 31.
- 352 *Zaharia E. Săpăturile de la Dridu. București, 1967, с. 135—151.*
- 353 *Comşa M. Contribuții la cunoașterea culturii străromâne în lumina săpăturilor de la Bucov. — SCIV, 1959, N 1, с. 81—96.*
- 354 *Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА СССР, 1961, № 104, с. 191.*
- 355 *Хынку И. Г. Керамика славян Поднепровья в X—XII вв., с. 90.*
- 356 *Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 58—114.*
- 357 *Великанова М. С. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным, с. 61—75.*
- 358 *Бырня П. П. Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 113—120.*
- 359 *Там же, с. 120.*
- 360 *Хынку И. Г. Молдавская народная керамика.*
- 361 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с. 188.*
- 362 *Там же, с. 262—269.*
- 363 *Параска П. Ф. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.*
- 364 *Смирнов Г. Д. Из истории Старого Орхоя. — «Изв. МФ АН СССР», 1960, № 4, (70), с. 78—79.*
- 365 *Полевой Л. Л. Поселение XIV в. у с. Костешты. — ЗОАО, 1967, т. II (35).*
- 366 *Хынку И. Г. Балкано-Дунайская культура лесостепной Молдавии в X—XIV вв. — В кн.: Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971, с. 174—178.*
- 367 *Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье (см. далее: Об одной из групп керамики...). — МИАЭ МССР, 1964, с. 195—196.*
- 368 *Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 4—17.*
- 369 *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч., с. 230.*
- 370 *Полевой Л. Л. Археологические материалы к истории Молдавии XIV. — СА, 1965, № 3.*
- 371 *Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 209—212.*
- 372 *Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики..., с. 182.*
- 373 *Spinei V. Unele considerații cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din sec. al XII-lea până în prima jumătate a secolului al XIV-lea — SCIV, 1970, N 4, с. 607—608.*
- 374 *Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. (далее см.: Городское гончарство). Кишинев, 1969, с. 30, табл. 1.*
- 375 *Клад джучидских серебряных монет с поселения Лозово I состоит в основном из монет Абдаллаха (1362—1369), а также нескольких экземпляров его предшественников Джанибека (1339—1357) и Бердибека (1357—1360) с позднейшими надчеканками. Клад найден Г. П. Сергеевым.*
- 376 *Полевой Л. Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв. — «Изв. МФ АН СССР», 1956, № 4 (31), с. 92.*
- 377 *Рафалович И. А., Полевой Л. Л. Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово I. — МИАЭ МССР, 1964.*
- 378 *Янушевич З. В. Остатки культурных растений из археологических раскопок средневековых памятников Молдавии. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 250.*
- 379 *Определения А. И. Давида.*
- 380 *Рафалович И. А., Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 241.*
- 381 *Полевой Л. Л. Городское гончарство, гл. VI, VII.*
- 382 *См. гл. V настоящей работы.*
- 383 *Бырня П. П. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 97.*
- 384 *Рафалович И. А., Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 247.*
- 385 *Хынку И. Г. Указ. соч., с. 122—124.*

- 386 Полевой Л. Л. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в., с. 69.
- 387 Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. — «История СССР», 1969, № 2.
- 388 Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в., с. 192—204.
- 389 Федоров—Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 76—80.
- 390 Dimitriu C. O colecție preistorică în Chișinău. — „Arhivele Basarabiei”, 1934, N 1, с. 62; Porucic T. Câteva cuvinte asupra stațiunilor preistorice dintre Prut și Nistru. — „Arhivele Basarabiei”, 1934, N 1, с. 63—64.
- 391 Смирнов Г. Д. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1964 г. — УЗИИЯЛ, т. II, Кишинев, 1949, с. 197—199.
- 392 Федоров Г. Б. Отчет о полевых работах Славяно-Днестровской экспедиции за 1960 год, с. 49.
- 393 Рикман Э. А. Археологические работы в 1954 г. на городище Костешты. — «Изв. МФ АН СССР», 1955, № 5 (25).
- 394 Полевой Л. Л. Поселение XIV в. у с. Костешты.
- 395 Остатки четырех каменных домов с водопроводом из керамических труб были раскопаны в 1934 г. Т. Поручиком, однако опубликованный им отчет (Porucic T. Указ. соч.) чрезвычайно лаконичен.
- 396 Углубленная в землю однокамерная цилиндрическая печь для выпечки лепешек. Распространены на Ближнем и Среднем Востоке.
- 397 Рикман Э. А. Указ. соч., с. 98.
- 398 Прямоугольной формы земляное укрепление на краю коренного высокого левого берега долины не связано с поселением и относится к концу XIV в.
- 399 Квачковская В. А. Новая арабская надпись из Молдавской ССР. — «Эпиграфика Востока». XIII. 1960: Кетрару Н. А. Материалы к археологической карте Молдавии. — «Труды РГИКМ МССР», т. I, 1961, с. 125, 127.
- 400 Федоров—Давыдов Г. А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964.
- 401 Полевой Л. Л., Тораманян А. Х. Армянская гончарная мастерская Пруто-Днестровья в XIV в. — «Историко-филологический журнал АН Армянской ССР», 1971, № 2.
- 402 Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхей. — КСИИМК, 1954, вып. 56; его же. Из истории Старого Орхей. — «Изв. МФ АН СССР», 1960, № 4 (70).
- 403 Бырня П. П. Краткие итоги археологических раскопок в Старом Орхее в 1969 г. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972.
- 404 Там же, с. 191.
- 405 Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951, с. 210—222, табл. XIII—XVII.
- 406 Смирнов Г. Д. Заселение романизованными племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов. — В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 314.
- 407 Баллод Ф. Приволжские «Помпеи», М.-Пг., 1923, с. 101; Федоров—Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. — СА, 1959, № 4, с. 251, 259; Акчурина З. А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. П. Работы на городище Великие Булгары. — В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970.
- 408 Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая. — В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970.
- 409 Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья. — СА, 1973, № 3; Хованская О. С. Гончарное дело города Болгара. — МИА, 1954, № 42, с. 359—360.
- 410 Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 144—147; Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 207—210.
- 411 Янушевич З. В. Остатки культурных растений из археологических раскопок средневековых памятников Молдавии. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг. Кишинев, 1972, с. 250.
- 412 Янушевич З. В., Смирнов Г. Д. Культурные растения в XIV в. на территории Молдавии. — «Изв.

- АН МССР», Сер. биол. и хим. наук, 1968, № 2.
- 413 Определения А. И. Давида.
- 414 Рафалович И. А., Полевой Л. Л. Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово I, с. 241.
- 415 Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики..., с. 182; Spinei V. Указ. соч., с. 607—608.
- 416 Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики..., с. 184—188.
- 417 См.: Федоров—Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы, с. 194—212.
- 418 Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики..., с. 191—193.
- 419 См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 103—134; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106; Полевой Л. Л. Об одной из групп керамики, с. 193—196.
- 420 Там же.
- 421 Смирнов А. П., Федоров—Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды. — СА, 1959, № 4, с. 131.
- 422 Полевой Л. Л. Городское гончарство, с. 202—203.
- 423 По-видимому, в 1934 г. здесь было раскопано также несколько мастерских, упомянутых Т. Поручиком (см. выше).
- 424 Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья XIV в., с. 31—33.
- 425 Хованская О. С. Указ. соч., с. 348; Федоров—Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Указ. соч., с. 69, 110—114.
- 426 Джапаридзе В. В. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. — СА, 1953, т. XVII, с. 208.
- 427 Полевой Л. Л. Гончарные печи на поселении XIV в. у с. Костешты. — «Изв. МФ АН СССР», 1960, № 4 (70), с. 50—51.
- 428 Хованская О. А. Указ. соч., с. 366; Си́н и цы́н И. В. Древние памятники в низовьях Ерусалана. — МИА, 1960, № 78, с. 107—110.
- 429 Пацевич Г. П. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. — КСИИМК, 1957, вып. 69.
- 430 Левашова В. П. Золотоордынские памятники в Воронежской области. — «Труды ГИМ», 1960, вып. 37, с. 175—179.
- 431 Кафадарян К. К. Город Двин и его раскопки, I. Ереван, 1952, с. 236—237, рис. 222.
- 432 Полевой Л. Л. Городское гончарство, гл. IV.
- 433 Там же, гл. V, VI, VII.
- 434 Полевой Л. Л. Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV в. у с. Костешты. — МИАЭ МССР, 1964.
- 435 Там же, с. 140—144.
- 436 Там же, с. 138—140.
- 437 Полевой Л. Л. Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом сграффито Карпато-Дунайских земель. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968.
- 438 Spinei V. Указ. соч., с. 607—608.
- 439 Смирнов Г. Д. Археологические исследования Старого Орхоя; его же. Заселение романизованными племенами Пруто-Днестровского междуречья в свете археологических материалов. — В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 314; Полевой Л. Л. Городское гончарство, с. 24—28.
- 440 Федоров—Давыдов Г. А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964;
- 441 Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. — МИА, 1950, № 17, с. 167—171.
- 442 Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951, с. 143.
- 443 Хынку И. Г. Молдавская народная керамика. Кишинев, 1969, с. 9—11.
- 444 Bichir G. Quelques problemes des XIII et XIV siecles dans la Plane Valaque a la lumiere des fouilles de sauvegarde du village de Bragadiru, Dacia, IX, 1965, с. 430—435; Constantinescu N. Coconi. Ceramisa, Bucuresti, 1971.
- 445 Полевой Л. Л. Археологические материалы, с. 78—80.
- 446 Полевой Л. Л. Города средневековой Молдавии IX—XV вв. — В кн.: Резюме докладов симпозиума «Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма». Кишинев, 1973, с. 73.
- 447 Diaconu Gh. și Constantinescu N. Cetatea Scheia, Bucuresti, 1963, с. 73, рис. 36 (2), с. 80, рис. 41 (3, 5, 11).
- 448 Смирнов Г. Д. Производство глиняных печных изразцов и опыт ре-

- конструкции печей по материалам Старого Орхей. — «Изв. МФ АН СССР», 1956, № 4 (31), с. 77.
- 449 *Materiale și cercetări arheologice*, t. V, 1959, с. 603, рис. 6 (4).
- 450 Определение В. Л. Янина.
- 451 Определение Л. Л. Полевого.
- 452 *Documente privind istoria României* XIX—XV, t. I, с. 38, 87, 211 (см. далее: DIR...).
- 453 *Lăzărescu L. Localități vechi din jud. Iași constatate documentar între anii 1400—1504.* — «Studii», 1948, N IV, с. 209.
- 454 *Urechia A. Codex Bandinus.* — «An. Ac. Rom.», sect. ist., t. XVI. București, 1895, с. 29.
- 455 *Costăchescu M. Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare.* Iași, 1931, с. 494; DIR, v. XVI, t. I, с. 5, 10—11, 14—15.
- 456 DIR, v. XVII, t. II, с. 177, DIR, v. XVI, t. II, с. 122.
- 457 *Papiu-Harianu A. Tezauru de monumente istorice pentru România*, t. III. (см. далее: Tezauru...). București, 1864, с. 188.
- 458 *Бырня П. П., Чеботаренко Г. Ф.* Из исследований Поянского селища. — «Изв. МФ АН СССР», 1970, № 4 (70), с. 68—69.
- 459 *Павел Аллепский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию, вып. I. М., 1896, с. 46.
- 460 *Салманович М. Я.* Жилище коренного населения Молдавской ССР. — СЭ, 1947, № 4, с. 332.
- 461 *Donado de Lezze. Historia turchesca.* București, 1909, с. 83.
- 462 См.: *Hajdeu B. P. Arhiva istorică a României*, t. 1.
- 463 *Papiu-Harianu A. Tezauru...*, t. II, с. 16.
- 464 DIR, XIV—XV, t. I, с. 260, v. XVII, t. I, с. 62; t. II, с. 66, 70; t. III, с. 86.
- 465 DIR, v. XVI, t. IV, с. 42, 124; v. XVII, t. V, с. 100.
- 466 *Papiu-Harianu A. Tezauru...*, t. II, 1863, с. 16.
- 467 DIR, v. XVII, t. I, с. 157.
- 468 *Papiu-Harianu A. Tezauru...*, t. II, с. 16.
- 469 *Urechia V. A. Codex Bandinus*, с. 36.
- 470 Определение остеологического материала произведено доктором исторических наук В. О. Палкиным.
- 471 *Рабинович М. Г.* Раскопки в Москве в 1950 г. — КСИИМК, 1952, вып. X, IV, с. 117.
- 472 Мансуров А. А. Древнерусские жилища. — В кн.: Исторические записки, т. 12, 1941, с. 85.
- 473 *Ефимова А. М.* Metallургические горны в городе Болграде. — КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII, с. 129.
- 474 *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, вып. 65, с. 14.
- 475 *Смирнов Г. Д.* Из истории Старого Орхей. — «Изв. МФ АН СССР», 1960, № 4 (70), с. 85.
- 476 *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1968, с. 27—29; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 104—105; Moisil C. Monetele României. — ER, 1. București, 1938, с. 98.
- 477 *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки. — ВДИ, 2, 1970, с. 73—86;
- 478 *Нудельман А. А.* Клад серебряных монет Истрии и Тирры из с. Дороцкое Молдавской ССР. — НИС, 1971, 4, с. 78—82.
- 479 *Придик Е. М.* Анадолийский клад золотых статеров. СПб., 1902.
- 480 *Нудельман А. А.* Античный клад из с. Ляргуца. — Труды ГИКМ МССР», II, 1969, с. 129—133.
- 481 *Preda C. Moneda antică în România* (см. далее: Moneda antică...), București, 1969, с. 18.
- 482 *Preda C. Probleme de numismatică geto-dacă.* — SCN, III, 1960, с. 43.
- 483 *Там же*, с. 75.
- 484 *Казаманова Л. Н.* Указ. соч., с. 94.
- 485 *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. — САИ, 1961, Г4—4, с. 16.
- 486 *Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка. — МИА, 1969, 150, с. 95.
- 487 *Федоров Г. Б.* Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии нашей эры. — МИА, 89, 1960, с. 53—54.
- 488 *Preda C. Moneda antică*, с. 33—36.
- 489 *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР, с. 93—96. Его же. Новые находки римских монет в СССР. — НЭ, 1966, VI, с. 89—90; 94—95.
- 490 *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР, с. 13.

- 491 Рикман Э. А. Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках нашей эры (см. далее: Денежное обращение...). — НЭ, 1971, IX, с. 99.
- 492 Федоров Г. Б. Римские и ранневизантийские монеты на территории МССР. — В кн.: Omagiu lui Constantin Daicoviciu cu prilejul împlinirii a 60 de ani. București, 1960, с. 184—186.
- 493 Там же, с. 184—186; Рикман Э. А. Денежное обращение..., с. 100.
- 494 Кротошкин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, с. 26.
- 495 Рикман Э. А. Денежное обращение..., с. 102.
- 496 Федоров Г. Б. Римские и ранневизантийские монеты на территории МССР, с. 185.
- 497 Рикман Э. А. Денежное обращение..., с. 101.
- 498 Кротошкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, 1962, Е4—4, с. 9.
- 499 Там же, с. 38—49; его же. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, 1965, XXVI, с. 180—181; Карышковский П. О. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской обл. — МАСП, 1971, VII, с. 79—82.
- 500 Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 39—40. Preda C. Monedele bizantine în regiunea carpatodunăreană. — SCIV, 1972, 3, с. 389.
- 501 Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 130; Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970, с. 44.
- 502 Федоров Г. Б. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г. — КСИА, 1968, 113, с. 86, 88; его же. Городище Екимовцы. — КСИИМК, 1953, L, с. 110; его же. Славяне Поднестровья. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 138.
- 503 Федоров Г. Б. Городище Екимовцы, с. 110.
- 504 Спасский И. Г. Указ. соч., с. 42.
- 505 Янин В. Л. Указ. соч., с. 69, 121—122.
- 506 Федоров Г. Б. Городище Екимовцы, с. 110.
- 507 Янин В. Л. Указ. соч., с. 130; Спасский И. Г. Указ. соч., с. 44.
- 508 Янин В. Л. Указ. соч., с. 116—117; Спасский И. Г., Указ. соч., с. 44.
- 509 Янин В. Л. Указ. соч.; Спасский И. Г. Указ. соч.; Федоров Г. Б. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г., с. 86.
- 510 Федоров Г. Б. Там же, с. 112.
- 511 Полевой Л. Л. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии. — «Изв. МФ АН СССР», 1955, 5 (25), с. 86; его же. Происхождение молдавской денежной системы. — КСИА, 105, 1965, с. 75.
- 512 Потин В. М. Клад брактеатов из Поднестровья. — НИС, 1963, I, с. 109—127.
- 513 Там же, с. 118.
- 514 Там же, с. 122.
- 515 Там же, с. 121.
- 516 Там же.
- 517 Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 227.
- 518 Там же, с. 228.
- 519 Там же, с. 231.
- 520 Потин В. М. Клад брактеатов из Поднестровья, с. 110.
- 521 История Молдавской ССР, т. I, Кишинев, 1965, с. 84; Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 86; Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 4—5.
- 522 Полевой Л. Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в., с. 204.
- 523 Спасский И. Г. Указ. соч., с. 61; Котляр М. Ф. Грошовый обіг на території України доби феодалізму (см. далее: Грошовый обіг...). Київ, 1971, с. 47.
- 524 Полевой Л. Л. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии, с. 87.
- 525 Полевой Л. Л. Монеты из раскопок Старого Орхоя. — В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 317.
- 526 Полевой Л. Л. Городское гончарство, с. 204.
- 527 Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхоя. — КСИИМК, 1956, 66, с. 79, 80; его же. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. — СА, 1965, 3, с. 69.

- 528 *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в., с. 204.
- 529 *Полевой Л. Л.* К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв. (см. далее: К топографии кладов...). — «Изв. МФ АН СССР», 1956, 4 (31), с. 101.
- 530 *Там же*, с. 92.
- 531 *Полевой Л. Л.* Монеты из сборов на поселении Костешты-Гырля. — В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969, с. 148; *его же*. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхей, с. 84; *его же*. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в., с. 10.
- 532 История Молдавской ССР, I. Кишинев, 1965, с. 87.
- 533 *Полевой Л. Л.* Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства. — В кн.: Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972, с. 9.
- 534 *Там же*, с. 9.
- 535 *Там же*, с. 10.
- 536 *Kirişescu C.* Sistemul bănesc al leului şi precursorii lui, I. Bucureşti, 1964, с. 84, 85; *Iliescu O.* Moneda în România. Bucureşti, 1970, с. 25.
- 537 *Штерн Э. Р.* Раскопки в Аккермане летом 1912 г. Одесса, 1913, с. 10.
- 538 *Kirişescu C.* Указ. соч., с. 85; *Iliescu O.* Moneda în România, с. 25.
- 539 *Полевой Л. Л.* Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства, с. 13—14.
- 540 *Kirişescu C.* Указ. соч., с. 86.
- 541 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей. — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1973, с. 221. *Kirişescu C.* Указ. соч., с. 90; *Iliescu O.* Indreptări şi întregiri mărunte cu privire la unele emisiuni monetare feudale ale ţărilor române. — SCNI, 1957, 1, с. 221—222; *его же*. Un tezaur de monede moldoveneşti din prima jumătate a sec. XV, descoperit la Suceava. — AM, 1967, V, с. 162; *Neamţu E.* Tezaurul de monede anepigrafe de arama de la Alexandru cel Bun descoperit la Iaşi. — AM, 1964, II—III, с. 496, 501.
- 542 *Iliescu O.* Moneda în România, с. 27—28.
- 543 *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 133.
- 544 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей, с. 223; *Moisil C.* Указ. соч., с. 114; *Luchian O.* Un nou tip de monedă moldovenească. — SCN, 1960, III, с. 509; *Hordila D.* Opt monede de la Ilias. Carpica, II, 1969, с. 329; *Iliescu O.* Moneda în România, с. 30.
- 545 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей, с. 224; *Moisil C.* Указ. соч., с. 114.
- 546 *Полевой Л. Л.* К топографии кладов..., с. 100; *его же*. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхей, с. 81;
- 547 *Moisil C.* Указ. соч., с. 115.
- 548 *Kirişescu C.* Указ. соч., с. 92; *Iliescu O.* Moneda în România, с. 32.
- 549 Находки молдавских монет времен правления Петра III Арона (чеканенные в период как до, так и после осуществления реформы) на территории Днестровско-Прутского междуречья пока не обнаружены.
- 550 *Kirişescu C.*, Указ. соч., с. 92;
- 551 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей, с. 225; *Iliescu O.* Emisiunile monetare ale Moldovei în timpul domniei lui Ştefan cel Mare. — In.: „Cultura moldovenească în timpul domniei lui Ştefan cel Mare“, Bucureşti, 1964, с. 204, 206.
- 552 *Там же*.
- 553 *Там же*.
- 554 *Там же*.
- 555 *Там же*.
- 556 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей, с. 226.
- 557 *Iliescu O.* Moneda în România, с. 38.
- 558 *Нудельман А. А.* Европейские монеты XV—XVII вв. из раскопок Старого Орхей, с. 227.
- 559 *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами. II, 1922, с. 1—2; *Спасский И. Г.* Указ. соч., с. 73.
- 560 *Сиверс А. А.* Указ. соч., с. 9; *Маркевич В. И.*, *Полевой Л. Л.*, *Фин Ш. Р.* Кугурептский монетно-весовой клад XV в. — «Труды ГИМ МССР», 1961, 1, с. 75—103.

- ⁵⁶¹ *Сиверс А. А.* Указ. соч.; *Полевой Л. Л.* К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии, с. 87, 91; *его же.* К топографии кладов, с. 92—93; *его же.* Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхоя, с. 82.
- ⁵⁶² *Полевой Л. Л.* К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии, с. 87; *его же.* К топографии кладов..., с. 93.
- ⁵⁶³ *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг..., с. 68.
- ⁵⁶⁴ История Молдавской ССР, т. I, с. 111—115; *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 128—133.
- ⁵⁶⁵ *Полевой Л. Л.* Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства, с. 26, 35, 38.
- ⁵⁶⁶ *Спасский И. Г.* Указ. соч., с. 73; *Маркевич В. И., Полевой Л. Л., Фин Ш. Р.* Указ. соч., с. 80.
- ⁵⁶⁷ *Котляр М. Ф.* Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст. (см. далее: Галицька Русь...). Київ, 1968, с. 87—107; *его же.* Грошовий обіг..., с. 70; *его же.* Монеты Червоной Руси в денежном обращении Польского государства в конце XIV и в XV вв. — НЭ, 1965, V, с. 172; *его же.* О технике чеканки монет в Червоной Руси XIV—

- XV вв. — «Труды Государственного Эрмитажа», 1967, XI, 3, с. 92.
- ⁵⁶⁸ История Молдавской ССР, т. I, с. 111—115; *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 128—132; *Котляр М. Ф., Галицька Русь...*, с. 38—39; *Маркевич В. И., Полевой Л. Л., Фин Ш. Р.* Указ. соч., с. 80.
- ⁵⁶⁹ История Молдавской ССР, т. I, с. 115; *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 133.
- ⁵⁷⁰ *Полевой Л. Л.* К топографии кладов..., с. 95; *Kiritescu С.* Указ. соч., с. 92.
- ⁵⁷¹ История Молдавской ССР, т. I, с. 115.
- ⁵⁷² *Мохов Н. А.* Указ. соч., с. 207.
- ⁵⁷³ История Молдавской ССР, т. I, с. 178.
- ⁵⁷⁴ Там же, с. 177.
- ⁵⁷⁵ Там же.
- ⁵⁷⁶ Там же.
- ⁵⁷⁷ *Moisil С.* Указ. соч., с. 119.
- ⁵⁷⁸ История Молдавской ССР, т. I, с. 165—166.
- ⁵⁷⁹ *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. Минск, 1968, с. 47, 49—50.
- ⁵⁸⁰ *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг..., с. 121, *Moisil С.* Указ. соч., с. 121.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АП — Археологічні пам'ятки
ВВ — Византийский Временник
ВДИ — Вестник древней истории
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗРАО — Записки Российского Археологического Общества
Изв. МФ АН СССР — Известия Молдавского Филиала АН СССР.
КСИА — Краткие сообщения Института Археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии и этнографии СССР.
МИАЭ МССР — Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская Археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская Этнография
УЗИИЯЛ — Ученые записки института истории языка и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (VIII—I вв. до н. э.)	
Сведения древних авторов	7
1. Племена степной и лесостепной зон Молдавии в VIII—VI вв. до н. э.	11
2. Скифы на территории Днестровско-Прутского междуречья в IV—III вв. до н. э.	26
3. Геты на территории Днестровско-Прутского междуречья в IV—III вв. до н. э.	37
4. Днестровско-Прутское междуречье во II—I вв. до н. э.	46
САРМАТЫ И ПЛЕМЕНА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (I—IV вв.)	
Сведения древних авторов	53
1. Сарматы	54
2. Племена черняховской культуры	60
КУЛЬТУРА СЛАВЯН МОЛДАВИИ (VI—IX вв.)	
Сведения древних авторов	81
1. Вопросы периодизации и датировки памятников	82
2. Поселения, Жилища и хозяйственные сооружения	87
3. Занятия населения	90
4. Могильники, Погребальный обряд	106

ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОДНЕСТРОВЬЯ (X—XII вв.)

Сведения летописей	109
1. История исследования и датировка памятников	110
2. Поселения и жилища	111
3. Занятия населения	114
4. Погребальный обряд и религиозные представления	124
5. Судьбы восточнославянского населения Поднестровья	126

ПАМЯТНИКИ БАЛКАНО-ДУНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (X—XIV вв.)

Сведения древних авторов	127
1. Вопросы хронологии памятников	128
2. Жилища. Занятия населения	129
3. Погребальные обряды	140
4. Варианты балкано-дунайской культуры	143
5. Составные элементы балкано-дунайской культуры	147

ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ (XIV в.)

Под властью Золотой Орды	151
1. Поселения	153
2. Города	155
3. Занятия населения	160

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ МОЛДАВАН (XV—XVII вв.)

Датировка памятников	169
1. Материальная культура сельского населения	171
2. Материальная культура городского населения	185

МОНЕТА И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (IV в. до н. э.—XVII в.)

1. Античные монеты	191
2. Средневековые монеты	195
3. Монеты периода независимого Молдавского феодального государства	199
4. Монеты периода турецкого владычества	206
Примечания	211
Список условных сокращений	229

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА МОЛДАВИИ

*Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР*

Редактор В. И. Добровольская
Художник А. Ф. Святченко
Художественный редактор В. А. Чушин
Технический редактор Н. В. Попеску
Корректор Н. В. Казак.

Сдано в набор 27.XII 1973.

Подписано к печати 12.IX 1974. АБ11501.

Формат 70×90¹/₁₆. Бумага машиномелованная.

Печ. л. 14,5. Усл.-печ. л. 16,96. Уч.-изд. л. 16,74.

Тираж 1350.

Цена 2 р. 38 к. Зак. № 359.

Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарна, 10.